

№9

Сентябрь 2014

ТУСОВСКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9⁽¹⁰⁷⁾
Сентябрь 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ИТАЛЬЯНСКИЙ КЛЮЧ ОТ ГРУЗИНСКОГО ДОМА
НИНА ШАДУРИ
- 9 «МЦЫРИ» И ИМЕРЕТИНСКОЕ ВОССТАНИЕ
РОКСАНА АХВЕРДЯН
- 16 ЭПИКУРЕЕЦ И ФИЛОСОФ ГИЗО ЖОРДАНИЯ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 22 КОГДА СБЫВАЮТСЯ ПРОГНОЗЫ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 25 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 «ТОВАРИЩЕСТВО НОВОЙ ДРАМЫ» В ТИФЛИСЕ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 34 ДЕНЬ ВОСЬМОЙ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 36 ДВОР ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА
БОРИС ДОБРОДЕЕВ
- 42 БАТУМИ – ГОРОД ДРУЖБЫ
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 45 УНИВЕРСАЛЬНАЯ МАМА

На обложке – Закат над Мцхета.
Фото А.Сватикова

ОТ ДО

ГОРОД КОММАНДАНТЕ

12 сентября 1919 года небольшой отряд лихих итальянских боевиков под предводительством знаменитого писателя, модного поэта-символиста и героического летчика Габриэле Д'Аннунцио захватил хорватский портовый город Фиуме, ныне Риека. Ведь сразу после Первой мировой времена были мутные, бунтарские. Революционеры всех мастей пытались захватить в свое распоряжение целые города и небольшие провинции для строительства по своим лекалам всевозможных «Городов Солнца». Так на целых пятнадцать месяцев Фиуме стал городом вольным и в нем правила анархия – мать порядка, пополам с фашистской идеей, но потом он все-таки отошел к Италии. На это событие ехидно откликнулся В.В. Маяковский:

Фазан красив ума – ни унции

Фиуме спяну взял Д'Аннунцио...

Все это время опьяненные свободой жители солнечного приморского города с факелами маршировали колоннами, носили черные рубашки, приветствовали друг друга вскинутыми руками, и почти никто не работал

– как с голода не поперемерли непонятно. А пламенный команданте Д'Аннунцио через какое-то время стал ярым сторонником Муссолини, через пять лет получил титул князя, а в 1937 возглавил Королевскую Академию наук.

«ЖЕМЧУЖИНА У МОРЯ»

Великая российская императрица Екатерина II была человеком образованным, эрудированным и, конечно же, книгу Николо Макиавелли «Государь» читала. А что написано в этой инструкции для властителей буквально на первых страницах? А написано там одно важнейшее правило – когда завоевываешь территорию у «при-

родного врага», в данном случае у Турции, необходимо строить там немедленно свои города. И матушка-государыня Екатерина Алексеевна этому совету хитроумного итальянца последовала – сначала в 1783 году основала Севастополь, а десятью годами позже и портовый город на месте турецкой крепости Хаджибей – знаменитую и прекрасную Одессу. Адмирал Осип Дерибас, еще мальчишкой в Ливорно принятый на русскую службу графом Алексеем Орловым и дослужившийся до больших чинов, подал на высочайшее имя проект закладки здесь крупнейшего порта на Черном море. Первые сваи были забиты после молебна утром 2 сентября 1794 года – это официальная дата основания города. Так что именно Дерибасу, сыну знатного каталонца и пламенной ирландки мы и обязаны появлением на карте России прекрасного города, который как только ни называли – и «Южной Пальмирой», и «Жемчужиной у моря», и приморским Парижем, и даже Одессой-мамой. Меньше, чем за 100 лет Одесса стала четвертой по населению в Российской империи после Петербурга, Москвы и Варшавы. Исключительно удобное географическое положение превратило ее из небольшого поселения в торговый, промышленный и научный центр европейского значения. Ей был предоставлен статус свободного, почти иностранного порта. Здесь делались огромные состояния, и городские власти старались этому не мешать, а напротив, поощрять торговлю и предпринимательство. В историю города вписали свои имена многие выдающиеся люди, бывшие здесь градоначальниками – это и потомок легендарного великого кардинала герцог А.Ришелье (1803-1814), и еще один француз А.Ланжерон (1814-1823), и блестящий русский вельможа граф М.Воронцов (1823-1844). Они построили настоящий европейский город. Современная Одесса, пережившая и промышленный рост, и несколько революций, и войны, и оккупации, и смены властей от царской и советской до нынешней украинской, продолжает оставаться веселым, энергичным и талантливым городом. Ведь по европейским меркам Одесса еще очень молода – ей исполняется 220 лет.

ЮБИЛЕЙ ВУЗОВ

1 сентября 1919 года в молодой Советской республике основаны два высших учебных заведения. По инициативе знаменитого Николая Егоровича Жуковского создан Московский авиационный техникум, а ныне Военно-Воздушная инженерная академия имени профессора Н.Е. Жуковского.

Также в столице открыта первая в мире Государственная киношкола, переименованная в 1925 в Государственный кинотехникум. А с 1934 года он называется Всесоюзным государственным институтом кинематографии (ВГИК).

А еще в этот день на заседании Парламента Азербайджанской Демократической Республики было принято решение об основании Бакинского университета.

СОКРОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

О нашем герое в среде ехидной советской интеллигенции бродил популярный литературный анекдот: «Убегает пионер Петя от злого дворника и думает: «Добегу до дому и стану читать своего любимого детского писателя С.» А в это время детский писатель, дописывая очередной донос, думает: «Освобожусь и сяду почитать немецкого писателя Ремарка». А в тот же час мировая знаменитость Эрих Мария Ремарк, дописывая очередную главу, предвку-

шал, как сейчас будет читать своего любимого русского писателя Андрея Платонова. А в этот миг злой дворник Андрей Платонов поймал пионера Петю». В этом году исполняется 115 лет со дня рождения Андрея Платоновича Клементова, которого мы знаем под псевдонимом А. Платонов. Этот гениальный уроженец провинциального Воронежа был очень популярным писателем в двадцатые годы. Его, невзирая на явный «неформат» и полное отсутствие в произведениях принципов соцреализма, почему-то постоянно печатали. РАППовские инквизиторы яростно критиковали его странноватые книги, написанные нарочито неуклюжим и каким-то вывернутым языком. Но «закрыть» Платонова у них почему-то никак не получалось – он был насквозь пролетарского происхождения, из семьи железнодорожников, к тому же в Гражданскую воевал в Красной Армии. И по профессии он был мелиоратором, а вовсе не рафинированным интеллигентом. Даже сам товарищ Сталин, явно не решив, что с ним делать, говаривал: «Талантливый писатель, но сволочь!» Скорее всего, Отца народов привлекал его мужественный и точный слог, несмотря на беспощадное изображение безнадежной абсурдности советского бытия. Конечно, была и травля в газетах, но Андрея Платоновича в тридцатые так и не посадили. Ему отомстили по другому – в лагеря попал его пятнадцатилетний сын. В войну Платонов отправился на фронт военным корреспондентом. И воевал до самой победы. Сын, за

которого он не переставал хлопотать, вернулся из лагерей большой туберкулезом. Он долго не прожил, но перед смертью заразил отца. В послевоенные годы Платонова абсолютно не печатали, и он, смертельно больной, был вынужден работать литературным обработчиком, переводчиком, а иногда и попросту рабочим сцены в таировском театре неподалеку от дома, или даже дворником в окрестных дворах. Он прожил всего 51 год, но успел оставить после себя потрясающую и глубокую прозу, полную философских загадок, с элементами как экзистенциализма, так и коммунистических и христианских воззрений. А европейские литературоведы отметили, что его «Чевенгур», «Котлован», «Епифанские шлюзы», «Джан» и «Сокровенный человек» воздействуют сильнее, чем проза признанных создателей театра абсурда Ионеско и Беккета.

ПРИЧУДЫ БОГАТЫХ

Вот уже 155 лет по железным дорогам катятся знаменитые спальные «пультмановские» вагоны. Но они, конечно же, не для всех пассажиров, а только для весьма обеспеченных, ведь комфорт в пути – штука дорогая, и не всем по карману. 1 сентября 1859 года в Чикаго молодой инженер Джордж Мортимер Пульман продемонстрировал свое изобретение – спальный вагон собственной конструкции, призванный осчастливить мобильную часть человечества. Предприимчивый молодой человек сделал ставку не на широкий спрос, а на узкую прослойку богачей. Его вагон поражал роскошью: кресла, покрытые шагреновой кожей, полы, утопавшие в коврах, роскошные тисенные обои на стенах, впоследствии – электрическое освещение. Заказчики дружно выстроились в очередь, и молодой инженер очень быстро стал миллионером. Новинка имела оглушительный успех и в Европе. В 1883 году пультмановскими вагонами оснастили и легендарный «Восточный экспресс». Богатые люди, следующие по маршруту Париж-Стамбул, теперь получали в свое распоряжение купе, отделанные ценными породами дерева, с хрустальными

люстрами и шторами из генуэзского бархата. А обедали они в вагоне-ресторане, отделанном во вкусе «Мадам Помпадур» и украшенном картинами Делакруа. Как говорится, все за ваши деньги.

КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

Так называлась новелла Виктора Гюго про нашего героя. О нем сложено немало баллад и написано немало книг. Хоть и прошло больше полтысячелетия, французы его до сих пор помнят. 12 сентября 1494 года родился популярный французский король Франциск I. Примечательно, что он не был прямым потомком предыдущего монарха Луи XII, и на престол вступил только, женившись на его дочери Клод – умненькой, тихой и застенчивой дурнушке. Так у Франции появился кумир – высокий, красивый, веселый рыцарь и храбрец. Его называли королем-дворянином, или первым из дворян. Представьте, он даже вызвал на

дуэль своего заклятого врага испанского короля – правда, тот вызов проигнорировал. Франциск правил, как пировал, чередуя застолья с друзьями, славные битвы, тяжелую походную жизнь, амурные победы, умные беседы с мудрецами. Он был очень образован и покровительствовал людям науки и искусства – среди его друзей были Бенвенуто Челлини и Леонардо да Винчи. Он был благороден и отважен. Это Франциск, попав в плен под Павией, сказал: «Потеряно все, кроме чести». Но невзирая на столь блестящие достоинства, он все-таки в первую очередь был владыкой, со всеми присущими им недостатками. Чтобы выбраться из испанского плена, он оставил в заложниках собственных сыновей. Чтобы воевать, Франциск обложил непомерными налогами крестьян и ремесленников, чем буквально обанкротил страну. Да и с женщинами он тоже особенно не церемонился – опера «Риголетто», это ведь про него и дочку его шута Трибуле. Но и Возрождение во Францию привнес тоже Франциск – его тянуло ко всему итальянскому. Он даже сына Генриха по беспечности женил на девушке из Флоренции по имени Екатерина Медичи. Знал бы веселый король, что это обойдется Франции в страшную Варфоломеевскую ночь, может задумался бы...

Роб АВАДЯЕВ

ИТАЛЬЯНСКИЙ КЛЮЧ ОТ ГРУЗИНСКОГО ДОМА

У грузин, как известно, собственная гордость. Наш брат, как правило, убежден, что мы сами себе пророки в своем отечестве. И нет нужды учиться у иностранца любви к родине. Но, ей-богу, зачастую именно у зарубежного коллеги можно получить такие уроки преданности грузинской культуре, наблюдать такие примеры популяризации позитивного имиджа нашей страны, что становится не только радостно, но и совестно – почему это сделал не ты, а скажем, итальянец? Например, Луиджи Магаротто – профессор, картвелолог, автор переводов грузинской поэзии на итальянский язык, член Национальной академии наук Грузии, до недавнего времени – руководитель отделения американистики, славистики и испанистики Венецианского университета Ca' Foscari. Автор, составитель и редактор десятков книг, профессор Магаротто – выдающийся исследователь и первооткрыватель, ему принадлежит ряд интереснейших научных наблюдений и концепций. А еще он точнее остальных ответил на наивный, но очень сложный вопрос – для чего нужна филология? В одной из своих статей Л.Магаротто сформулировал великое значение филологической науки: именно она дает возможность читателю «изучать и хранить литературу в своей памяти как часть великого национального наследия, как «золотой ключ от родного дома». В этом смысле Луиджи Магаротто – выдающийся «ключник», для которого родным домом является не только итальянская, но и грузинская, и русская культура – поэзия, живопись, история, духовная литература.

Мы встретились с ученым в знаменательные дни, когда ему была присуждена степень почетного доктора Тбилисского государственного университета имени Ив. Джавахишвили «за выдающийся вклад в популяризацию Грузии и грузинского языка и укрепление грузино-итальянских культурных связей».

- Как итальянский славист стал картвелологом?

- Действительно, я закончил отделение русского языка Венецианского университета Ca' Foscari. Моим первым иностранным языком стал русский, поскольку на меня повлияли великие русские писатели – Толстой, Пушкин. Студентом около года стажировался в Московском университете имени Ломоносова. В это время я и начал читать грузинских поэтов в переводах Пастернака. Я знал, что грузинский язык – очень странный, не индоевропейский. И после защиты диплома решил посмотреть, что это за страна – Грузия, и самому услышать грузинский. Впервые я приехал в Грузию в 1975 году и пробыл здесь три месяца. А потом приехал снова и стал изучать грузинский язык в университете как иностранный студент. В ТГУ тогда работали педагоги, у которых уже был опыт преподавания иностранцам – Шукия Апридонидзе, Ния Абесадзе...

▲ Луиджи Магаротто в Пушкинском сквере

- Сложно было учить грузинский?

- Конечно, сложно. Но не столько потому, что сам язык сложный, а потому, что тогда в Грузии все говорили по-русски. То есть между собой говорили по-грузински, а с иностранцами – по-русски. Если вы изучаете иностранный язык, вы обязаны говорить только на этом языке. Иначе вы никогда его не выучите. В этом смысле мне было непросто. Помню, когда приходил на рынок и спрашивал о чем-то по-грузински, продавцы тут же переходили на русский язык. Понимаете, это была их вежливость – таким образом они хотели облегчить мне общение. Так что знание русского языка мне немного мешало в изучении грузинского... Потом я приехал в Грузию несколько раз, стажировался. Моя дипломная работа была посвящена журналу Владимира Маяковского «Новый ЛЕФ». Вообще меня интересовала русская культура начала XX века – символисты, футуристы, авангардисты. И в Грузии я занимался именно этой сферой – Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Григол Робакидзе... Робакидзе тогда был запрещен, и было очень сложно найти что-то, связанное с ним – самой его фамилии словно бы и не существовало. И все-таки я находил. В Грузии я собрал много материалов, и не только о тех, кто был хорошо известен, но и о малоизвестных поэтах, которые жили и писали в Грузии. Например, Колау Чернявский. Уроженец Молдавии, в 1927 году в Тифлисе он издал книгу своих стихов, где опубликовал первый русский перевод «Парижской оргии» Рембо. А спустя четыре года выпустил сборник переводов Симона Чиковани. Чернявский был одним из членов литературной группы «41». В общем, материалов я собрал так много, что поневоле задумался – что с ними делать? Их было слишком много для статьи, но достаточно для книги. И тогда с моими итальянскими коллегами мы решили подготовить книгу об авангарде в Тифлисе. Она была издана в 1982 году и имела большой успех. На тот момент даже специали-

сты не знали, что в Грузии существовал такой сильный авангард и в литературе, и в живописи. После нашей книги грузинский и русский авангард в Тифлисе получил известность. А я навсегда влюбился в грузинскую культуру. Впоследствии я неоднократно приезжал в Грузию, стажировался, занимался творчеством Ильи Чавчавадзе, Николоза Бараташвили и особенно – Галактиона Табидзе.

- И переводили его стихи на итальянский?

- Совершенно верно.

- Переводили с оригинала?

- Конечно. Если вы прочли оригинал, а потом – перевод, например, Пастернака, то этот перевод поневоле оказывает очень сильное влияние на вас. Вы попадаете от него в зависимость. Поэтому я читаю оригинал, анализирую, как автор строит фразу, какие рифмы использует, как они звучат...

- Итальянский читатель в состоянии почувствовать величие стихов Галактиона?

- Это огромная проблема, которая всегда вызывает споры.

- Французы, например, уважают Пушкина из вежливости, но как поэт он для них не существует. Как сказал писатель Луи Мартинес, «в огромном большинстве случаев стихи Пушкина в переводе на французский звучат немножко в духе тех рифмованных рецептов, которые печатаются у нас на фартуках домохозяек».

- По-итальянски Пушкин тоже не звучит как великий поэт. Итальянский читатель понимает, что это хороший поэт, но не воспринимает его как величину. И это не вина переводчиков.

- Поэзия непереводаема?

- Думаю, что в итоге непереводаема. Например, читая Джакомо Леопарди по-русски, понимаешь, что это неплохой поэт. Хотя его перевести Анна Ахматова. Читаешь его по-итальянски и осознаешь, что он велик.

- А как по-итальянски звучит Галактион?

- Неплохо, но, в основном, благодаря красоте итальянского языка.

- В 1985 году вышли два тома книги «Georgica» под вашей редакцией и Джанроберто Скарчия.

- Это научный труд, в котором нет никакого авангардизма. Мы впервые опубликовали дневник Ильи Зданевича, написанный во время путешествия по югу Грузии вместе с Эквтиме Такашвили. Он описывает места, в которых они побывали, обнаруженные ими церкви... Зданевич увлекся альпинизмом – рассказы об этом тоже есть в дневнике.

- Как вы обнаружили дневники?

- Они хранились у его вдовы в Париже, она дала мне их прочитать. Я перевел дневники с русского на итальянский. «Georgica» продолжает научную традицию симпозиумов, которые проходили в 1980-е годы. От Грузии их организацией руководил Вахтанг Беридзе, директор Института истории грузинского искусства, от Италии – Нина Каухчшвили, профессор кафедры славяноведения Университета Бергамо. Если не ошибаюсь, три симпозиума прошли в Грузии, три – в Италии. Это были масштабные, серьезные, очень интересные мероприятия, в которых принимали участие видные специалисты из многих стран мира. Мы говорили о грузинском искусстве, литературе, живописи.

- Если не ошибаюсь, вы занимались творчеством Ладо Гудиашвили?

- Да, с точки зрения критика. Когда читаешь замечательное стихотворение или смотришь на интересную картину, то поневоле сразу думаешь – здесь есть что-то странное. Начинаешь думать, почему это странно? И хочется найти объяснение. Я был неделю назад в Музее искусств Грузии, рассматривал персидские портреты каджарского периода. И вновь подумал о том, что есть какое-то влияние этой живописи на картины Гудиашвили. Я писал об этом. Некоторые критики со

мною согласны, некоторые нет. Но абсолютно отрицать такой тезис трудно.

- А что вас заинтересовало в творчестве Пиросмани?

- Лица. Он часто рисует лица, особенно – фронтальные. И даже когда изображает застольные группы, людей, который сидят, едят, пьют, обратите внимание, всегда есть один-два персонажа, которые смотрят прямо на вас. Думаю, что фронтальное лицо – типичная, характерная черта Пиросмани. Такое встречается у разных художников, но не так часто и явно, как у него.

- Когда вы смотрите на неизвестную вам картину или читаете незнакомый текст, по каким критериям определяете, что перед вами выдающееся произведение?

- По-моему, главный критерий – это наличие новых идей. Читатель, зритель должен понимать, что никогда ничего подобного не видел, не читал. Поэт может быть очень образованным, хорошо писать, но если нет удивления...

- То есть если кто-то творит в традиционной манере...

- Значит, он делает то, что уже было кем-то сделано, понимаете? Величина – это когда творец творит по-новому.

- Например, как Маяковский?

- Да. Он писал по-новому, так, как до него никто никогда не писал. Мы можем быть согласны или не согласны с его идеями, но его поэзия – настоящее новаторство.

- Пастернак, вы знаете, боготворил Маяковского. Но писал, что после поэмы «150 000 000» Маяковский как поэт для него закончился.

- В Италии тоже очень любят раннего Маяковского. Его продолжают переводить. Недавно появился новый перевод «Облака в штанах». Но, по-моему, Пастернак все-таки неправ. Он не любил идеи социализма, которые защищал Маяковский, и это ему мешало в восприятии. Стихи Маяковского – стихи настоящего поэта. Об этом я говорил с Николаем Харджиевым. Он мне однажды сказал: «Вы занимаетесь поэтами-футуристами, так вот запомните навсегда, что великие – это Маяковский и Хлебников. Хлебников – это Пушкин, а Маяковский – это Лермонтов XX века».

- В прошлом году вы принимали участие в конференции «Война и авангард». Ваш доклад назывался «Футурист Маяковский перед Первой мировой войной». Расскажите об этом.

- Первая мировая война началась 1 августа 1914 года. В октябре-ноябре Маяковский писал статьи и стихи о войне. Я проанализировал его подход к войне. У меня не было неизвестных документов, я работал по опубликованным материалам. Поначалу он хотел воевать, но потом, когда понял, что значит эта война, занял резко отрицательную позицию. Он об этом пишет ясно.

- Но пацифистом его не назовешь. Тем более, в том же «Облаке в штанах» он писал: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год».

- Он не был пацифистом. И защищал революцию. Но революция – это не война. Как и все футуристы, Маяковский ждал от революции нового дыхания, новых явлений, событий, изменений. И считал, что революция даст возможность выразить то, что было невозможно выразить в старом мире. А война – это совсем другое дело. Он был против войны.

- Юрий Карабчиевский в книге «Воскресение Маяковского», напротив, пишет о том, что насилие и ненависть раннему Маяковскому по душе.

- Не согласен. Революция для футуристов была как утопия, мечта о начале нового мира, где есть свобода и возможность независимо выражать свои идеи.

- Великая иллюзия.

- Революция и была великой иллюзией. Не только

русская, но и итальянская. Итальянские футуристы думали так же. В фашистской революции они видели новый мир, новые возможности, как русские – в социалистической революции. Разочарование пришло и там, и там. Ошиблись.

- Вы много писали о русской культуре. Вместе с двумя соавторами написали книгу «Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре».

- В Тифлисе существовала группа «41°», здесь жили и творили Алексей Крученых, Илья Зданевич, Игорь Терентьев, и они писали именно заумные стихи. В нашей книге мы рассказываем о Тифлисе, о русском и грузинском авангарде. У авангарда есть разные аспекты. К примеру, у Тициана Табидзе тоже есть сюрреалистические вещи. Заумный футуризм – очень глубокое явление, интересное, умное. Это стихи не для всех. Но его роль очень важна. В какой-то степени он подготовил почву, на которой выросли сюрреализм и другие течения. Сюрреализм, как и заумный футуризм, связан с подсознанием. Сравните даже строение слов: за – умный, под – сознание.

- А почему вы поставили рядом заумный футуризм и дадаизм, ведь это такие разные течения?

- Разные. Но оба они – «за...» Было дада в Цюрихе, Берлине, Кельне, французский дадаизм, русский и грузинский дадаизм в Тифлисе. И независимо друг от друга дадаисты создали похожие вещи. Дадаизм идет от заумного футуризма. Именно потому, что связан с подсознанием.

- Одна из ваших последних книг – «Присоединение Грузии к России».

- Она была издана на итальянском языке и переведена на грузинский. Что я могу сказать? Из уст российских политиков нередко звучит фраза о том, что мол, грузины хотели жить с нами, сами когда-то попросились к нам, но сейчас больше не хотят... Как все исторически обстояло на самом деле? Действительно, уже после подписания Георгиевского трактата, в 1800 году, царь Георгий XII попросил, чтобы Грузия вошла в состав Российской империи. Но, и это очень важно, на определенных условиях. В течение 6 месяцев в Петербурге заседала специальная комиссия, в которую входили важные государственные деятели. В конце концов, вышел официальный документ, в котором все было зафиксировано и все условия обговорены. Я просто его перевел. В документе говорится, что Россия го-

това принять Грузию в состав империи, а Георгий XII и его потомки будут продолжать царствовать по российским законам. Император Павел I официально заявил о своем согласии, и отдал распоряжение посланникам отправиться в Грузию и передать документ на подпись грузинскому царю. Правда, сделать этого не успели – Георгий XII умер. В то же время сохранилось письмо Павла его посланникам в Грузию, в котором он интересуется, сколько людей нужно, чтобы оккупировать Грузию? Понимаете? Он подписал документ, а сам тайно интересовался оккупацией. И в том же письме он пишет – мы знаем, что Георгий болен, если умрет, не дайте никому взойти на грузинский трон. Так и случилось. В конце декабря Георгий умер, и командующий русской армией заявил, что никому не разрешат взойти на трон. После чего Павел подписал манифест о присоединении Грузии к Российской империи. Манифест был опубликован в начале февраля 1801 года. Для грузин это стало абсолютной неожиданностью. Но решение уже было принято. В начале марта Павла убили, и его сын Александр послал сюда наместника, чтобы контролировать ситуацию. Александр не был уверен, что Грузию надо было присоединять к Российской империи. После 7 месяцев дискуссий в тайной комиссии, в сентябре 1801 года, Александр подписал второй манифест, в котором подчеркивалось, что Грузия присоединена к России не потому, что Россия хочет быть большой империей, но потому, что она хочет помочь грузинскому народу и так далее.

- Какая распространенная формулировка!

- В своей книге я привожу все эти документы.

- Какой резонанс имела эта книга?

- В Италии среди славистов об этих фактах никто не знал. Потому что слависты читают русских историков, а там совсем другая трактовка. Тот же Ключевский писал о том, что Павел был обязан присоединить Грузию, потому что якобы грузины об этом очень долго его просили. Это совсем другой исторический подход.

- Невероятно сложно бороться с историческими клише, правда?

- В данном случае – просто. Надо было просто прочитать документы. И все становится на свои места.

- А можно снова о поэзии?

- Пожалуйста.

- Меня очень заинтересовал изданный под вашей редакцией сборник «Якорь» - антология русской зарубежной поэзии.

- Я много занимался русской эмиграцией и ее поэзией. Париж находится недалеко от Италии, и я там часто бывал, работал в архивах, знакомился с эмигрантами старого поколения. Их уже нет... На самом деле, они были великие русские поэты и прозаики, которые не соглашались с идеями социализма.

- Кто из них для вас велик?

- Бунин. Мережковский. Гиппиус. Бальмонт. Георгий Иванов. Их много было. Сейчас все стало доступно, их произведения читают и ценят по достоинству.

- А что вы сами читаете на досуге?

- Я занимаюсь авангардом. Но очень люблю классику. И если днем я думаю о Хлебникове, Маяковском, Зданевиче, то вечерами читаю Данте и Пушкина. Как раз сейчас я готовлю книгу о русских классиках – Пушкине, Лермонтове и Льве Толстом, об их произведениях, связанных с Кавказом. Пишу о «Кавказском пленнике», «Цыганах», «Бахчисарайском фонтане» Пушкина, «Бэле» Лермонтова, «Набеге» и «Хаджи-Мурате» Толстого. Книга почти готова.

Нина ШАДУРИ

▲ М.Ю. Лермонтов. Военно-Грузинская дорога близ станции Мцхет

▲ М.Ю. Лермонтов. Автопортрет

«МЦЫРИ» И ИМЕРЕТИНСКОЕ ВОССТАНИЕ

О поэме М.Ю. Лермонтова «Мцыри», казалось бы, сказано все. Определены даже возможные прототипы ее героя (см. труды Н.Шабаньянца, М.Лохвицкого и др.). Однако вновь и вновь писатели и ученые возвращаются к анализу лермонтовской поэмы, к истории ее создания, что порождает порой новые цепочки версий и гипотез, пусть иногда кажущихся фантастическими. Любовь к Лермонтову неиссякаема. Отсюда пристрастность, отсюда предвзятость суждений, которая как раз и может оказаться пронизательнее многих фактов...

У нас – своя гипотеза, на первый взгляд фантастическая: Мцыри – грузин, имеретин, сын одного из участников Имеретинского восстания 1819-1820 годов.

Каковы основания для выдвижения подобной версии?

Начнем с того, что уточним возраст Мцыри. В поэме о пленном мальчике говорится: «он был, казалось, лет шести...» А в первоначальном варианте сказано еще определеннее: «Он был не старше лет шести...»

Какое же значение имеет для нас, сколько лет было Мцыри в то время, когда его пленили и отдали в монастырь? Известно, что в основу поэмы легла история, услышанная Лермонтовым в 1837 году в Грузии, где он отбывал свою первую ссылку. Но еще до этого Лермонтов задумал написать о монахе. В черновом наброске к поэме, датированной второй половиной 1831 года, ска-

зано: «написать записки молодого монаха 17-и лет. - С детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. - Страстная душа томится. - Идеалы...» Считается, что это набросок плана, до некоторой степени осуществленного в поэмах «Исповедь» и «Мцыри». Стоит обратить внимание на то, что и герою задуманной поэмы и автору во время ее написания было 17 лет. Но герой «Исповеди» жил в далекой Испании и умер в какие-то неизвестно давние года. А герой «Мцыри» - современник Лермонтова.

События, о которых повествуется в поэме, датируются довольно точно. Начало их относится, приблизительно, ко времени после 1801 года («Тогда уж Грузия была под властью русских»). А завершается рассказ временем недавним («немного лет тому назад...»), то есть близким к 1837 году. Следовательно, Лермонтов положил для Мцыри родиться в тот год, когда родился сам, в 1814 году. Мцыри попадает в плен шести лет, в 1820 году, что для нас немаловажно.

Судя по всему, Лермонтов связывает события своей поэмы с походами Ермолова в Чечню и Дагестан. «Русский генерал» (или «старый генерал» в другой редакции) – это и есть сам А.Ермолов, имя которого прямо называлось в черновиках «Мцыри». Действительно, в 1820 году завершилась возглавляемая Ермоловым первая крупная экспедиция против непокорных народов Чечни и Дагестана, начавшаяся еще в 1818 году. Ермолов вернулся из этой экспедиции в Тбилиси 23 февраля 1820 года, где он пробыл до конца декабря, а затем выехал в Петербург и возвратился из России обратно в Грузию лишь в сентябре 1821 года, после чего началась как бы вторая половина его пребывания в качестве «проконсула Кавказа» (см. Записки Ермолова, ч.II, 1816-1827 гг., М., 1868).

Лермонтов связывал пленение Мцыри с походом Ермолова в Чечню и Дагестан, и благодаря этому возникло распространенное мнение, что в лице Мцыри Лер-

▲ Ф.Константинов. Иллюстрация к «Мцыри»

монтов изобразил северокавказского горца, возможно, чеченца. К такому выводу приходят, например, авторы книги «М.Ю. Лермонтов и Чечено-Ингушетия» (Чечено-ингушск. книжн. изд-во, 1964, с.7). Существуют и другие версии (см. Т.Иванова. Лермонтов на Кавказе. М., изд-во «Детская лит.», 1968, с.90-95), не получившие, однако, признания в лермонтоведении.

Но если Мцыри был дагестанцем, то возникает вопрос: для чего Ермолову понадобилось везти маленького горца, да еще больного, через горы именно в Тбилиси? Не проще ли было отправить его в Дербент или оставить во Владикавказе? Кстати, именно там видел Пушкин детей аманатов (то есть пленных, заложников) во время своего путешествия в Арзрум в 1829 году.

Следует отметить, что Ермолов считал обязательным брать заложников, в том числе и детей, так как видел в этом эффективное средство для освобождения пленных русских солдат и офицеров и гарантию покорности завоеванных областей и племен. Отношение к заложникам при этом было весьма жестокое. Их казнили в случае мятежей, старались держать в условиях, не обременяющих казну. После окончания своего похода, в 1820 году, Ермолов писал: «От знатнейших фамилий приказал я взять 24 аманата и назначил им пребывание в Дербенте», то есть заложников не увезли, а оставили в надежном месте поблизости.

Нет ли здесь противоречия между «реальной» судьбой Мцыри и тем, как она описана в поэме? Конечно, Лермонтов был вправе отступить от житейского факта во имя художественной правды. И все же очевидное несовпадение «факта» и «правды» имеет, как правило, особый и важный смысл.

Как утверждают ученые, о пребывании Лермонтова на Кавказе и особенно в Грузии известно очень мало. Неизвестны точно не только имена людей, с которыми Лермонтов познакомился в период службы в Нижегородском полку, но даже точная дата его пребывания в Грузии. Считается, что в Закавказье Лермонтов прибыл не раньше середины октября, а обратно в Россию из Тби-

лиси выехал приблизительно 5-8 декабря 1837 года, то есть пробыл в Грузии около двух месяцев.

Одним из главных свидетельств того, что Лермонтов побывал в Грузии, во Мцхета, то есть в местах, описанных позднее в поэме «Мцыри», является его картина «Вид с саклей», на которой изображен монастырь Джвари, возвышающийся над Мцхета.

На картине виднеются также дальние очертания собора Светицховели. Несомненно, что одна из лучших живописных работ Лермонтова связана с замыслом «Мцыри». При этом, как справедливо указывает И.Андроников («Лермонтов в Грузии в 1837 году». М., Сов.писатель, 1955), в Светицховели внимание Лермонтова привлекли гробницы последних грузинских царей и где на могиле последнего грузинского царя Георгия XII Лермонтов читал надпись, пересказанную им в первой строфе «Мцыри»: «как, удручен своим венцом, такой-то царь, в такой-то год, вручал России свой народ». Изображенные на переднем плане мужчина и женщина, едущие верхом на ослике, движутся в сторону Тбилиси по Военно-Грузинской дороге, по которой ехал и Лермонтов.

А в Джварис-сакдари, мцхетском храме, воздвигнутом в VII веке, его поразило удивительное местоположение и подлинно романтическая обстановка. В своем описании поэт слил эти два мцхетских храма. Прямая узнаваемость поэтических описаний «Мцыри» и связанных с ними исторических мотивов, преданий и т.п. заставляет предположить не только то, что поэт побывал в этих местах, но и то, что рядом с ним находился человек, хорошо знавший эти окрестности, грузинскую историю, фольклор. В поэме визуальное впечатление и содержание связаны настолько тесно, что нельзя сомневаться – рассказы о здешних местах Лермонтов слышал здесь же, а не позднее – в тбилисских салонах и, тем более, вне Грузии, хотя поэму он написал двумя годами позднее – в 1839 году. Из описаний поэмы и картины Лермонтова становится неоспоримым, что поэт побывал здесь и, создавая поэму о Мцыри, он вспоминал этот великолепный памятник древнегрузинского зодчества.

До нас дошел рассказ П.А. Висковатова, основанный на свидетельствах А.П. Шан-Гирея и А.А. Хвастатова, повествующий о событиях, которые легли в основу поэмы «Мцыри» (М.Ю.Лермонтов. Соч. в 6-ти т. Т.4, изд. АН СССР. М.-Л., 1955, с. 409). Одни из исследователей, например, А.В. Попов, считают его совершенно достоверным, другие, в первую очередь, И.Л. Андроников, ставят под сомнение.

П.Висковатов рассказывает о том, как поэт, странствуя в 1837 году по Военно-Грузинской дороге, наткнулся во Мцхета на старого монастырского служку, «бери» по-грузински, который поведал ему свою историю. Сторож был последний из братии упраздненного близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что он родом горец, плененный ребенком генералом Ермоловым во время экспедиции. Генерал вез его с собою и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его к краю могилы. Излечившись, он примирился и остался в монастыре, где особенно привязался к старику-монаху. Этот рассказ произвел на Лермонтова впечатление, в герое поэмы он отразил удаля непреклонных сынов Кавказа, а в самой поэме изобразил красоты кавказской природы. («Русская старина». 1887. кн. 10. с. 124).

Первое возражение И.Андроникова относится к возрасту «бери». Ермолов бы назначен на Кавказ только в 1816 году, и его первые экспедиции относятся к 1818-1820 годам. Таким образом, взятый в плен шестилетний мальчик не мог успеть состариться к приезду Лермонтова в 1837 году. Здесь И.Андроников, безусловно, прав.

Второе же его возражение кажется нам необосно-

ванным. Андроников считает, что Висковатов сам составил эту историю, добавив к воспоминаниям свои собственные домыслы. Но нам представляется, что при внимательном анализе рассказа Висковатова и даже его противоречий можно установить ряд весьма интересных фактов.

И. Андроников пишет, что в первой половине XIX века во Мцхета не было действующего мужского монастыря, куда бы Ермолов мог отдать пленного горца. Светицховели был кафедральным собором. В Джварис-сакдари монастырь находился с VII века, но уже в X веке был упразднен. Самтавро – женский монастырь. Антиохейская церковь пустовала. Саркинети лежал в развалинах. Был когда-то монастырь в 11 верстах от Мцхета, на горе Зеда-Зени, но его в 1705 году разорили лезгины, и в 1830 году он по-прежнему лежал в развалинах.

Но почему-то И. Андроников и другие лермонтоведы упускают из виду, что в окрестностях Мцхета в те годы существовал довольно популярный в Грузии монастырь – Шиомгвимский (см. Вольский А. «Рельефы Шиомгвимского монастыря и их место в развитии грузинской средневековой культуры». Тбилиси, 1957), занимавший в иерархии грузинских монастырей второе после Зедазенского место. Как известно, Лермонтов интересовался Зедазенским монастырем и его окрестностями, поэтому вполне естественно предположить, что он знал и о существовании Шиомгвимского.

Известный грузинский историк Платон Иоселиани издал в 1845 году в Тбилиси книгу «Описание Шиомгвимской пустыни в Грузии». Прошло всего семь лет после того, как во Мцхета и его окрестностях побывал Лермонтов. Следовательно, данные, приводимые в книге, были еще очень актуальны. Иоселиани указывает, что к монастырю вели три дороги, одна из которых – с юга – идет через Мцхета. Именно этой дорогой мог воспользоваться Лермонтов. Когда-то в монастыре и близ него селилось около 5000 монахов. Сюда приходило огромное количество богомольцев. С 1803 года монастырь был заново заселен. И в 1820 году, то есть в год предполагаемого пленения Мцыри, и в 1837 году, когда во Мцхета и его окрестностях побывал Лермонтов, Шиомгвимский монастырь действовал и, стало быть, поэт мог побывать в нем, тем более, что в рассказе Висковатова говорится о «близлежащем монастыре».

Платон Иоселиани подробно рассказывает об устройстве обители, о числе комнат, где жили монахи, здесь же он приводит длинный список настоятелей Шиомгвимского монастыря. В этом списке бросается в глаза, во-первых, то, что все настоятели за указанный период были русскими, а, во-вторых, что все они со времени образования Тбилисской духовной семинарии, были ее ректорами. Следовательно, Шиомгвимский монастырь был придан Тбилисской духовной семинарии и управлялся, видимо, из Тбилиси. В-третьих, его настоятели возвращались через некоторое время в Россию и при этом «с повышением», получая высокие должности и места. Это говорит о важном значении Шиомгвимского монастыря в первой половине XIX века, а также и о том, что в эту обитель – единственный в окрестностях мужской монастырь – вполне мог попасть Мцыри, и, в свою очередь, этот монастырь мог посетить и Лермонтов в 1837 году.

И. Андроников упустил из виду этот монастырь, очевидно, потому, что искал обитель непосредственно во Мцхета, либо в направлении к Тбилиси. А Шиомгвимский монастырь находится как раз в противоположной стороне – по дороге к Кутаиси – столице Имерети. И если герой Лермонтова был не северокавказским горцем, а грузином и везли его не из Владикавказа, а из Кутаиси, то совершенно логично, что привезли его в Шиомгвимский монастырь.

В связи с нашей версией укажем на еще одно любопытное обстоятельство. П. Иоселиани в нескольких местах своей книги отмечает несомненное тяготение Ши-

омгвимского монастыря к Имерети. Так, рассказывая об одном из храмовых праздников, он говорит, что в Грузии подобные праздники отмечаются лишь в Имерети; в монастыре находится могила имеретинской царевны Тамары, дочери царя Шахнаваза. И, наконец, П. Иоселиани пишет: «В Имерети есть пустыня, именуемая также Мгвимскою... Она находится на берегу реки Квирила... на пути через Кортохи... (этот) путь и донныне служащий торговым между Карталиниєю и Имеретиєю» (с. 130).

Теперь что касается чужого для Мцыри языка, господствовавшего в монастыре. Мы привыкли считать, что для Мцыри чужим является грузинский язык. Но следует вспомнить, что к описываемому периоду, после отмены в 1811 году грузинской автокефалии, в некоторые дни было запрещено вести службу на грузинском языке. Учитывая, что в Шиомгвимском монастыре настоятели в то время были русские, можно сделать вывод, что служба здесь вообще велась только на русском языке, который был непонятен мальчику, доставленному из Имерети.

Известно, что в Грузии Лермонтов нашел много хороших друзей. В конце 1837 года он писал своему другу С. А. Раевскому из Грузии: «...Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе, есть люди очень порядочные», но, к сожалению, никого из них не называет. Нет сомнения, что Лермонтов имел в виду представителей местной интеллигенции. Хотя мы не располагаем документально обоснованными данными, с кем встречался Лермонтов в свой приезд в Грузию в 1837 году, можно не сомневаться, что он установил связи с грузинским обществом, и, в частности, с семьей грузинского поэта и общественного деятеля, тестя Грибоедова Александра Чавчавадзе через Прасковью Николаевну Ахвердову, в девичестве Арсеньеву, троюродную сестру покойной матери Лермонтова, то есть свою троюродную тетку.

По утверждению И. Андроникова и В. С. Шадури, Лермонтов в доме А. Чавчавадзе должен был побывать непременно не только как поэт, прославившийся стихами на смерть Пушкина, но и как родственник женщины, связанной с домом Чавчавадзе не только родственными узами, но и долгой и прочной дружбой. И, конечно, трудно допустить, чтобы он пренебрег возможностью встретиться с вдовой Грибоедова. Во время пребывания в Кахетии Лермонтов, несомненно, ездил в Цинандали к грузинскому поэту Александру Чавчавадзе, отцу Нины Грибоедовой. Вполне очевидно, что Лермонтов во время своего пребывания в Грузии познакомился не только с Александром Чавчавадзе и Ниной Грибоедовой, но и с поэтами Григолом Орбелиани и Николозом Бараташвили.

Это знакомство могло произойти в тифлисском доме Прасковьи Николаевны Ахвердовой, женой генерала Ф. И. Ахвердова, командира артиллерии Отдельного Грузинского корпуса. Она была талантливой и высокообра-

▼ М.Ю. Лермонтов. Нападение

зованной женщиной того времени, занималась живописью и музыкой. В 1816-1830 годах она жила в Тифлисе. Ф.И. Ахвердов был родственником жены Александра Чавчавадзе, и семьи их были близки друг другу. Пراسковья Николаевна обучала музыке и занималась воспитанием Нины Чавчавадзе, которая позже стала женой Александра Грибоедова. Именно в доме Ахвердовой Грибоедов познакомился со своей будущей женой. У Арсеньевой-Ахвердовой в доме ранее бывали Пушкин и В.Кюхельбекер.

После смерти мужа Прасковья Николаевна в 1830 году вернулась в Петербург. Живя в Царском Селе и Петербурге, она постоянно встречалась и поддерживала родственные отношения с Лермонтовым и его бабушкой – Е.А. Арсеньевой. В 1836 году Лермонтов пишет: «Милая бабушка. Так как время вашего приезда подходит, то я уже ишу квартиру, и карету видел, да высока; Прасковья Николаевна Ахвердова в мае сдает свой дом, кажется, что будет для нас годиться, только все далеко» (см. И.Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году., М., 1955, с.70). При отъезде Лермонтова в ссылку в 1837 году, П.Н. Ахвердова, жившая тогда в столице, несомненно, снабдила Лермонтова рекомендательным письмом к семье Чавчавадзе.

Личное знакомство Лермонтова с Ниной Грибоедовой могло состояться в октябре-ноябре 1837 года, когда поэт, служа в Нижегородском драгунском полку, мог посетить семью Чавчавадзе в Тифлисе или в их имении Цинандали (Кахетия). Возможно также, что Лермонтов останавливался в Тифлисе в 1837 году у Егора Федоровича Ахвердова, пасынка П.Н. Ахвердовой-Арсеньевой, подпоручика Грузинского гренадерского полка, близкого к семье Чавчавадзе.

Как доказывает В.С. Шадури («Летопись дружбы», сост. В.С. Шадури, Тбилиси, 1967, с.301-302), стихотворение Лермонтова «Кинжал» посвящено Нине Чавчавадзе, с которой Лермонтов встречался, и написал его в 1837 году перед отъездом из Грузии. Лермонтов и А.Одоевский в 1837 году, находясь в Грузии, часто беседовали с вдовой Грибоедова Ниной, ходили на могилу бесспорного творца «Горя от ума» на горе Мтацминда. Нина была тронута их вниманием и в знак благодарности решила подарить каждому из них по кинжалу из общей коллекции своего отца и мужа. Причем кинжал в качестве подарка был выбран «со значением», «как символ верности долгу, чести, дружбе, светлому делу своих друзей по «оружию» и по «лире».

Известно, что среди вещей Лермонтова сохранился

▼ Мцхета. Светицховели

кинжал, привезенный им из первой ссылки. «Кинжал» – одно из многих произведений Лермонтова, выражающих его любовь к Кавказу, симпатию к его народам. Исследователи сближают также образ Тамары в поэме «Демон» с Ниной Грибоедовой. Уезжая из Грузии, Лермонтов написал стихотворение «Спеша на Север издадека», посвященное Маико Орбелиани, душевному другу великого грузинского поэта Николоза Бараташвили, автора стихотворения «Мерани», по своему духу близкого поэме Лермонтова «Мцыри».

Несомненно, Лермонтов нашел хороших друзей и в Нижегородском полку, в котором он служил в Грузии. Нами установлено, что в этом полку служил и князь И.М. Андроникашвили, сын двоюродной сестры царя Имерети Соломона II. В 1812 году И.М. Андроникашвили вместе с матерью прибыл из Имерети в Петербург, где получил блестящее образование. Стал юнкером. В 1824 году он уже был майором Нижегородского драгунского полка, в составе которого с 1830 по 1849 год воевал против лезгин. Следовательно, И.М. Андроникашвили находился в Нижегородском полку и в 1837 году, в то время, когда там служил Лермонтов. В 1849 году И.М. Андроникашвили стал военным губернатором Тифлисской губернии.

Тот факт, что человек, близкий ко многим участникам Имеретинского восстания, служил вместе с Лермонтовым в одном полку, возможно, не привлек бы нашего внимания, если бы не одна деталь, которую почему-то все исследователи упускают из виду: командиром Гродненского полка, куда Лермонтов отбыл в 1838 году, был Дмитрий Георгиевич Багратиони-Имеретинский.

В Нижегородском полку к Лермонтову относились, наверняка, очень тепло, недаром, уезжая из Грузии, он писал: «Если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли поселение веселее Грузии». Трудно предположить, что Лермонтов уехал из Грузии без рекомендательных писем, если не от И.М. Андроникашвили, то от других имеретинцев. Иначе, чем можно объяснить, что опальный поэт после Грузии попал вновь именно к грузину – к Багратиони-Имеретинскому и потом так быстро очутился в Петербурге? Не дружбой ли с грузинами объясняется особое расположение к Лермонтову в полку, в частности тот факт, что всего за два месяца он получил один или два восьмидневных отпуска в Петербург? Может быть, как раз именно в этих связях и следует искать тех грузин, которые были близки Лермонтову в то время, когда он писал «Мцыри» (да и «Демона» тоже).

Подробности жизни князя И.М. Андроникашвили взяты из обнаруженной нами в архиве книги «Биография генерала от кавалерии князя И.М. Андроникова», вышедшей на русском языке в 1869 году в Тбилиси в «Особых прибавлениях к газете «Кавказ», автором которой является К.Х. Мамацашвили (Мамацев. 1819-1900), близко знавший Лермонтова во время его второй ссылки в 1840 году (см. Шадури В.С. «Новое о Константине Мамацашвили – однополчанине Лермонтова». Литературная Грузия, 1974, №10, с.81-85). О встречах с Лермонтовым Мамацашвили рассказывает в своих произведениях.

В ЦГИА Грузии (ф.1987, оп.1, д. 666, 1046, 1060) нами были найдены рукописные материалы произведений К.Х. Мамацашвили. То, что именно Мамацашвили, с которым в дальнейшем подружился Лермонтов, пишет об И.М. Андроникашвили, служившем с поэтом в Нижегородском полку, не может не представлять определенного интереса.

Однако вернемся к лермонтовской поэме, в частности, к ее названию. Висковатов в своем рассказе называет встреченного Лермонтовым старика-монаха «бери». Таким образом, Мцыри не мог быть северокавказским горцем-мусульманином, а, вероятнее всего, являлся грузином-имеретинцем, ибо, если даже допустить, что магометанин (каковыми являлись горцы Дагестана) принял христианство, то, согласно церковным правилам, он не

мог быть пострижен в монахи.

Как указывает А.Киквидзе (История Грузии, 1800-1890 гг. Тбилиси, 1977, с. 90, на груз. яз.), в грузинской православной (ортодоксальной) церкви слово «бери» означало службу монастыря.

Именно так предполагал Лермонтов назвать свою поэму, написав слово «Бэри» (у Лермонтова «бэри», но согласно грузинской орфоэпии и орфографии «бери») на обложке своей рукописи и сделал внизу примечание: «Бэри» - по-грузински: монах». Но слово «бери» не подходит к юноше, еще не давшему монашеского обета. Поэтому в 1840 году, включая поэму в сборник стихов, Лермонтов озаглавил ее «Мцыри». Но и это слово снабдил примечанием: «Мцыри» на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде послушника».

Слово «бери» не подходило и потому, что оно, кроме «монаха», на грузинском языке означает «пожилой человек», «старик». Название поэмы «Мцыри» было удачным вдвойне. «Мцыри» означает, во-первых, «послушник» и, во-вторых, что особенно важно, «пришелец», прибывший добровольно или привезенный насильно из чужих краев, одинокий человек, не имеющий здесь ни родных, ни друзей. В переносном смысле «мцыри» значит также «бедняк», «странник», «скудная почва» (см. Толковый словарь грузинского языка, т. 5, Тбилиси, 1958, с.1223). В «Грузинском лексиконе» Сулхана-Саба Орбелиани (1658-1725) читаем: «Мцыри» - это пришелец, находящийся и воспитывающийся в чужих краях или очищающий свою душу и молящийся в святых местах».

Любопытно, что по сравнению со словом «бери», широко распространенном в грузинском языке, «мцыри» уже при Лермонтове считалось архаизмом. Очевидно, оба слова он записал еще в Грузии. Разъяснить поэту значение этого слова, конечно, мог образованный грузин, хорошо знающий историю родного языка, культуру и историю Грузии. «Мцыри» было редкое, полузабытое архаичное слово, которое как-то не соответствовало тому, что рассказанная в поэме история произошла совсем недавно, «немного лет тому назад». Остановив свой выбор на этом слове, Лермонтов как бы даровал ему в грузинском языке новую жизнь, благодаря его поэме оно вновь обрело популярность. К этому следует добавить, что в Грузии существует также довольно распространенное имя Бери. Слово «мцыри» также употребляется как имя собственное, как прозвище, соответствующее русскому – «младший». Например, широко известны имена средневековых грузинских ученых и писателей – Эфрема Мцире и Георгия Мцире.

А может быть, и встреченный Лермонтовым во Мцхета молодой человек назвал себя Бери, то есть Бери Мцире?

Возможно, дело было так: маленького Бери по приказу Ермолова везли в Тбилиси. В дороге он заболел и поэтому был оставлен в Шюмгвимском монастыре на попечение старого монаха – «бери». Маленький Бери сначала бунтовал, пытался бежать. После одного из побегов он серьезно заболел, едва не умер. Старый монах выходил его. Бери остался в монастыре, смирившись со своей судьбой. Впоследствии с помощью настоятеля монастыря Бери был определен в духовное училище, а затем в Тбилисскую семинарию. Здесь он выучил русский язык и получил достаточное образование. Закончив

▲ Мцхета. Джвари

семинарию, он вернулся в Мцхета, где получил какую-то должность при мцхетском соборе Светицховели. Здесь его и встретил Лермонтов, проезжавший Мцхета в 1837 году. Они разговорились. Бери показал ему собор и поведал свою историю. Затем сопровождал его по окрестностям Мцхета, рассказывая местные предания и легенды, поведал ему и о своем спасителе старом монахе – «Бери». Он объяснил ему также значение своего имени и прозвища «мцири».

Конечно, трудно утверждать, что дело обстояло именно так, что все наши предположения могут оказаться верными, но если подтвердится хоть одно из них, то это заставит взглянуть на поэму иначе. Тогда придется допустить, что Бери Мцире был грузином. И, забегая вперед, скажем, что он был имеретинцем. Кстати, он и в этом случае оправдал бы одно из значений слова «Мцыри» - «чужой»: ведь его привезли из Имерети в Картли, из Западной Грузии – в Восточную.

Но почему Лермонтов не сказал прямо, что герой его был имеретин? А потому, что это было бы напрямую связано с целым комплексом крамольных понятий: Имеретинское восстание и заговор 1832 года, критика колониаторской политики царского правительства в единовременной Грузии и т.п.

Хотя Лермонтов и понимал, что присоединение Грузии к России обеспечивало Грузии безопасность от внешних врагов и представляло собой единственный путь для развития ее экономики и культуры, он в то же время глубоко сочувствовал борьбе народов Кавказа против власти российской самодержавия. Пафосом борьбы пронизана и его юношеская поэма «Измаил-бей».

Несомненно, что в ближайшем окружении Лермонтова во время его пребывания в Грузии в 1837 году были люди, только что или недавно вернувшиеся из ссылки, на которую они были осуждены как участники заговора 1832 года или как «прикосновенные» к нему. Еще живо помнили восстание 1819-1820 гг. в Имерети как участники этого восстания, так и те, кто его подавлял. Круг этих вопросов настолько интересовал Лермонтова, что он собирался писать роман «из кавказской жизни с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране» (Мартынов П.К. «Последние дни жизни поэта М.Ю. Лермонтова». Исторический вестник, 1892, с. 90. Цитируется по кн. И.Андроникова, с.165). О своем замысле Лермонтов с увлечением рассказывал секунданту Глебову по дороге к месту дуэли с Мартыновым. В поэме «Мцы-

ри» отразились мысли Лермонтова об этих вопросах. Не случайно появление поэмы было горячо встречено в Грузии, причем особое внимание придавалось здесь мотивам борьбы, преодоления, сопротивления. Своим мятежным духом Мцыри оказался близок грузинским умонастроениям. Рассказывая о переводе грузинским классиком Ильей Чавчавадзе поэмы «Мцыри» на грузинский язык, Л.Хихадзе пишет, что перевод был сделан превосходно, при этом везде, где допускается текстом оригинала, акцентируется мятежная непримиримость Мцыри, органическая невозможность для него приспособиться к плену. (Хихадзе Л.Д. «К вопросу об изменчивости восприятия литературных явлений» (На материале восприятия наследия Лермонтова в Грузии). - Труды ТГУ, № 191, Тб., 1977, с.29-37). В условиях русской самодержавно-крепостнической действительности пленник монастырской кельи Мцыри воспринимался как пленник русского самодержавия и шире – как символ несвободного человека вообще.

Колониальный режим, установленный в Грузии царизмом после присоединения ее к России в 1801 году, вызвал недовольство самых разных слоев населения. Первое серьезное восстание в Грузии произошло в 1804 году. За ним последовало восстание 1812 года в Кахети и Картли и др. Великодержавная политика царизма вызвала в 1819 году антиколониальное народное восстание в Имерети, которое было одним из крупнейших в Грузии в XIX веке. Оно продолжалось около двух лет, захватило Имерети, почти всю Гурию и Самегрело. В результате этой вооруженной борьбы были сотни убитых и раненых, десятки расстрелянных, повешенных и сосланных в Сибирь на каторжные работы.

Народ восстал против чужеземного господства, он боролся за родной язык и народную самобытность. Дворянство, потерявшее свою политическую и административную власть, примкнуло к восставшим так же, как и духовенство, выступившее против церковной реформы, против перечисления в казну церковного имущества и доходов.

По определенным причинам Имеретинское восстание в нашей историографии долгое время не получало должной оценки. Н.Б. Махарадзе, одним из первых грузинских ученых подробно изучивший это восстание, утверждал, что Имеретинское восстание было самым крупным выступлением против колониальной политики царизма в Грузии, значение которого сознательно преуменьшалось официальной историографией. (Махарадзе Н.Б. Восстание в Имерети. 1819-1820 гг. – Материалы по истории Грузии и Кавказа. III вып., Тбилиси, 1942, с. 3-165). Долгое время советские историки, как грузинские, так и русские, интерпретировали это восстание как антифеодальное движение, игнорируя его национально-освободительный характер. Лишь в 60-х годах XX века появились труды грузинских ученых, в которых были прямо высказаны суждения о том, что Имеретинское восстание было всенародным национально-освободительным движением, в котором объединились все слои и классы тогдашней Имерети (см. Эбаноидзе Л.И. Николоз Бараташвили и некоторые вопросы национально-освободительного движения в Грузии. Тб., Накадули, 1969, с.114,135, на груз. яз.).

Восстание в Имерети возглавляло дворянство, выдвинувшее идею провозглашения самостоятельного Имеретинского царства во главе со своим царем. Однако дворянство и священники, ставшие на сторону восставших, не являлись в обычном понимании реакционной силой – основной задачей борьбы большинство считало не отстаивание своих привилегий и званий, а общенациональные интересы. Поэтому идея своего царя и автокефалии была для того времени скорее фантастически-утопической, нежели реакционной. Кроме того, не могла быть реакционной борьба за эликсир жизни нации – язык. (В то время в Грузии официальным языком был

признан русский язык).

И хотя восстание было жестоко подавлено и восставшие не достигли ни одной из своих целей, все же нельзя сказать, что оно было напрасным, как и любое национально-освободительное движение. В какой-то мере оно все же положило определенную границу беспредельному ранее своеволию царских сатрапов в Грузии. В национально-освободительном движении грузинского народа следует искать основы того, что Грузия, несмотря ни на что, сохранила свою самобытность и минимальные гражданские права для своего народа.

Именно с этих позиций мы рассматриваем события, совершившиеся в Имерети, отклики которых, несомненно дошли до Лермонтова, находившегося в ссылке в Грузии в 1837 году из-за стихотворения «Смерть поэта», также направленного против царских сатрапов.

Одной из причин востания 1819 года в Имерети явилась ликвидация автокефалии грузинской церкви с конфискацией принадлежащих ей земель. Иванэ Джавахишвили – выдающийся грузинский ученый-историк – писал об этом следующее: «В 1811 году была уничтожена автокефалия грузинской церкви: католикос, вызванный, якобы, по делам в Петербург, не мог более вернуться к родной пастве. Католикосат, вопреки воле грузинского духовенства, был заменен экзархатом с подчинением грузинской церкви и экзарха Синоду. На первое время экзархом был назначен уродливый и самый послушный из грузинских иерархов архиепископ Варлаам, но уже в 1817 году он также был вызван в Петербург, и на его место назначили русского архиепископа Феофилакта. Таким образом была уничтожена самостоятельность грузинской церкви, автокефальное существование которой имело 1400-летнюю историю; тогда же началась русификаторская политика и деятельность в церковной и религиозной сфере» (И.Джавахов (Джавахишвили). Энциклопедический словарь «Гранат», т.17, с.209-210). Как рассказывает он далее, на энергичный протест грузинских иерархов было отвечено рядом репрессивных мер. Первой мерой Феофилакта, приехавшего в Грузию с русскими священниками, было столь резкое ограничение грузинского языка в богослужении, что в тбилисском кафедральном соборе богослужение на грузинском языке допускалось лишь по понедельникам, средам и четвергам, и то лишь в непростые дни. А чтобы население не могло реагировать на русификаторскую разрушительную деятельность по отношению к родной церкви, генерал Тормасов предложил чудовищную меру: церковных дворян с крестьянами переселить с веками насиженных мест на пустопорожние казенные земли. Особенно непримиримых противников эти меры встретили со стороны иерархов имеретинской епархии. Русское правительство срочно послало в Имерети войска.

Ермолов в это время находился на Северном Кавказе. Вместо него оставался генерал-лейтенант А.А. Вельяминов, который для успокоения жителей Имерети обратился к ним с прокламацией о том, что экзарх Феофилакт Русанов будет отозван из Имерети. В конце прокламации говорилось: «...не забудьте при том, что Россия могла тридцать миллионов французов, возбужденных мятежным Наполеоном против законной власти своего государя, в несколько месяцев усмирить, восстановив власть законного короля Франции и произведя благодетельный переворот к спокойствию народов в целой Европе. Чего же от силы и могущества России может ожидать слабая Имеретия при несчастном своем ослеплении?» («Акты», т. IV, ч. I, с. 538).

Восстание на время утихло. Феофилакт вынужден был вернуться из Кутаиси (столицы Имерети) в Тбилиси с усиленной охраной в 300 солдат и артиллерией. Но когда русское правительство начало расследование этого дела и назначенный для усмирения восставших в Имерети генерал Сысоев потребовал от населения «по-

каiania в грехах» и принятия новой клятвы в верности русскому императору, народ отказался подчиниться, и восстание вспыхнуло с новой силой.

Начались массовые аресты среди имеретинской знати и духовенства, преследующие цель обезглавить восстание. Командиру 41-го егерского полка полковнику Пузыревскому, назначенному правителем Имерети вместо Курнатовского, которого правительство обвиняло в излишней мягкости, было поручено арестовать и выслать в Россию митрополита Гелатского Евфимия, Кутаисского митрополита Досифея (который умер по дороге возле Сурами), царевну Дареджан (дочь царя Имерети Соломона II) и целый ряд дворян и князей, среди них – и Сехния Цулукидзе, представителя одного из самых богатых феодальных родов Имерети, и других. Пузыревский, рьяно взявшись за дело, составил целый план осуществления арестов, одобренный Вельяминовым, который возражал лишь против того, чтобы убитые (те, кто окажут сопротивление) были бы брошены в реку. Тела, по его словам, в любом случае надлежало вывезти за пределы Грузии, чтобы они не были опознаны.

После того, как правительство увидело, что восстание растет, оно решило усилить меры по проведению церковной реформы. В Имерети были посланы дополнительные военные силы: батальоны гренадеров и два полка казаков с артиллерией. Уже после ареста митрополитов и князей Ермолов обратился к восставшей Имерети с прокламацией, в которой заявил, что приведение Имеретинской церкви в порядок является волей царя, которая обязательно должна быть выполнена.

Кроме восставших, были арестованы и высланы в Россию и многие из подозреваемых в сочувствии к восставшим. Царевна Дареджан с 10-летним внуком была сослана в Пензу. Известно, что в Пензенской губернии жили многие родственники Лермонтова: он постоянно слышал о ссыльной имеретинской царевне, и, несомненно, о самом восстании.

В тот день, когда были арестованы гелатский и кутаисский митрополиты и царевна Дареджан, был арестован и первый из князей Цулукидзе – полковник Сехния Цулукидзе – один из самых влиятельных феодалов Имерети конца XVIII – начала XIX столетия. Он принимал активное участие в ополчении, посланном из Имерети в помощь царю Грузии Ираклию II во время нашествия на Грузию иранского властителя Ага-Мохаммед-хана. Сехния оказал содействие русскому правительству во время борьбы его с царем Имерети Соломоном II и получил чин полковника. Во время восстания в Имерети он был арестован и выслан в Россию. При своем аресте в 1820 году Сехния Цулукидзе оказал вооруженное сопротивление, выстрелив в офицера, производившего арест. Правда, этот выстрел опалил лишь лицо казака, оказавшегося рядом. Сехнию Цулукидзе вместе с остальными арестованными вывезли сначала на Северный Кавказ, в Моздок, а затем дальше – в Симбирск.

Ермолов в письме к князю Кочубею писал относительно князей Д.Микеладзе и С.Цулукидзе: «Двое князей, содержащихся в Симбирске, удалены по обширному родству и их связям, которые могли быть вредны во время мятежа и по известным их свойствам, но я буду иметь честь уведомить ваше сиятельство, когда их возвратит возможно» (ЦАГ, д.5, л.624. – Н.Б. Махарадзе. Материалы... с.92).

С апреля 1820 года восстание разгорелось с новой силой, перекинувшись из Имерети и в другие районы, и продолжалось до осени 1820 года. Восставшие заняли и закрыли транспортные и почтовые дороги и стороже-

▲ Шиомгвимский монастырь

вые посты, ведущие к Кутаиси. Правительство вынуждено было прислать войска для укрепления подходов к Кутаиси. В руках восставших была вся Рача (одна из исторических провинций Грузии). Происходили стычки с войсками. Население перестало платить налоги.

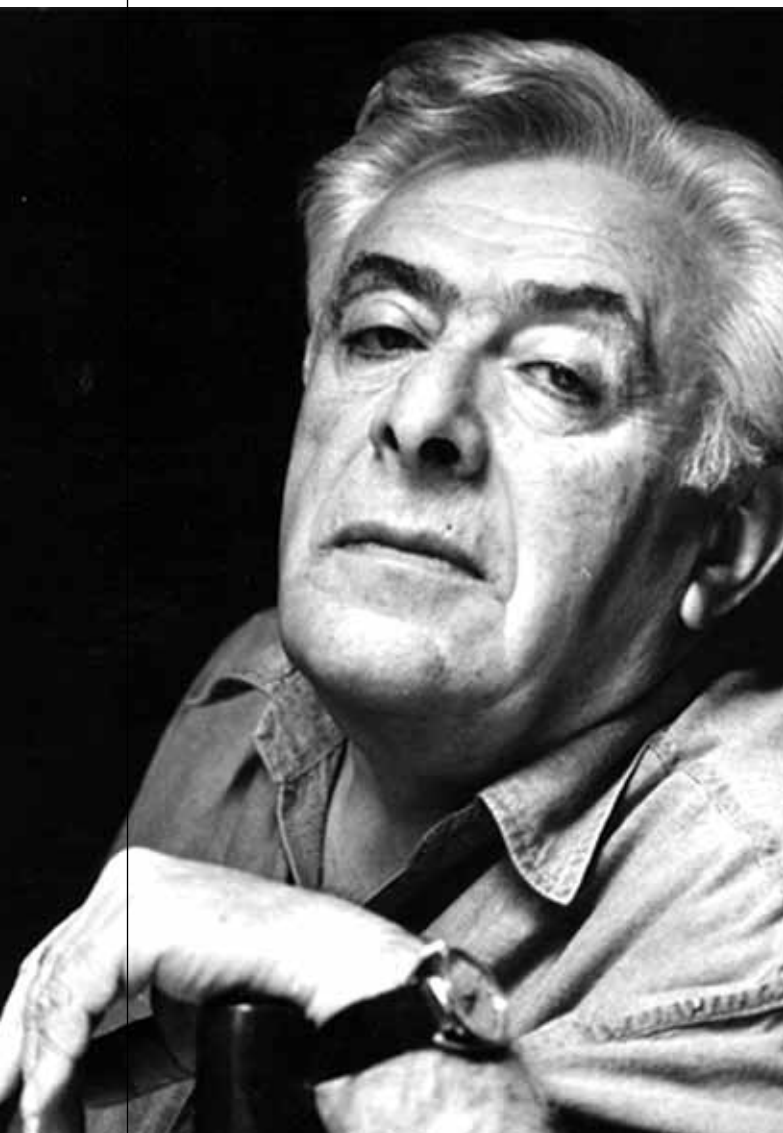
К этому времени в Гурию со своими войсками прибыл полковник Пузыревский, который вскоре был убит повстанцами-гурийцами. После его убийства Ермолов назначил правителем Имерети командира 44-го егерского полка полковника князя П.Д. Горчакова, для командования войсками, подавлявшими восстание. Ермолов прислал также в Имерети генерал-майора А.А. Вельяминова, с которым Лермонтов позже, в 1837 году, встретится на Кавказе. Известно, что Вельяминов был расположен к Лермонтову и покровительствовал ему. От него также Лермонтов мог слышать о восстании в Имерети, тем более, что оно изобиловало весьма драматическими эпизодами.

Ермолов предписывал Вельяминову: «...всех, взятых с оружием в руках и тех, кои спасаясь захвачены будут из скопищ бунтовщиков, наказывать смертью на самом месте преступления. Суду подлежат только те, на коих падает подозрение, но нет достаточных доказательств. Тех, кои посылаемы будут мятежниками для возмущения жителей, лишать жизни через повешение. Селения, коих жители подняли оружие, истреблять до основания. Прощать только тех, если будут просить помилования и выдадут изменников» («Акты», т. VI, с.829).

А.А. Вельяминов подавил восстание в Гурии, куда он прибыл в июне 1820 года. Приказ был выполнен неукоснительно. Особенно жестоко расправились с Рачей. Ермолов в своих записках хвастал, что дома восставших были разрушены и разгромлены, сады и виноградники с корнем выкорчеваны. Имеретинское восстание было жестоко подавлено. В результате длительной вооруженной борьбы сотни были убиты и ранены, десятки расстреляны, повешены и сосланы на каторжные работы. Многих из восставших переселили в Россию, а их собственность передали в казну. Царь Александр I щедро наградил орденами и медалями руководителей подавления Имеретинского восстания. Посылая Ермолову орден св. Владимира I степени, Александр I писал: «Усмирение Дагестана, Имерети, Мингрелии, Гурии, оставаясь наместником управления вашего в краях вам вверенных, вместе с тем приобрели вам право на собственную признательность нашу» (см. Н.Б. Махарадзе, Материалы., с.127).

(Окончание следует)

Роксана АХВЕРДЯН

▲ Гизо Жордания

ЭПИКУРЕЕЦ И ФИЛОСОФ ГИЗО ЖОРДАНИЯ

Когда смотришь «Ревизора», поставленного Гизо Жордания на сцене театра имени К.Марджанишвили, то невольно сопоставляешь спектакль с его создателем – веселым, остроумным, ироничным и жизнелюбивым человеком. С другой стороны – как художник-мыслитель раскрывается режиссер в своей инсценировке толстовского «Хаджи-Мурата». Исторический дискурс, широкие обобщения, взгляд аналитика – все это плод размышлений мудрого человека, прожившего долгую жизнь, но при этом не утратившего свежести восприятия мира, людей, произведений искусства. А ведь Гайоз Вуколович Жордания отмечает восьмидесятилетний юбилей! Накануне этой даты он вспоминает свое прошлое...

«АКАКИЙ ЦЕРЕТЕЛИ ТОЖЕ СМЕЯЛСЯ!»

- Я любил все время что-то показывать, перевоплощаться в кого-то. Например, воображал себя

всадником и сооружал для себя коня. В подъезде, во дворе ставил какие-то ритуалы, представлял в домашнем театре одноногого, слепого, разные характерные типы. Когда я сейчас их вспоминаю, то понимаю, что они были похожи на брехтовских персонажей. Потом я пришел в знаменитый тогда драматический кружок Дворца пионеров. Там воспитывалась практически вся будущая элита грузинского театра: Тенгиз Арчавадзе, Отар Мегвинетухуцеси, Рамаз Чхиквадзе... Тогда в Доме пионеров с успехом играли типично пропагандистскую пьесу «Тетра», и мне это не понравилось. Я сразу ушел оттуда и на Авлабаре, где жил, стал активно проявлять себя в драматическом кружке тамошнего дома пионеров – ставил, играл. Я выступал на школьной эстраде, любил что-то рассказывать перед большой аудиторией. Помню, что директор школы, в которой я учился, - его звали Григол Кобахидзе был недоволен тем, что я все время смеюсь. «Чему ты смеешься?» - негодовал он. «Акакий Церетели тоже смеялся!» - отвечал я. За мой дерзкий ответ едва не получил оплеуху – но увернулся. Правда, когда я был уже в десятом классе, директор неожиданно сменил гнев на милость – стал относиться ко мне по-особому, и всю жизнь потом приглашал меня к себе и называл среди тех учеников, которыми гордился, - доктор математики, летчик-испытатель и т.д... Это была 24-я школа – бывшая гимназия. Кобахидзе был без преувеличения гениальным директором. Вот, что он придумал, чтобы школьный паркет блестел: дети, придя на занятия, должны были снять обувь и надеть войлочные тапочки. На переменках они бегали, катались по паркету, и пол от этого блестел как зеркало...

«СЫНОК, ПОЧЕМУ ТЫ ХОДИШЬ НА РУКАХ?»

- Перед тем, как стать студентом театрального института, я посещал подготовительные курсы. Моими педагогами были трое – замечательная Татиа Хаиндрава, племянница Константинэ Гамсахурдиа, преподавала сценическую речь, Котэ Сурмава и Гайоз Иакашвили – актерское мастерство. Гайоз отсоветовал мне идти в актеры – говорил, что у меня для этого маленький рост. Хотя и сам был отнюдь не высоким. Вместе с Котэ Сурмава они уговорили меня перенести документы на режиссерский факультет. А я рассуждал так: «Если стану режиссером, то смогу играть все, что захочу!» Но на режиссерском было всего пять мест, в то время как желающих поступить было человек сто. И я помню практически всех, кто поступал. А учился с такими интересными ребятами, как Шалва Гацерелия, Леван Мирцхулава, Алеко Нинуа, Тамаз Месхи, Карло Глonti, Нана Мчедлидзе, Нугзар Гачава. Среди нас был Шалва Рчеулишвили, в будущем знаменитый адвокат. Он мог доказать, что синее – это красное, а красное – это зеленое...

Шалва ушел со второго курса театрального. Помню, что он был авантюристом по духу. Как-то мы сидели в первой аудитории, где у нас проходили занятия, за столом находилась сцена. И вдруг открывается занавес, мы смотрим на сцену, и появляется человек на руках, в таком положении – вверх ногами – он и проходит с одного конца сцены на другой. Решил подшутить над профессором Котэ Андроникашвили. Некогда Котэ потрясающе исполнил грузинский танец на американском крейсере, за что был щедро награжден, позднее он стал режиссером и педагогом... Все ждали скандала, но он так и не произошёл. Котэ Андроникашвили только спросил Шалву: «Сынок, почему ты ходишь на

▲ Сцена из спектакля «Закон вечности»

руках?» - «Так и Сталин ходил на руках!» - «Когда?!» - «На экзамене по Закону Божьему!»...

Наш курс мечтал перейти к Михаилу Ивановичу, но Туманишвили не захотел с нами связываться – считал нас интриганам. Но мы не были интриганам, мы просто хотели по-настоящему учиться профессии. А педагоги, которые нам преподавали, в основном руководствовались официальными, идеологическими установками, были не свободны. В итоге нашим педагогом по актерскому мастерству стала Лили Иоселиани, а по режиссуре – Василий Кушиташвили. Это был удивительный человек, вместе с Андре Барсаком создавший во Франции знаменитый театр «Ателье». Потом он долго работал в США, на Бродвее. Вот эти два замечательных человека и стали моими наставниками.

«НЕМАЯ ЖЕНА» И ЕТ СЕТЕРА...

- Между прочим, Михаил Иванович искренне обрадовался, когда увидел мой первый спектакль в институте – комедию «Немая жена» Анатоля Франса. По сути, это был театр абсурда! На немой женщине женился судья. Чтобы справиться с этой проблемой – вылечить жену от немоты, он пригласил врачей. После операции жена заговорила, да так заговорила, что муж готов был покончить жизнь самоубийством. Он вновь воззвал к врачам: «Спасите меня!» И они предложили страдальцу радикальный выход: хирургическим путем лишить его способности слышать. Это, кстати, известный сюжет из пьесы «Лекарь поневоле».

Я поставил этот спектакль вместе с Наной Мчедлидзе. Это была феерия! В те годы так не ставили – анекдот мы превратили в яркий спектакль с интересными режиссерскими выдумками, забавными ходами и свежими, неожиданными трюками. Гениально играли Гиви Чичинадзе и Заира Лебанидзе. После моего спектакля родилась своего рода мания ставить эту пьесу Франса, но успеха, как правило, не было. Дело в том, что все ставили и играли иначе. Ведь что главное в этой

пьесе? Не то, что именно говорит обретшая дар речи жена, а то, как муж на это реагирует. На этом все и построено. Да, это был успех. Такой комедии я больше не ставил!..

Дмитрий Александрович Алексидзе, бывший тогда руководителем театра Руставели, взял меня на работу. А потом я долго шатался без дела. Правда, мне предложили огрузинить пьесу Анатоля Франса и показывать спектакль в провинции, но я отказался от этой затеи. И тут начальник управления театрами Тенгиз Джанелидзе сказал мне: «Что ты тут болтаешься без дела? Поезжай в Батуми главным режиссером!» И представил меня, двадцатитрехлетнего юношу, тогдашнему министру культуры Тенгизу Буачидзе. Это был назаурядный человек. Тенгиз Буачидзе был одним из первых, кто выступил против концепции «старшего» и «младшего» брата, по сути, был диссидентом, антисоветским элементом...

И я стал главным режиссером батумского театра. В это же время мой учитель Василий Павлович Кушиташвили ушел из театра Марджанишвили – так уже случилось: его разозлят, он возьмет свой чемодан, старый халат и уходит работать то в Гори, то в Сухуми, то в Махарадзе. Потом Верико Анджапаридзе, как правило, умоляла его вернуться, и Кушиташвили возвращался. И вот Василий Павлович в очередной раз уходил из Марджановского театра. Мы встретились, когда он выходил из кабинета замминистра, а я – из кабинета министра. Кабинеты были расположены напротив друг друга, и произошла фатальная встреча в приемной. Кушиташвили назначили в Сухумский театр, меня – в Батумский. Василий Павлович подошел ко мне и сказал: «Какие времена настали – ты едешь в Батуми, а я в Сухуми. Будем дружить!» И поцеловал меня. Мой педагог! Но по роковому стечению обстоятельств он поехал в Сухуми и там скончался от перитонита. Очень жаль... Кушиташвили принес в грузинский театр европейскую культуру, профессиональную манеру игры, по-

▲ Сцена из спектакля «Сестры»

ставил целый ряд интересных спектаклей – «Женитьба Фигаро», «Мария Стюарт», «Ричард III»... Много сделал и другой замечательный режиссер – Вахтанг Таблиашвили, вошедший в историю грузинского театра спектаклями «Соломон Исакич Меджгануашвили» Ардазиани, «Бесприданница», «Давид Строитель», «Ромео и Джульетта»...

Я проработал в Батуми несколько сезонов и могу сказать, что практически не ставил конъюнктурные спектакли. Разве что «Вива, Куба!» Во время репетиций я пытался построить что-то вроде детективной интриги, и когда закрывался занавес, кто-то из участников спектакля за кулисами неожиданно выстрелил. Мне это понравилось: занавес, ожидание аплодисментов и вдруг – выстрел! На премьере присутствовал Вахтанг Гегелия – директор телевизионных программ. И когда в финале раздался выстрел, он громко, на весь зал, произнес: «Режиссер застрелился!» На поклон я не вышел...

Вскоре меня снова пригласили в театр Руставели. Как раз в этот период Додо Алексидзе ушел из театра, и я искал с ним встречи. Встреча состоялась. «Меня приглашают в театр Руставели. Что скажете?» - спросил я. «Что я могу сказать? Иди работай!» - «Но мне неудобно!» - «Нет, ты обязательно должен работать в театре Руставели – будешь моим резидентом!» И Додо Алексидзе благословил меня – это произошло на улице Джапаридзе. Если бы он сказал: «Не иди!», возможно, я и не пошел бы... Как знать?

Главным режиссером тогда был Арчил Чхартишвили. А мы, Михаил Туманишвили, Роберт Стура и я, - очередными режиссерами. Потом в театр пришел Серго Закариадзе, с 1969 года худрук руставелевского театра, и началась кампания против него и Михаила Туманишвили... Серго был великим артистом. Но, видимо, его максималистские требования, стиль не всех устраивали. Его и Мишу хотели убрать, было письмо, под которым я тоже должен был подписаться. Я не подписался... и вскоре ушел в оперу.

«ЗАСВИТ ВСТАЛИ КОЗАЧЕНЬКИ»

- Я встретился с композитором Отаром Тактакишвили, когда ставил совершенно гениальную вещь Константинэ Гамсахурдиа – «Миндиа, сын Хогая». Тактакишвили написал музыку к моему спектаклю, а потом пригласил ставить свои оперы – решил, что меня нужно привлечь к оперному искусству. Я поставил «Две новеллы» из триптиха одноактных опер Отара Тактакишвили «Три новеллы», спектакль мы показали в Польше. Были замечательные отклики европейских СМИ на эту постановку...

С музыкальным образованием у меня все в порядке: окончил музыкальный техникум. Когда я получил по ритмике и слуху тройки на приемном экзамене, то остро встал вопрос о моем зачислении. И я принес на очередной экзамен виолончель и сыграл комиссии Бетховена и Сен-Санса. В итоге меня приласкали и поставили хорошие отметки... Так что с музыкой я дружил. К тому же проходил стажировку в Московском музыкальном театре имени К.Станиславского и В.Немировича-Данченко. Я безгранично благодарен главному режиссеру этого театра Льву Дмитриевичу Михайлову – великому человеку! Там в это время работал выдающийся реформатор

музыкального театра, главный режиссер Комисе опер в Берлине Вальтер Фельзенштейн. Потом я был командирован в берлинский театр, работал там полгода и имел творческие контакты с этим великим человеком. А позднее написал о нем статью.

Хочу поделиться берлинскими впечатлениями. Однажды меня разбудила мелодия «Тбилисо». Выхожу из своего комфортабельного гостиничного номера на улицу, в ночь, брожу по Берлину и слышу из квартир... «Тбилисо». Немцы слушали эту мелодию в своих домах, она же звучала в универсаме рядом с гостиницей, в которой я жил.

Прошел месяц, другой. Выхожу из своего номера, иду к лифту. Навстречу мне – симпатичный человек. Смотрит на меня, явно признавая во мне своего. Басом здороваются. Выясняется, что незнакомец из Москвы. Он настойчиво предлагает мне зайти к нему – отведать московской копченой колбаски. «У меня водка. Хотите выпить?» - спрашивает он. Я поддержал его порыв: «Давай!» Это был типичный московский интеллигент, автор диссертации о монументальной живописи. Когда мы выпили, он спросил меня: «Хотите почувствовать себя в Советском Союзе?» У меня в голове мелькнуло: «Может, он чекист?» Москвич ведет меня в правое крыло гостиницы, к лифту. Лифт открывается, и мы заходим в кабину из красного дерева. «Посмотрите направо и вы почувствуете нашу страну!» - говорит мой новый знакомый. Я смотрю направо и вижу... нецензурное слово. Какой-то советский турист нацарапал... И я сразу почувствовал себя дома!

Я многому научился у Фельзенштейна, но все-таки пришел к выводу, что у каждого театра, народа, творческого индивида должна быть своя дорога, свой почерк, стиль. Я хотел перевернуть оперу – была у меня такая идея. Когда я сегодня смотрю канал «Мещо», то вспоминаю свои эксперименты в опере. Сейчас это норма, а тогда меня называли фокусником, осуждали. Не в то время я родился, наверное...

Я, кстати, ставил в основном новые грузинские опе-

ры Сулхана Цинцадзе, Нодара Мамисашвили, осуществил первую постановку оперы «Лела» Реваза Лагидзе. По-новому сделал «Тараса Бульбу» Николая Лысенко. К примеру, хор казаков исполняет в этой опере песню «Засвист встали козаченьки». Я предположил, что они плывут на лодках по Днепру и поют перед сражением. На сцене были 15-16 лодок... Когда это увидели украинцы, то были поражены, однако их оценка была двойственной. Кому-то совсем не понравилось такое решение. Но, на мой взгляд, это удачная была сцена, она хорошо работала!

А за рубежом, в Саарбрюккене, я поставил «Пиковую даму», «Даиси», «Миндия» и «Абесалом и Этери». Был большой успех. Не знаю, может быть, это было частью политики? Дипломат Валентин Фалин, политический и общественный деятель, посол Советского Союза в ФРГ, сказал мне после премьеры «Даиси»: «Вы все-таки умудрились сделать на Западе религиозный финал «Даиси»! Без этого нельзя было?» Фалин был очень интеллигентным человеком, но при этом типичным функционером, атеистом и коммунистом. Он увидел патриотический посыл спектакля, в финале которого поднимался большой крест. Народ вставал и шел на смерть...

Кстати, спектакль «Даиси» был показан и в Люксембурге. Запомнился глава советского дипломатического представительства Семен Константинович Царапкин. Он присутствовал на спектакле, на который приехал сам принц Люксембургский, устроивший в честь создателей и участников оперного представления фуршет – причем все было организовано с соблюдением старинного этикета, с экипажами, красной ковровой дорожкой...

Запомнился еще один эпизод. Шла репетиция. Вдруг кто-то принес информацию: «Солженицын во Франкфурте!», и вся труппа – хор на сцене, балет и т.д., застучали и захлопали в восторге. Это было небывалое торжество, вопль свободолобубивого народа, который поддержал своего бывшего узника – писателя Александра Солженицына!

«Вы – НАШ!»

- В конце концов я принял решение уйти из оперы, уйти в никуда. Отар Васильевич Тактакишвили поднял большой скандал, считая мой поступок изменой. Но я почувствовал, что творчески оперный театр уже ничем не обогатит. Я славлюсь своей мягкостью, но есть моменты, когда становлюсь непреклонным. Тем не менее Отар Тактакишвили настолько хотел, чтобы я остался в оперном, что... перекрыл мне дороги во все театры – Руставели, Марджанишвили...

Однажды Отар вызывает меня к себе, спрашивает: «Куда ты хочешь?». Я отвечаю: «В кукольный театр!» Шучу, так сказать. Знаю, что Сандро Товстоногов ушел из театра Грибоедова, но Отар собирается назначить туда Отара Джангишерашвили, которого тоже вызвал к себе. «Что вы? Человек без работы, как я пойду на его место? - говорит Отар Джангишерашвили, отвечая на предложение министра стать главрежем Грибоедовского театра. Но я ушел. А другие стали уговаривать Отара Васильевича назначить меня главрежем театра Грибоедова – дескать, я знаю русскую культуру и т.п.

А в Грибоедовском театре меня поначалу встретили недружелюбно. Считали меня оперным режиссером, хотя я в первую очередь режиссер драмы. Отар представил меня труппе лично. Представил хорошо, но

суховато. В театре тут же стали говорить, что я человек министра. Значит, какой-то партийный типчик. Я все это слышал краем уха: Лейла Джаша шепнула мне пару фраз, и я все понял. Сажу в кабинете. Входит ко мне директор театра Отар Папиташвили и спрашивает меня, какие спектакли текущего репертуара я собираюсь снимать. «Мы ничего не будем снимать!» - ответил я. «Как это так? - удивился он. - Пришел новый главный режиссер – значит, ставятся новые спектакли, а старые снимаются». «Нет, старые спектакли будут идти. Зачем снимать? Разве зрители не ходят? Ходят. Давайте, к примеру, восстановим «Сон в летнюю ночь». Ну и поставим новые спектакли, так что будут идти и новые, и старые». Отар обрадовался, но не понял, что это за авантюра. Так ведь не бывает...

Дальше. Восстанавливаем «Сон в летнюю ночь». Лейла Джаша попросила, чтобы я присутствовал на репетиции. Я пообещал зайти после первого акта. Прихожу, открываю дверь и чувствую, что меня заметили. Идет репетиция, и вдруг я слышу хихиканье. На сцене в это время были Аркаша Шалолашвили и Волик Грузец... Проходит одна-две минуты, и я вновь слышу хихиканье. Градус веселья на сцене все поднимается и поднимается, и тут я взрываюсь и ругаюсь, что называется, по-черному. Все мгновенно стихло, а я чуть не сломал от злости графин. «Репетиция закончена, все свободны!» - объявил я. Как выяснилось, за кулисами стояла прима театра народная артистка Грузии Валентина Семина и всех смешила. Наконец она высунула голову из-за кулис и спросила: «Можно на одну секунду?» - «А кто вы?» - задал я вопрос, хотя сразу узнал Валю Семину. «Вы меня не помните?» - «Нет!» - отре-

▼ Валентина Семина в спектакле «Синие кони на красной траве»

▲ Гизо Жордания в радиостудии

зал я. «А я подойду поближе!» - «Подойдите!» Я понял, что Валя Семина – зачинщица этой шалости. На сцене ее поддерживают, конечно, но организатор именно она. «Я честно говорю, Гайоз Вуколович: вы наш!» - заявила Валя. - «Потому что выругался по-черному?» - «И поэтому, и еще по каким-то другим причинам!» После этого боевого крещения у меня в грибоедовском театре за шесть лет работы не было ни одного конфликта. Хотя, бывало, что актерам от меня и доставалось...

«ИЗЪЯТЬ!»

А спектакли пользовались успехом у зрителей. Один из наиболее любимых публикой – «Дорогая Елена Сергеевна» Разумовской. Вокруг спектакля был большой ажиотаж. Долгое время я понятия не имел, что в Тбилиси существует конная милиция. Однажды перед началом этого спектакля у грибоедовского театра появились два всадника. Прибыл какой-то высший чин, который занимался призывниками – генерал-полковник, с женой. У Эдуарда Шеварднадзе было запланировано заседание бюро, и он не смог прийти на спектакль. Не знаю, специально он это сделал или нет. Кстати, наш диссидентский спектакль пользовался успехом у функционеров, членов ЦК, работников Совета Министров, приобретавших сразу по десять-пятнадцать билетов. Не знаю, что их привлекало – должно было быть совсем наоборот. Когда я увидел генерала, мне это сразу не понравилось. Интуиция подсказывала, что будут неприятности. Тем более что Эдуард Амвросиевич не пожаловал. Я как в воду смотрел: после спектакля у чина резко подскочило давление. Вызвали скорую помощь. Светлана Казинец сказала мне: «Гайоз Вуколович, он в ненормальном состоянии! Мы погибли!». В театр срочно прибыл Отар Тактакишвили. Попросил дать ему пьесу, как будто она уже не лежала ТАМ. Спросил, когда еще будет спектакль. Девять спектаклей было к этому времени уже продано и дальше предполагалось реализовать еще тридцать – в новом сезоне. И вот в Москве собралась коллегия Министерства культуры с участием представителей Министерства обороны. Вынесли вердикт изъять пьесу из репертуара советских театров, «и в том числе

из репертуара грузинского театра имени Грибоедова». Не то что запретить, а именно – изъять. На территории Советского Союза разрешено было оставить только в Прибалтике, в каком-то театральном подвале. Приняли решение поставить на вид министру культуры, объявить строгий выговор заместителю. А меня вызвали в ЦК к Гураму Енукидзе. «Что случилось?» - спрашиваю. Он рассказывает мне всю эту историю с чином. Тут раздается звонок, и Енукидзе вызывают на 9-й этаж – к Шеварднадзе. По возвращении Енукидзе рассказал, что когда он зашел к Эдуарду Амвросиевичу, там сидел Нодар Думбадзе. Шеварднадзе спросил Енукидзе: «Что вы за ужас показали тому человеку?» И тут в разговор вмешался Нодар: «Не ужас, а прекрасный спектакль!» Думаю, Нодар не видел спектакль – просто поддержал...

После этого Шеварднадзе вышел на городской актив и поддержал спектакль. И народ хлынул на него с новой силой. Но потом пришло то самое злополучное постановление об «изъятии». Это мне рассказал сам Енукидзе. Когда он поднимался к Шеварднадзе, то был бледен, а по возвращении приобрел цвет.

Однажды, сразу после возвращения из Германии, запретили мою «Пиковую даму». Там постановка пользовалась большим успехом. Но в Тбилиси спектакль получился интереснее. В опере есть сцена карнавала, которая в моем спектакле трансформировалась. Карнавал у меня состоял из гоголевских масок. Настоящий Кремль! Отар Тактакишвили настаивал, чтобы я убрал эту сцену. Я отказался, и спектакль был снят. Через некоторое время Отар Васильевич вызвал меня к себе и протянул мне газету со статьей известного дирижера Альгиса Жюрайтиса. Он писал о спектакле «Пиковая дама», поставленном в Париже Юрием Любимовым, о том, «как режиссеры издеваются над русской классикой». Подлейшая статья! После таких публикаций в 30-е годы арестовывали. «Ты теперь понял, почему я запрети твой спектакль?» - спросил меня Отар Тактакишвили. Честно говоря, мне было неприятно. Он-то спас меня от проблем, но мне было бы приятнее, если бы на меня напали. Сколько было денег потрачено на постановку! Кстати, в спектакле была сцена, где графиню раздевают и она остается в neglige, страшная. Ну как можно было допустить, чтобы русская графиня была в neglige? «Это убери! - сказали мне. - Пусть с нее не снимают парика. Пусть старуха, но красивая!»

Выпустил спектакль «Синие кони на красной траве» М.Шатрова, но, конечно, в нем были «не те» акценты. В стране царит вакханалия, беспредел, а Ленин задается вопросом: «Сколько стоит сегодня хлеб на Сухоревке?» Эту фразу я оставил. Шеварднадзе, кстати, поддержал спектакль. Хотя это был антисоветский спектакль – как и «Святой и грешный» Варфоломеева. Финал «Синих коней» был такой: Ленин садился и думал о том, как спасти страну. Но ведь этот ужас он породил! Над Лениным мы в спектакле не издевались, а вот его бюсту досталось. Наливали на него воду... Ход был такой: мы показывали творческий процесс – скульптор работает над бюстом вождя. И тут должна была использоваться вода. А потом сверху на голову клали ткань, и Ленин воспринимался как мертвец. Когда я сказал нашему замдиректора Гайку Гевеняну, что мне нужен бюст Ленина, он чуть с ума не сошел. Но бюст откуда-то вскоре принесли. Пришлось его слегка подпортить, видоизменить подбородок – ведь по замыслу бюст не законченный, над ним еще продолжают работать. Страшный был спектакль, но веселый. И все время – полные залы...

ДВА В ОДНОМ

- В один прекрасный день я ушел из театра Грибоедова – на малую сцену театра Руставели. Ушел скрепя сердце. Ведь я привязался к людям. Мне было комфортно с ними. И у меня до сих пор ностальгия по этому периоду моей жизни. Позднее я поставил «Райскую птичку» со своими студентами, и премьера состоялась в театре Грибоедова на малой сцене... Когда я выпускал курс, мои студенты, как правило, годились для серьезного профессионального театра. Это уже была отдельная, готовая труппа, сложившийся театр. Если режиссер плохой, то и педагог он, как правило, неважный. А хороший режиссер плохим педагогом не может быть. Я в этом убежден!

И СТРАШНО, И СМЕШНО

- Сейчас я вместе с Зазой Сихарулидзе ставлю «Кармен» Бизе. А еще работаю над спектаклем «Белая сирень», в котором отражена моя история, история моей семьи, моей сестры. Тридцать шестой год... Когда отца арестовали, ее усыновили дядя и тетя. Обратился к этой теме, потому что существует страх: а вдруг подобное повторится? Хотелось показать, что значит страх в авторитарном государстве, что значит произвол. А ведь это может повториться, разве нет?

Мои родители были честными людьми, которые испытывали страх. Мать – химик, отец – врач. Их обоих арестовали, когда мне было три года, и некоторые детали я запомнил. Авторы пьесы – мы с моей сестрой.

Иногда меня спрашивают: «Вы удовлетворены тем, как сложилась ваша жизнь?»

Допустим, я скажу, что не удовлетворен, что это изменит? Когда я вспоминаю свою жизнь, то понимаю, что она была очень не простой. Но мне было смешно от многих вещей. И это спасало. Да. Много в жизни страшно... но и смешно.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Людмила Артемова-Мгебришвили:

- Рада возможности объясниться в любви к Гайозу Вуколовичу. Мы его обожали – все, кто с ним работал. Он стал родным для нас. Чувствовалось, что и мы стали для него родными. Это был свой, всепонимающий, неконфликтный человек, мудрый, с чувством юмора. Даже когда он ушел из театра, мы не прекратили с ним отношения. На всех праздниках, банкетах, юбилеях, днях рождения Гизо всегда был рядом. Многие-много лет он оставался близким, да и по сей день, когда происходят какие-то трагические события, Гизо всегда с нами. Можно сказать, и в горе, и в радости. Поэтому говорить о нем очень легко. Я вспоминаю годы, когда Гизо был нашим художественным руководителем, как одни из наиболее ярких, счастливых театральных моментов. Было много-много интересных событий, театр был живой. Жизнь пульсировала, во многом благодаря ему.

Мы объездили с гастрольями всю Грузию. Где мы только не были – практически каждый понедельник театр обязательно выезжал с каким-то спектаклем в Рустави, Марнеули, Цалка, Батуми, Кутаиси, Дманиси. На гастрольях Гизо был такой свойский – как говорят, свой парень... Мы много работали, выпускали спектакли один за другим, и это были потрясающие, яркие постановки. С большой нежностью вспоминаю спектакль «Сестры» с замечательным актерским ансамблем, «Дорогую

Елену Сергеевну», великолепную постановку «Закон вечности», «Человек, который платит», «Вагончик», «Измена», «Гость и хозяин». Кроме того, что мы много и интересно работали, хочу отметить его потрясающие человеческие качества. Я не знаю ни одного театра, где бы его не любили. Он очень чистый, открытый человек. В нем нет никакого негатива, он не завистлив, доброжелателен. Помню, что любой конфликт он легко сглаживал. Про себя мы его называли котом Леопольдом, который призывал окружающих жить дружно. Редко какой режиссер приходит в театр и оставляет в репертуаре спектакли предшественника. Все сразу стремятся обновить репертуар и поставить свои спектакли, со своей эстетикой. Гизо все спектакли Сандро Товстоногова сохранил, и мы еще долго их играли.

К тому же Гизо – великолепный педагог. Половина ведущих актеров театров имени Руставели и Марджанишвили – это его ученики. Помню, что когда он выпустил свой знаменитый курс – Нанука Хускивадзе, Нино Тархан-Моурави, Нана Шония и другие, в городе был настоящий бум! Это был блистательный курс, на базе которого открыли малую сцену театра Руставели. Это был театр в театре, самостоятельно функционирующий. Гизо еще работал у нас в театре, когда выпускал этот курс. Помню, мы даже немного ревновали, что он уделяет столько внимания своим студентам...

Очень люблю Гизо и желаю ему долгих лет жизни, плодотворной работы. Завидую людям, которые сейчас с ним общаются, настолько он очаровательный, теплый и доброжелательный человек!

Валерий Харютченко:

- Гайоз Жордания возглавлял наш театр шесть лет. С тех пор прошло много времени. Все мы и повзрослели, и очень многое пережили. Жизнь разбросала прежних грибоедовцев по разным городам и странам. Но когда судьба сводит нас вместе и мы вспоминаем былое, Гайоз Вуколович, батоно Гизо, занимает в наших воспоминаниях особенное место. Ведь он был не только нашим руководителем, но и другом. Впрочем, почему был? Он и ныне наш друг. Потому что нас объединило творчество. А это навсегда. Когда я встречаю Гайоза Вуколовича, первое, на чем я ловлю себя, - это то, что я расплываюсь в улыбке. И так тепло и радостно становится на душе! Таков уж Гайоз Вуколович – всегда доброжелательный и жизнерадостный, несмотря ни на какие проблемы. С удовольствием вспоминаю наши совместные спектакли. Не буду их перечислять. Но роли, сыгранные мной в постановках Жордания, дороги мне и сейчас. В свой юбилейный год он по-прежнему молод, остроумен, энергичен, полон жизнелюбия и творческих замыслов. От всей души желаю дорогому Гайозу Вуколовичу здоровья, удачи и новых замечательных постановок.

Ирина Квижинадзе:

- Гизо Жордания... Теплый творческий период Грибоедовского театра, моего театра. Гизо – замечательный режиссер с огромным юмором и добрым отношением к актерам, глубоко порядочный, не терпящий сплетен, предательства, лести и лжи, что очень важно в театре, так как сразу создается определенная аура и легко дышится. Всем. Я очень благодарна этому режиссеру за то, что он такой. Талантливый и в театре, и в жизни. Все спектакли, которые он поставил, имели огромный успех. Я с большой любовью и уважением хочу пожелать нашему Гайозу долгих лет жизни, здоровья, а самое главное – пусть его творчество еще долго радует зрителя.

▼ Нино Гуриели

▲ Женская сборная Грузии на Олимпиаде

КОГДА СБЫВАЮТСЯ ПРОГНОЗЫ

Сплошная стеклянная стена отделяла уютный зал от моря, спокойного и ласкового. А здесь, на первом этаже отеля «Мелия», в течение месяца барометр показывал бурю.

Лучшие шахматистки собрались на средиземноморском курорте Аликанте, чтобы в межзональном турнире выявить трех обладательниц путевок в соревнование претенденток на мировое первенство.

Перед заключительным, семнадцатым туром драматизм борьбы достиг апогея. Только две участницы – гроссмейстер из Красноярска Елена Ахмыловская и чемпионка Болгарии Татьяна Лемачко могли позволить себе согласиться на быструю ничью в личной встрече – дележ первого-второго места им был обеспечен.

На оставшуюся путевку претендовали Марта Литинская и Нино Гуриели. У львовского гроссмейстера на пол-очка больше, ее шансы на выход в четвертьфинальный матч претенденток предпочтительнее, но тбилисскую шахматистку это не смутило: на протяжении всей партии с испанкой Гарсия она увеличивала свое преимущество и решила ее исход изящным тактиче-

ским ударом. Литинская, не выдержав напряжения, проиграла венгерской чемпионке Иванке и была вынуждена в дополнительном соревновании отстаивать свое право на место под шахматным солнцем.

Труден оказался путь к третьему призу. А начало было безоблачным. Нино в первых шести турах одержала шесть побед, словно приняв эстафету вдохновения от своей подруги Наны Иоселиани, триумфально прошедшей дистанцию межзонального турнира в Рио-де-Жанейро.

Без потерь шла и Ахмыловская.

В седьмом туре лидеры встретились между собой. Партия проходила в упорной борьбе и была отложена с преимуществом Ахмыловской. Нино казалось, что позиция ее трудно защитима. Всю ночь она отвела анализу. Это оказалось психологической ошибкой: ресурсы защиты все же восторжествовали – пол-очка были спасены, но достались они дорогой ценой. Усталость сказала на дальнейшей игре Нино, и запас прочности одного из лидеров турнира растаял.

Но и под занавес соревнования Гуриели осталась рыцарем без страха и упрека, каким ее знают в шахматном мире. Ее излюбленное оружие – атака на неприятельского короля – сработало безотказно.

Давно миновала пора, когда Нино плакала после проигрыша. Вспоминается 28 января 1973 года – день боевого крещения Нино. Восемь сильнейших девочек в сеансе одновременной игры с часами держали экзамен перед чемпионкой мира Ноной Гаприндашвили. Одиннадцатилетняя Нино, не скрывая слез после поражения, обещала телезрителям (сеанс транслировался по Грузинскому телевидению), что постарается повысить класс своей игры.

Мало кому пришла в голову мысль, что нынешняя неудачница добьется реванша уже в следующей партии с чемпионкой мира.

Три года спустя в чемпионате страны Гуриели снова встретилась с Ноной Гаприндашвили. Ход за ходом юная шахматистка усиливала давление на позицию неприятельского короля. Ее соперница все чаще задумывалась, решая сложные задачи. Вскоре Гуриели принимала поздравления чемпионки мира.

Удивительная победа. Гуриели стала грозой лидеров. Она заставила сдаться в последующих турах Нану Александрия и Ирину Левитину. 15-летняя школьница одна победила всю олимпийскую сборную СССР с заподаминающим счетом 3:0!

Гуриели понимала, что может бороться за призовое место, однако девушка решила не рисковать, предпочла «синицу в руках» – выполнение мастерской нормы. Она оказалась выполненной уже в предпоследнем туре: в партии с Татьяной Затуловской преимущество Нино было подавляющим – лишние слон и четыре пешки. Москвичка признала себя побежденной и первая поздравила хозяйку поля со взятым барьером.

Казалось, за этим успехом последуют новые. Гуриели еще в предыдущем году уверенно сыграла в Тбилиском женском международном турнире, разделив с Иоселиани третье-четвертое места, стала призером нескольких крупных турниров, ее включили в число участниц полуфинала чемпионата страны, но шахматистка позволила себе передышку. В 1977 году она почти не играла, все ее помыслы были связаны с учебой. Окончена школа, и вот уже Нино – студентка отделения журналистики филологического факультета Тбилисского госуниверситета.

Теперь можно снова заняться любимыми шахма-

▲ Зураб Стураа. Середина 1970-х гг.

тами. Играет самозабвенно и много. Она выступила в составе сборной Закавказского военного округа, занявшей второе место в командном первенстве Вооруженных Сил. Пол-очка уступили они победителям – шахматистам Сибирского военного округа. И хотя Гуриели показала в Москве абсолютно лучший результат – 8,5 очков из девяти возможных, товарищи шутили, что именно эти потерянные ею пол-очка лишили их чемпионских медалей.

Вскоре последовало приглашение на международный женский турнир в Быдгоще. Дважды выступала Нино в этом польском городе и оба раза возвращалась в Тбилиси с первым призом.

Подошла пора решающих соревнований.

Очередной чемпионат СССР был отборочным в новом цикле на первенство мира.

Гуриели в числе сильнейших советских шахматисток включили в состав участниц зонального турнира. В 15 партиях Нино набрала 11 очков и заслуженно завоевала первое место. Замечательное достижение!

Всего три года прошло после ее дебюта в чемпионате страны во Фрунзе, где юная шахматистка замкнула турнирную таблицу, и вот наступил ее «звездный час». Он открыл перед Гуриели дорогу в межзональный турнир на первенство мира.

После чемпионата страны 1976 года Гаприндашвили отмечала необычный прогресс «девичьих» шахмат в республике: Гуриели, Иоселиани и Чибурданидзе вошли в десятку сильнейших шахматисток СССР. «Все

▲ С Наной Александрия и Майей Чибурданидзе

▲ Нино Гуриели

они очень талантливы, - сказала Гаприндашвили. - Гуриели – разносторонняя шахматистка, сильна в тактике и хорошо ставит партию. Вне сомнения, всех троих ждет блестящее будущее».

Этот прогноз полностью оправдался. И надо было так случиться, что волей жребия именно Гуриели пришлось встретиться в четвертьфинальном матче претенденток с Наной Гаприндашвили.

Восемнадцатилетняя шахматистка не раз доказывала: чем сильнее соперники, тем сильнее у нее жажда борьбы. Однако, вопреки ожиданиям, настоящей боя Нино дать не смогла. Сказалось отсутствие опыта поединков столь высокого уровня. И все же легкой жизни у победительницы матча не было, хотя она и добилась в конечном счете перевеса в три очка – 6:3.

- Нино Гуриели, - сказала после матча Гаприндашвили, - показала себя очень интересной шахматисткой. Она тонко чувствует тактические особенности позиции и достаточно точно рассчитывает варианты. Особенно хорошо Нино защищается – даже в безнадежной позиции продолжает упорно бороться, выискивая малейшие шансы на спасение. Это говорит о твердом характере.

Твердый характер, огромный талант международного гроссмейстера Нино Гуриели позволили ей стать выдающейся шахматисткой: трехкратной олимпийской чемпионкой (1992, 1994, 1996гг.) в составе сборной команды Грузии, участницей двух циклов первенства мира, победительницей крупных международных турниров в Белграде, Бад-Киссингене, Сочи, Пловдиве, Камагуэе, на которые нередко выезжала вместе с супругом – известным грузинским гроссмейстером Зурабом Стураа.

За большие спортивные заслуги и общественную деятельность (член президиума Федерации шахмат Грузии на протяжении ряда лет, председатель ее женской комиссии) она награждена орденами Вахтанга Горгасала 3-й степени и Чести.

Нино Гуриели была избрана президентом Федерации шахмат Грузии, приняв от Ноны Гаприндашвили большое и хлопотное шахматное хозяйство.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Дом, в котором родились Родам и Чабуа Амиреджоби

«Я трогаю старые стены...»

Тифлис: удивительные встречи

На этом доме в старинном тбилисском районе Сололаки нет мемориальной доски. Но так хочется надеяться, что она обязательно появится! И не потому, что здесь в первой половине прошлого века жила семья, принадлежащая к древнему княжескому роду. Конечно, это уже само по себе примечательно, но, признаемся, подобных мест в Тбилиси не перечесть. Однако, далеко не из каждой семьи брат и сестра шагнули в историю культуры – и грузинской, и русской, и вообще мировой. И многие тбилисцы помнят о том, что в доме номер 39 по нынешней улице Ладо Асатиани (а в то время – Бебутовской) родился великий писатель. До самого конца своей нелегкой, недавно прервавшейся жизни, он был одним из символов единения грузинской и русской культур. А в России и писателям с поэтами, и историкам искусства хорошо бы знать, где родилась женщина, имя которой Москва связала с кинематографом и ваянием, а в ипостаси Прекрасной Дамы – с литературой и... ядерной физикой. Так что, предлагаю считать этот очерк своеобразной мемориальной доской брату и сестре Амиреджоби. И, при этом, в письменах на этой доске галантно пропустим вперед даму, в истинном смысле это слова прекрасную. По имени Родам.

Год двадцатилетия – 1938-й – становится особенным

в жизни девушки. Как принято говорить, судьбоносным. Главное и самое страшное событие – в тюрьме, во время следствия, гибнет отец – известный юрист Ираклий Амиреджоби. За решеткой оказываются и мать, и бабушка Родам. Казалось бы, дочь «врагов народа», ее брата и сестру ничего хорошего не ждет. Ан, нет! Советская власть в те страшные годы любила показательно демонстрировать выдвинутый ее вождем девиз: «Сын за отца не отвечает». Такое происходит и с Родам – студентку исторического факультета Тбилисского университета включают в делегацию, которая представляет Грузию на Первомайском параде в Москве. Более того, предполагается, что именно она, одна из первых тбилисских красавиц, облаченная в национальный наряд, вручит цветы самому Сталину. Но встречи с вождем не происходит – бдительные чекисты вспоминают и про княжеское происхождение, и про «сидящих» родственников. Ну, как такую подпускать к отцу всех народов? Не учудила бы чего, если взиграет горячая грузинская кровь! А вот просто пройти в колонне по Красной площади ей позволяют.

Она остается в Москве, пытается получить кинематографическое образование, однако это не удается – ей вновь припоминают «компромат». А главное событие той, Первомайской поездки происходит в ресторане то

▲ Родам с Михаилом Светловым и сыном Александром. 1960-е гг.

ли Центрального дома литераторов, то ли Всесоюзного театрального общества – она случайно встречается с Михаилом Светловым. Поэтом и драматургом, всенародно любимым тогда за не увядшие и по сей день песни «Гренада» и «Каховка». А в творческих кругах его обожали за удивительный юмор и экспромтные афоризмы. «Дружба – понятие круглосуточное», «Порядочный человек – это тот, кто делает гадости без удовольствия», «От него удивительно пахло президиумом», «Хочу испить из чистого родника поэзии до того, как в нем выкупается редактор», «Человек вполне мог бы еще жить два года» (о поэте, погибшем в автокатастрофе в 1935 году), «Что такое смерть? Присоединение к большинству»... Все это – Светлов.

Советская власть его не жаловала, считала троцкистом, не желающим петь ей дифирамбы, и на много лет наложила негласное «вето» на его творчество. И лишь в годы «оттепели» посмертно удостоила его своей высшей награды – Ленинской премии. Не за «Каховку» и «Гренаду», а за лирику – он писал замечательные лирические стихи, сочетая романтизм с самоиронией и ностальгией по не оправдавшимся идеалам молодости. Он всегда был в гуще людей, но внутренне оставался одиноким.

Вот такого человека и повстречала Родам Амирэджиби в ресторанном зале. Помните романс в популярнейшем фильме Эльдара Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово»? Там у Михаила Светлова есть такие слова: «...Я тоже частенько/ У двери красавицы шпорами тренькал,/ Усы запускал и закручивал лихо./ Пускайся в любовную неразбериху». Встретившись с красавицей-грузинкой, поэт тренькает воображаемыми шпорами, подкручивает воображаемые усы и пускается в такую любовную неразбериху, что всего лишь через сорок минут Родам уже не может жить без него. А спустя пятнадцать лет Светлов посвящает ей стихотворение «Сулико»: Сулико! Ты – моя любовь!/ Ты всю юность со мною была,/ И мне кажется, будто вновь/ Ты из песни ко мне

пришла...»

Они прожили вместе около двух десятков лет. Отнюдь не легких лет. Долгое время единственным литературным доходом Светлова были переводы, в том числе и с грузинского языка. Этот бессребреник тратил заработанное на друзей и на угощения. Однажды, не найдя своей фамилии в гонорарной ведомости, он так объясняет свое появление у кассы: «Давно не видел денег. Пришел посмотреть, как они выглядят». Его жене от такого остроумия легче не живется, они перебиваются от гонорара к гонорару, закладывают вещи в ломбард, одалживают деньги. При этом, как и полагается княжне, Родам умудряется принимать частых гостей и постоянно быть элегантно на зависть многим дамам московского «бомонда». Да еще и помогать младшим сестре с братом, живущим в Тбилиси. При всем этом, она вовсе не превращается в домохозяйку. Отправляется на «Мосфильм» и... входит в историю советского кино как ассистент режиссера на съемках картин Михаила Ромма «Русский вопрос» и Григория Александрова «Весна». Кроме того, ее имя значится среди преподавателей ВГИКа, в сценариях научно-популярных фильмов.

Так вот и растут они сына Александра, родившегося через год после их встречи. Михаил называет его Шуриком, а Родам – конечно же, Сандро. И сценки, спонтанно разыгрывающиеся между мужем и сыном, скрашивают для нее то, что называется трудностями быта. Вот, един-

▲ Родам и Бруно Понтекорво. Грузия. 1970-е гг.

ственный раз за все детство Сандрика, отец хлопает его газетой за какую-то провинность. Реакция – достойная сына Светлова: «Ты почему меня ударил «Учительской газетой», когда рядом лежали «Известия»? «С тех пор я понял, что сына уже не надо воспитывать», - признавался поэт. А вот, Сандрику уже надо идти получать паспорт, и он сообщает, что решил записаться евреем. «Успокойся, мальчик, ты никак не еврей», - улыбается отец. «Почему?!» - «А потому, что никакой настоящий еврей не откажется от возможности написать себе: «грузин»...

Но семья все же распадается, у Родам появляется новая большая любовь – «мистер Нейтрино», легендарный советский физик-итальянец (!) Бруно Понтекорво. Это имя мало, что говорит сегодня людям, не связанным с наукой. Поэтому посвятим пару абзацев необычной биографии избранника Родам – ученого мирового масштаба, основателя экспериментальной физики нейтрино.

▲ ВДНХ. Фонтан «Дружба народов»

Уроженец итальянской Тосканы заканчивает физмат Римского университета и работает под руководством самого Энрико Ферми. Ему еще нет и 22-х лет, когда в 1934-м первый же его опыт приводит к великому открытию: вода замедляет нейтроны. Именно на этом основываются и работа первых атомных реакторов, и производство плутония для атомных бомб. В США Бруно на практике применяет ядерную физику в мирных целях, отказывается участвовать в американском ядерном проекте и гордится, что этим спас честь своей науки. В 1941-м он предлагает метод обнаружения нефти под землей с помощью нейтронов. Нефтяные компании предлагают ему выгоднейшие условия, но он предпочитает строить исследовательский реактор в Канаде.

В 1950-м знаменитый физик исчезает. Весь мир, включая друзей и родственников, теряется в догадках, а потом выясняется, что Понтекорво живет в... Дубне и руководит отделом экспериментальной физики Института ядерных проблем. Он бежал в СССР по идеологическим соображениям: еще с войны в Испании вступив в подпольную итальянскую компартию, считает Советский Союз идеальным государством. Решившего больше не работать на капиталистов Бруно советские спецслужбы вместе с семьей вывозят из Финляндии на машинах с дипломатическими номерами.

Понтекорво рассекречивают лишь через пять лет после побега, когда он уже стал лауреатом Сталинской премии. Примечательно, что и этот избранник Родам оставляет след в литературе. Правда, не как автор. Его побег подсказывает в 1954 году Агате Кристи сюжет детективного романа «Место назначения неизвестно». А еще через десять лет Владимир Высоцкий пишет в «Марше физиков»: «Пусть не поймаешь нейтрино за бороду/ И не посадишь в пробирку, -/ Было бы здорово, чтоб Понтекорво/ Взял его крепче за шкуру!»... Родам живет с ним в гражданском браке, наотрез отказавшись официально выходить замуж, чтобы Бруно не расставался с тяжело больной женой. Живут они порознь, но Бруно отлично ладит с Сандро, а Родам дружит с его сыновьями. Итальянец боготворит грузинку, а та вводит его в круги московской художественной интеллигенции. Они вместе проводят отпуска, несколько раз приезжают в Грузию, где Бруно чувствует себя особенно хорошо – ему близки

местные темперамент и климат, сыры и вина. Он даже начинает учить грузинский язык...

Бруно ушел из жизни в 1993-м, его любимая скончалась на следующий год, через несколько месяцев после возвращения в родной Тбилиси. А в столице России стоит памятник ей. Самый настоящий, да еще отливающий золотом. В начале 50-х годов прошлого века именитый московский скульптор и архитектор Николай Топуридзе именно ее избрал моделью для скульптуры грузинки в знаменитом фонтане «Дружба народов» на ВДНХ. Так что, любой посетитель этой выставки и сегодня может видеть Родам Амирэджиби.

Еще студенткой ей довелось стать «первой рецензенткой» творчества брата, который младше нее на три года. Вообще-то, писать тот начинает еще восьмилетним, конечно же, - стихи. А подростком пробует себя и в прозе. Однажды, вернувшись домой, он видит, как Родам с подругой читают написанное им. Девушки заявляют, что рассказ очень хороший. «Видимо, те слова похвалы также послужили тому, чтобы я никогда не переставал писать», - вспоминал потом Мзечабук Амирэджиби, при жизни ставший классиком грузинской литературы. Увы, путь, который ему пришлось пройти до всемирного признания,

▲ Лагерный снимок Чабуа. 1953

никак не соответствует его полному имени, которое переводится как «солнечный парень». Поэтому справедливо, что все знают его как Чабуа, человека, жизнь которого похожа на приключенческий роман.

Первое, что приходит на ум любому, произносящему это имя (конечно, помимо великолепных романов) - невероятная «гулаговская» эпопея. В ее начале – смертный приговор, вынесенный в 1944-м участнику студенческой политической группы «Белый Георгий», три месяца в камере смертников и замена казни на 25-летнее заключение. О побеге, увеличивших лагерный срок Чабуа до 83- лет(!), ходит много легенд. Поэтому предоставим слово ему самому: «Я бежал из ГУЛАГа шесть раз, из них три раза – в один и тот же день, 20 сентября 1945 года, в Тбилиси. Первый побег – из так называемой колонии Шампанкомбината, но был арестован патрулем на Челюскинском мосту, в Тбилиси, и препровожден в Тбилисскую комендатуру; второй побег – из-под огня, во время

▲ Марлен Кораллов

конвоирования из комендатуры – в девятое отделение милиции города Тбилиси; третий побег – из этого самого отделения. Четыре с половиной года был «в бегах», но 27 декабря 1949 года был арестован и снова начался «мой ГУЛАГ с остальными тремя побегами...»

И еще одна цитата на эту тему: «Срок свой ты начал на исходе войны, а простился с ГУЛАГом на пороге 60-х. За плечами у тебя и Закавказье, и Казахстан, и Таймыр, и Колыма, и Тайшет, и Мордовия. Кроме количества отсиденных лет существует и качество. Одно дело – отбывать срок, хитроумно или счастливо пристроившись к хлебо-резке, конторе, санчасти, и совсем другое – рваться в побег, а когда пять из шести попыток срываются, «доходить» в бунтах и карцерах, на закуску – принимать участие в восстании». Это – слова москвича Марлена Кораллова. До того, как стать публицистом и критиком, кандидатом филологии, он сидел вместе с Чабуа и помог ему выжить в одном из самых страшных лагерей – «Песчанлаг». А спустя годы помогает выжить и роману «Дата Туташхия», участвуя в редактировании его подстрочника и «пробивая» публикацию в Москве.

Но не только как солагерник Чабуа появляется этот человек на наших страницах, посвященных связям двух великих культур. Марлен Кораллов – одно из звеньев этих связей. Так что, нам самое время приглядеться и к другим русским литераторам, с которыми судьба соединила Мзечабука Амиредживи. А детализирование 16-летней отсидки писателя и разбор его замечательных произведений уже сделаны и еще будут делаться и без нас.

Конечно же, первый в этом ряду – Михаил Светлов. Он очень любил Чабуа, навещал его на «зоне» и даже дарил лагерному начальству свои книги с автографами, надеясь, что условия содержания лихого зятя улучшатся. И именно в его с Родам дом отправляется Чабуа, выйдя в 1959-м. По дороге в Москву на какой-то станции видит продающегося красавца-гуся. Покупает эту птицу и с ней стучится в дверь Светловых. А потом, узнав, что Светлов сидит в ресторане Дома литераторов, отправляется туда и появляется в зале с... гусем на плече. «По-моему, в мировую литературу так не вступал ни один из прозаиков и поэтов, из драматургов и публицистов», - считает Марлен Кораллов. И с ним нельзя не согласиться.

Когда, спустя годы, Марлен Михайлович приезжает в свадебное путешествие в Грузию, Чабуа встречает молодоженов с двойной радостью, возит по святым местам,

знакомит с отсидевшими в ГУЛАГе монахами. Ведь наоборотная – племянница его друга Юрия Домбровского, замечательного писателя одной с Чабуа зековской судьбы, который как-то сказал о себе: «В лагерной прозе Шаламов первый, я – второй, Солженицын – третий». Лично я поставил бы на первое место в лагерной тематике его роман «Факультет ненужных вещей». Впрочем, от моего субъективного мнения значение никого из них не уменьшится. Домбровский же был особенно близок Мзечабуку Ираклиевичу, в библиотеке которого были подаренные Юрием Осиповичем книги «из мешка». То есть, те, что тот перетаскивал из лагеря в лагерь. «Других вещей у него не было, если не считать предметов первой необходимости, свободно размещающихся в карманах, - вспоминает Амиредживи. - Так и шел «папа Юра» со своим мешком на вахту после команды «Домбровский, с вещами!»... Однажды мне самому пришлось отвоевывать у надзирателей при очередном «шмоне» его томик Байрона на английском языке».

И еще откровение грузинского писателя: «Мы оба до

▲ Юрий Домбровский

35-45-летнего возраста со студенческих лет практически не были на воле и познакомились в лагерях. Тогда я только-только учился писать, и встреча с настоящим писателем для меня была огромной удачей. Я много читал, и его мешок был для меня кладом, посланным самим богом. Мы делили лагерный кусок хлеба, и здесь Домбровский был, я бы сказал, невыносим, потому что всегда старался есть меньше меня. Я же не мог обжираться и часто ходил голодным. Но это в то же время заставляло меня быть добычливым и расторопным». А в 1973-м Домбровский атаковал редакцию «Нового мира», чтобы там заинтересовались романом «Дата Туташхия» - «очень заметным явлением грузинской литературы».

Когда Домбровского не стало, Чабуа говорит над его могилкой прощальное слово, которое, по признанию собравшихся, другие вряд ли сумели бы сказать. А потом, в Дубовом зале Дома литераторов, где «покойному выпадала возможность отводить душу, облегчать ношу», замечательного писателя поминуют Амиредживи, Кораллов, еще один бывший зек – Юз Алешковский и ленинградский друг Андрей Битов...

Последний из названных – в числе тех, о ком Чабуа говорил незадолго до своего ухода: «Я особо отмечу ту тоску, которую ношу по моим друзьям из России... Вот

некоторые из них, которых сохранила старческая память: Женя Евтушенко, Белла Ахмадулина, Борис Мессерер, Марлен Кораллов, Юрий Рост, Андрей Битов, Женя Примаков... Мечтаю хоть раз еще свидеться с теми, кто еще жив, о них я постоянно думаю, я – вместе с ними! Галю Корнилову (писательница и переводчик – прим. В.Г.) носит в памяти вся моя многочисленная семья... Да простит меня Бог, что в данную минуту не всех удалось вспомнить! Простите и вы, друзья...» Давайте-ка, пролистаем несколько страниц летописи этой большой дружбы.

...Год 1982-й, Москва, русские писатели устраивают творческий вечер Чабуа Амирэджиби. Ведет его Евгений Евтушенко. Выступают многие, но особенно памятливым всем два выступления. Белла Ахмадулина читает свое стихотворение «День-Рафаэль», посвященное грузинскому другу: «Но ласково глядел Богоподобный День/. И брату брат сказал: «Брат досточтимый, здравствуй!» Еще она долго говорит о том, какой Чабуа хороший человек и друг, какой выдающийся роман он написал. Потом на сцену выходит Булат Окуджава, тоже посвятивший Чабуа стихи – «Плач по Арбату» из «Арбатских напевов»: «Без паспорта и визы, лишь с розою в руке слоняюсь вдоль незримой границы на замке, и в те, когда-то мною обжитые края, все всматриваюсь, всматриваюсь, всматриваюсь я». А на том вечере, рассказав о своем друге, Булат Шалвович поет ему и его гостям другое – «Грузинскую песню»: «И друзей созову, на любовь свое сердце настрою... А иначе зачем на земле этой грешной живу?»

А это – Грузия задолго до того вечера. Вот в Кобулету, на семинаре, проводимом Главной редакционной коллегией по делам художественного перевода и литературных взаимосвязей при Союзе писателей Грузии, все тот же Окуджава впервые читает Амирэджиби строки, выражающие суть творчества их обоих: «Каждый пишет, как он слышит./ Каждый слышит, как он дышит./ Как он дышит, так и пишет./ не стараясь угодить...» Им еще только предстоит стать песней «Я пишу исторический роман». А вот небольшой тбилисский духан с неказистыми пластиковыми столами, куда Чабуа приводит Ахмадулину и Мессерера. И, глядя ему в глаза, Белла Ахатовна читает

▲ Чабуа Амирэджиби

столья. Недобрый ноябрь 1991-го. Амирэджиби должно исполниться 70 лет. И, вспомнив об этом, Кораллов, Евгений Евтушенко, главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Руденко-Десняк, написавший книгу о Нодаре Думбадзе, появляются в столице Грузии. А городу не до того, чтобы помнить о юбилеях – всю разгорается противостояние между противниками и сторонниками президента Звиада Гамсахурдиа. Снова слово Марлену Кораллову: «У добрых знакомых глаза на лоб полезли: юбилей? Чабуа? Хвала старой Грузии! Не знаю, сколько женщин пекло и жарило, но назавтра в Доме политпросвещения (!) состоялся банкет, на котором красовался весь род Амирэджиби: старшие, младшие, дети, внуки... После банкета теснили друг друга в набитой машине». Не проходит и десяти дней, как на тбилисских улицах начинаются бои...

А теперь прочтем последнее, что Чабуа Амирэджиби опубликовал на русском языке. Это письмо Белле Ахмадулиной. Адресованное уже в другой мир: «Белла, дорогая! Всевышний, видимо, обрек меня на долгую жизнь, дабы гореть печалью по ушедшим из жизни земной многих и многих моих друзей, достойных жить дольше меня. Вот ушла и ты, мой близкий, любимый, чистый, честный, великий, уважаемый всем человечеством друг. Ты была частью моей жизни, потому как собственной жизнью считаю лишь ласкающие сердце воспоминания. Я прожил почти девяносто лет вместе с тобой и Борей Мессерером, коим Бог наградил тебя в качестве благородного мужа-рыцаря по достоинству и долгу. Белла, прими мой дружеский поцелуй и надежду встречи на другой планете, именуемой вечностью. Монах Давид (в миру Чабуа Амирэджиби)».

Теперь они вместе на той планете, в теплых старых стенах, отведенных для друзей – Чабуа, Родам, Белла, Булат, Михаил, Юрий, Марлен, Галина, Александр...

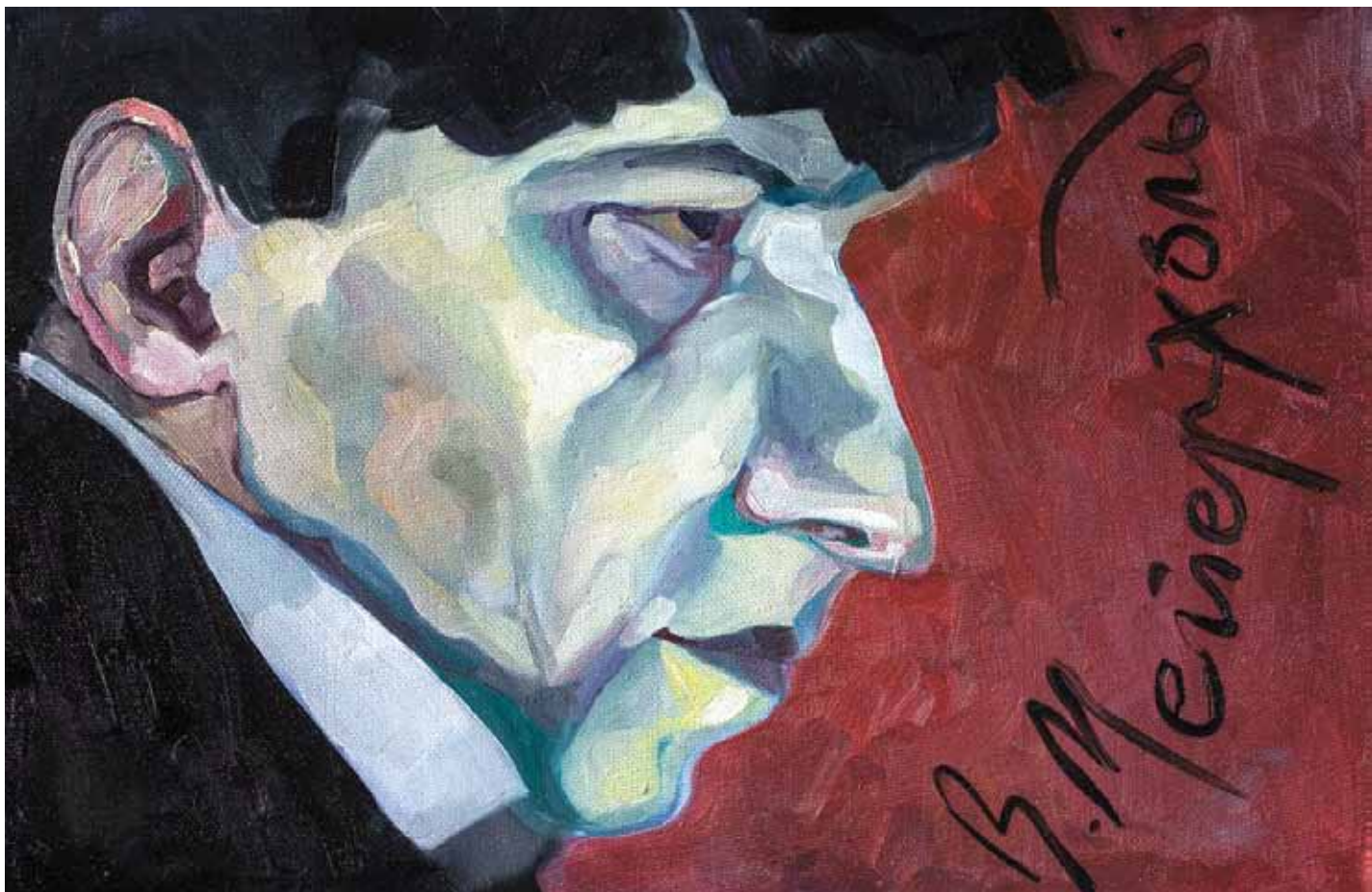

▲ Чабуа с Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером

свои переводы Галактиона Табидзе, после которых все, бывшие в «заведении», встают и поют «Мравалжамиер» госте...

Ну, а в этот приезд москвичей в Тбилиси уже они сами выступают в роли организаторов праздничного за-

Владимир ГОЛОВИН

«ТОВАРИЩЕСТВО НОВОЙ ДРАМЫ» В ТИФЛИСЕ

К 170-летию русского театра в Грузии

В этом году исполнилось 140 лет со дня рождения выдающегося режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда. Это имя дорого деятелям театра во всем мире и, конечно, Грузия – не исключение. Ведь он внес серьезную лепту в историю русского театра в нашей стране, способствовал формированию вкусов тифлисской публики. Не говоря уже о вкладе в развитие искусства мировой сцены.

Всеволод Эмильевич работал в Тифлисе в период с 1904 по 1906 годы, когда здесь проходили сезоны «Товарищества новой драмы» - труппы Мейерхольда.

Создание «Товарищества новой драмы» в 1902 году стало результатом непримиримых противоречий между Всеволодом Мейерхольдом и Константином Станиславским. Мейерхольд собрал труппу из актеров-единомышленников, бывших студийцев МХТ, и уехал с ними в Херсон. Это положило начало его провинциальным сезонам...

Спустя три с половиной года, 26 сентября 1904-го «Товарищество новой драмы» начинает работать в Тифлисе на сцене «Артистического общества» (ныне театр имени Ш. Руставели). Это произошло через два с лишним месяца после смерти Антона Павловича Чехова, - и сам Мейерхольд, и все участники труппы восприняли это как большую трагедию.

«Мейерхольд, искренне называвший Чехова «сво-

им богом», пользовался большим расположением великого писателя; во многих письмах Чехова выражена его забота о Мейерхольде. Известно, в частности, что Чехов старался помочь труппе Мейерхольда выбраться из маленького Херсона в более крупный театральный город. Отнюдь не исключено, что хлопоты и рекомендации Чехова помогли «Товариществу новой драмы» получить в свое распоряжение на сезон 1904-1906 гг. здание «Артистического общества» в Тифлисе... Во всяком случае, более чем понятно, почему «Товарищество новой драмы» решило первым спектаклем в Тифлисе показать «Три сестры». Тем самым «Товарищество», во-первых, отдавало дань любви и преклонения памяти недавно умершего А.П. Чехова и, во-вторых, ясно и недвусмысленно заявляло о своем намерении развивать сценические принципы, которые провозгласил и утвердил Московский Художественный театр», - пишет в своей диссертации «Товарищество новой драмы» Всеволода Эмильевича Мейерхольда в Тифлисе в 1904-1906 гг.» театровед Иамзе Тухарели.

До спектаклей «Товарищества новой драмы» тифлисская публика не имела представления о режиссерском театре, о воле режиссера-постановщика, определяющего единую творческую цель, создающего на сцене актерский ансамбль, объединенный общей идеей. Впечатление от первого спектакля, показанно-

го в Тифлисе, выразил рецензент на страницах газеты «Кавказ» от 28 сентября 1904 года:

«Составить себе хотя бы приблизительное понятие о труппе по первому спектаклю, конечно, невозможно, тем более о такой труппе, где совершенно отсутствуют установленные репутации, где не имеется налицо выдвигаемых вперед единиц, а есть только выставленная как основной принцип некая художественная совокупность. А такой именно труппой, по-видимому, желает быть открывшее свои спектакли в театре «Артистического общества» в воскресенье, 26 сентября, «Товарищество новой драмы» под управлением г.Мейерхольда.

Бывший артист Московского Художественного театра г.Мейерхольд задался целью проложить путь в провинции новаторским задачам этого театра во всей их неприкосновенности, вплоть до мелких причуд, вроде раздвижного занавеса и ударов гонга, при которых он раздвигается. Насколько сложно это предприятие и насколько выполнение его должно коренным образом изменить установившийся в провинции взгляд на театр, в частности на драму, можно выяснить в двух словах. Откинув в сторону занавесы, гонги и т.п., достаточно указать на то, что до сих пор мы шли в театр смотреть главным образом актеров, а теперь нас приглашают смотреть, прежде всего, пьесу, т.е. теперь на первый план выдвигается не индивидуальность непосредственного творчества, а совокупность художественного восприятия. Актер является только необходимой спицей в управляемой режиссером авторской колеснице, а не восседающим на ней триумфатором.

▲ Всеволод Мейерхольд

▲ В поездке по Грузии

Прежде и в программах обыкновенно писалось так: «для первого выхода гг. таких-то пойдет пьеса такая-то», теперь же это следует перефразировать так: «пойдет такая-то пьеса с потребными для нее артистами».

И вот по первому спектаклю можно только судить о том, имеет ли труппа право и основание вообще представлять своим девизом определенный художественный принцип или не имеет. И по отношению к труппе г.Мейерхольда следует, не задумываясь, ответить на этот вопрос утвердительно. Если и впредь спектакли будут обставляться так же добросовестно, то в лице антрепризы г.Мейерхольда Тифлис сделал крупное и весьма интересное художественное приобретение. Чеховские «Три сестры» в отчетном спектакле были исполнены так, как они еще ни разу не исполнялись

у нас; в исполнении именно преобладало чеховское настроение, которое не в силах были нарушить даже неуместные вспышки нашей воскресной публики. Получилось нечто цельное, законченное, отделанное, за исключением некоторых надоедливых деталей, которыми чересчур щегольнула режиссерская изобретательность. Впрочем, в последнем, кажется, не так повинен г.Мейерхольд, как воспринятые им традиции Московского Художественного театра, и спорить в этом отношении скорее придется не с ним, а с его законодателем г.Станиславским, что в последующих отзывах я, при случае, не премину сделать.

Пока скажу только, что раздвижной занавес, судя по первому впечатлению, менее способствует настроению, чем обыкновенный. Недаром авторы часто прибегают к таким ремаркам: «занавес тихо опускается», «занавес быстро падает», «занавес опускается сначала медленно, а потом быстрее и быстрее» и т.д. Всех этих эффектов при раздвижном занавесе достигнуть нельзя: задвигается он неизменно на один и тот же лад, цепляясь за поставленную по новым правилам на авансцене у предполагаемой стены мебель и издавая неприятный шорох. Против сигнальных звуков гонга я ничего не могу возразить: это приятно для уха, серьезно и помогает сосредоточиться; только сигнальный гонг должен быть один, а гонг, изображающий, например, набат в третьем действии, - другой, иначе получается такое впечатление, точно Чехов каждый акт начинает колокольным звоном. Из исполнителей в общем стройном ансамбле пока можно выделить г-жу Мунт и г-жу Весновскую, очень интересно передававшую роль Маши, в особенности мимическую сцену в 3-м и сцену прощания в 4-м акте. Г.Мейерхольд (барон Тузенбах) просто и тонко провел финальную сцену с Ириной. В роли Кулыгина г.Шатерников слегка переигрывал, а у г.Снигирева (доктор Чебутыкин) не было задушевно-

▲ 3.Райх, С.Долидзе и В.Мейерхольд. Тифлис. 1927

сти и теплоты. Очень понравилась мне г-жа Заварзина (Наташа) в первом действии и совсем не понравилась в остальных, где она была чересчур изящна и неожиданно криклива. Г.Щепановский, для чего-то слишком демонстративно завившийся, по тону и наружности мало походил на человека изысканного по натуре, но забитого житейскими дрязгами, каким у Чехова выведен подполковник Вершинин. Но все сказанное пока только первое впечатление, а не сложившееся мнение об артистах. В общем, все они имели у многочисленной публики вполне заслуженный успех и вселили надежду на интересный сезон. Нельзя пожаловаться также и на замену военного оркестра в антрактах струнным».

Оставаясь верным Чехову, Всеволод Мейерхольд менее чем за четыре месяца поставил практически все крупные пьесы Антона Павловича, демонстрируя приверженность не только к его драматургии, но и к стилистике МХТ. Это тем удивительнее, что Всеволод Мейерхольд стремился отмежеваться от копирования репертуара Художественного театра и его эстетических принципов.

«Хотя тифлиссские критики нередко упрекали «Товарищество» «в грубом, топорном реализме», в «надоедливости деталей», указывали на «рабскую подражательность» Художественному театру, все же самым большим успехом в Тифлисе пользовались чеховские пьесы и «Смерть Иоанна Грозного», поставленная по мизансценам спектакля МХТ», - пишет К.Рудницкий в монографии «Мейерхольд» (1981, стр. 75).

В роли Иоанна Грозного с большим успехом выступал Мейерхольд.

«Когда я вчера смотрел «Смерть Иоанна Грозного», мне в продолжение всего спектакля казалось, что где-то там, за сценой, явственно-внятно, как далекий гром, гудит и волнуется на площади море голов, слышатся грозные окрики лютых «приставов», бряцают алебарды, да время от времени доносится суховатый, тяжелый удар топора...»

А когда открывались маленькие двери, ведущие в опочивальню царя, казалось, что вместе с их скрипом в комнату врывается странный, вздрагивающий стон пытаемых в «застенке»... И на этом тревожном и кровавом фоне, в этом воздухе, напоенном то мрачным молчанием, то воплями и криками приговоренных к казни, то гулом голосов взволнованных бояр, - вдруг,

как ужасный призрак, выростала фигура грозного царя...

Худой, высокий, и с лицом аскета, с глазами, горящими злобой и подозрением, и застывшей злой и искривленной улыбкой на тонких и бледных губах – этот призрак был действительно страшен. В его изможденном, разъеденном болезнью теле неврастеника, казалось, воплотились все злодейства, которые способен изобрести человеческий ум...

Он привык к злодействам. В них он находил успокоение своей болезненной подозрительности... В эту страшную, кровавую эпоху, в это время яркого, безудержного разгара народных страстей, в эти тревожные дни военных неудач и опасностей он, то сильный, хитрый и жестокий властитель, то слабый, жалкий, страдающий больной старик, терзаемый раскаянием, – величественно умирал, как умирает красное, точно напоенное кровью, солнце... И на закате своей жизни он бросал вокруг себя последние багряно-красные лучи... Один за другим гибли на плахе верные слуги го-

▲ МХТ. А.Чехов «Чайка»

сударства, им на смену приходили хитрые, коварные царедворцы, и тяжелые, гнетущие сумерки нависали над Россией... В этих сумерках, как гигантская, страшная тень, вырисовывалась мрачная фигура Иоанна...», - так красочно описывает рецензент свое впечатление от работы Всеволода Мейерхольда (де-Линь, «Смерть Иоанна Грозного», «Юг», 1902, 6 декабря).

Переноса на тифлиссскую сцену московские спектакли, режиссер, тем не менее, пытается искать другие пути, предлагает зрителям новую драматургию, новый сценический язык. «В тифлиссском репертуаре «Товарищества новой драмы» отчетливо прослеживается и некая особая, оригинальная линия движения, ведущая от таких родных для МХТ драматургов, как Гауптман, Ибсен, к писателям более радикальным в своих модернистских исканиях – к А.Стриндбергу, Ф.Ведекинду, наконец, С.Пшибышевскому, две пьесы которого – «Снег» и «Золотое руно» дали Мейерхольду возможность и повод заново подойти к сложной проблеме формы символистского спектакля», - размышляет И.Тухарели в своей диссертации.

Режиссер стремился к искусству больших обобщений, не принимая чрезмерный натурализм, излишнюю детализацию спектаклей МХТ. По признанию Мейерхольда, именно из этого неприятия родился его символизм – к примеру, спектакль «Снег» С.Пшибышевского,

холодно принятый тифлисской публикой.

«В Тифлисе он попытался весь спектакль провести в полумраке, дабы окутать персонажей атмосферой таинственности. Публика, однако, откровенно скучала и томилась в «египетской тьме». Когда спектакль кончился, часть зрителей осталась на своих местах, наивно полагая, что самое интересное впереди. Капельдинеры ходили между рядами партера и «клялись, что больше уж ничего не будет». Тогда возмущенные зрители начали шикать, свистеть, хохотать, кричать: «Долой сверхдраму! Долой Пшибышевского!» Другие яростно вызывали Мейерхольда, но он благоразумно не вышел. Провал был отнесен на счет «крикливой южной публики», - рассказывает К.Рудницкий.

Невероятно, но факт: Мейерхольд был вынужден нести на своих плечах тройной груз: антрепренера, режиссера и актера и соответственно пожинать плоды успеха в тройном размере (при условии успеха, конечно!). В одной из рецензий указано, что после окончания представления публика вызывала его – явление, незнакомое на провинциальной сцене.

Поражает работоспособность Мейерхольда. Некто Н.М. в статье «Послесезонные выводы и заключения», опубликованной в газете «Кавказ» от 2 марта 1905 года, анализирует итоги театрального сезона:

«За целый сезон г.Мейерхольдом поставлено было всего 72 пьесы. Если исключить из этого числа 12 одноактных, шедших для начала или для окончания спектакля (причем четыре из них принадлежали перу Шницлера, две – Чехова, а остальные шесть – разных авторов), то получится солидная цифра в шесть десятков капитальных пьес. Сколько же из них было русских и сколько переводных?.. Оказывается, что русских поставлено только двадцать пять, переводных же тридцать пять.

Кроме «Горя от ума», «Женитьбы», «Плодов прощения» шли все пять пьес Чехова, все три пьесы Горького, две части из трилогии графа А.Толстого и всего лишь две пьесы Островского; в числе десяти остальных авторов Потапенко, Найденов и Трахтенберг фигурировали каждый двумя пьесами.

Из тридцати пяти переводных пьес двадцать приходятся на долю немецких авторов, шесть – французских, четыре – Ибсена, две – Шекспира, две – Пшибышевского и одна – переделка «Хижины дяди Тома», которую я затрудняюсь отнести к национальности ее автора. Из двадцати пьес немецких авторов на долю Гауптмана приходится восемь и на Зудермана – пять пьес. В первый раз в Тифлисе шли семнадцать пьес, из них только семь принадлежали русским авторам.

Сопоставляя эти цифры, приходится констатировать тот факт, что исключительным предпочтением пользовался Гауптман, после него, наравне, идут Чехов и Зудерман, за ними – Ибсен, потом Горький, потом, в одной компании, Шекспир, Пшибышевский, А.Толстой, Островский, Потапенко, Найденов и Трахтенберг, за ними Гоголь, Л.Толстой, Грибоедов и остальные. Выделив Грибоедова, славного своей единственной бессмертной комедией, и Гоголя с двумя Толстыми, обойденных всего одной пьесой, нельзя все-таки не признать, что репертуар составлялся крайне однобоко и что авторам чуждого нам, хотя и модного ныне за границей направления отдавалось слишком явное и обидное предпочтение».

Стоит остановиться на спектакле «Горе от ума». Пьеса впервые была поставлена на тифлисской сцене 8 октября 1846 года. Свою дань Грибоедову отдал и

▲ В.Мейерхольд в роли Иоанна Грозного

Мейерхольд, однако постановка оказалась неудачной. Мейерхольд сыграл Чацкого. Ему сопутствовал триумф – «во-первых, в знак уважения тифлисской театральной аудитории к любимому писателю и, во-вторых, в честь Мейерхольда, избравшего эту пьесу для своего «гала-спектакля».

Рецензент газеты «Кавказ» писал, что спектакль «носил характер сплошной овации по адресу бенефицианта... сыпали разноцветные бумажки, бросались цветы, венки, были и подарки, а уж крикам и вызовам не было конца» («Кавказ», 19 февраля 1905 г.). Успешным был и его выход в роли Барона в спектакле «На дне» Горького. Газета «Новое обозрение» (1904, № 9) отмечала: «Популярная пьеса М.Горького «На дне» нашла в труппе Мейерхольда хороших исполнителей: В.Мейерхольд – прекрасный Барон, на нем барство оставило действительно следы, как оставляет оспа рябины».

Совсем иначе оценила критика роль Шейлока, сыгранную Мейерхольдом в спектакле «Венецианский купец» Шекспира. Как отмечали газеты, «в мейерхольдовском Шейлоке – к немалому изумлению публики – неожиданно проглянули черты его собственного Иоанна Грозного. Понятно, что в роли Шейлока такие реминисценции оказались совсем не к стати. Стараясь понять странное сходство Шейлока с Грозным, обозреватели усматривали его причину, прежде всего, в чрезмерной усталости и переутомлении Мейерхольда».

Среди других спектаклей, показанных в Тифлисе «Товариществом новой драмы», были «Шлюк и Яу» Гауптмана, «Отец» Стриндберга, «Дачники» Горького, «Веселые расплюевские дни» («Смерть Тарелкина») Сухова-Кобылина. По мнению К.Рудницкого, репертуар Товарищества строился по тем временам очень смело. Труппа Мейерхольда приковывала к себе большое внимание, слухи о ее успехах долетали до обеих столиц. Но главные революционные театральные деяния режиссера-новатора были еще впереди.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Давид (Дато) Маградзе – поэт, общественный и политический деятель. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета им. Ив.Джавахишвили. Основатель (по рекомендации Иосифа Бродского) и президент (до 2010 г.) грузинского ПЕН-центра. В 1992-1995 гг. – министр культуры Грузии, в 1999-2001 гг. – член парламента Грузии (оставил мандат по собственному желанию). Лауреат ряда престижных наград и литературных премий. В 2011 г. был принят Нобелевским комитетом Швеции на соискание Нобелевской премии в области литературы. Автор текста

государственного гимна Грузии. Автор более 10-ти поэтических книг. Поэма «Джакомо Понти» издана в Тбилиси в 2011 г. Переведена на английский, итальянский, турецкий языки. В академии «Дон Боско» (Италия) поэма внесена в учебную программу. В 2014 г. в издательстве «Вита нова» (Санкт-Петербург) поэма вышла на русском языке в переводе поэта, переводчика, драматурга, члена Союза писателей Санкт-Петербурга, члена СТД России Николая Голя.

Мы говорим только о настоящей поэзии.

Поэтическое произведение – всегда мантра. Если угодно – заклинание. Может быть, молитва. Этим и отличается прекрасное стихотворение от всех других, что оно – священный, неприкосновенный текст, единый поток звуков и слов, каждые из которых стоят на своем месте, как влитые, и переставить их невозможно, и удалить нельзя, иначе все развалится.

За стихи нередко выдают некие нерифмованные тексты, именуя их белым стихом, простодушно забывая, что верлибр – высший поэтический пилотаж и профессионально очень сложное дело. Стихами иной раз называют куплеты, в которых просто нет смысла – лишь произвольный набор образов и эмоций. Конечно, стихи, которые не содержат ясной мысли, тоже могут быть великими стихами. В знаменитой иронической (но серьезной) эпиграмме Александра Иванова, посвященной Белле Ахмадулиной, об этом сказано умно и изящно: «Она читала, я внимал /То с восхищеньем, то с тоскою. /Нет, смысла я не понимал, /Но впечатленьем – колдовское».

И в самом деле – если не улавливаешь содержания, то должен быть заморожен формой. Иначе это, ей-богу, не поэзия.

Дато Маградзе – мастер, и его творчество – тот удивительный и редкий случай, когда поэтическое впечатление сочетается с размышлением, эмоция с идеей, когда на четко выстроенный сюжет нанизываются одна за одной, в строго обдуманной последовательности, аллюзии и ретроспекции, ассоциации и сравнения, явные и скрытые цитаты, которые не только не уведут в сторону, но, напротив, словно бы подпирают, как дамбы, бушующие волны повествования. Стиль Маградзе узнаешь сразу, и это основное достоинство. Его трудно с кем-то очевидно сравнить, а такое вообще редкость.

Пастернак говорил, что главное в поэтическом тексте – «сила». Говорил в те времена, когда уже «впал, как в ересь, в неслыханную простоту». Так вот, Маградзе – силен и прост. Точнее так – Прост. Как притча. Как псалом. Говоря словами самого автора: «Что за величие в этой простоте! Какая простота в ее величье!» Маградзе шагает по дороге в классику поэзии.

Думаю, что поэма «Джакомо Понти» – выдающееся явление в современной грузинской литературе. При том, что это, конечно, поэма, так и тянет назвать ее иначе – например, хроника в стихах, или записки летописца, или дневник очевидца.

При всех авторских отсылках в далекое прошлое,

это в высшей степени современное произведение как о самых насущных вопросах сегодняшнего дня (будь то политика, быт или человеческие отношения), так и и о проклятых вопросах бытия, которые терзают человека и человечество веки вечные. Что есть свобода, власть, дружба? Куда ведет дорога из отчего дома? Почему человек так силен и так бессилён? И вообще – что делать? Что же, господа, нам делать?!

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». «Джакомо Понти», по сути, начинается так же, как Пролог Евангелия от Иоанна. И с первых строк становится очевидным, кто он, главный герой – Джакомо Понти. Слово, которое «было в начале», Маградзе вкладывает в уста Поэта:

*Так говорит он, этот человек...
А то, о чем и как он говорит,
Уже само о многом говорит...
- Но кто же он?
- Он, кажется, поэт.*

Начиная с заглавия, читатель попадает в бесконечную цепь смысловых ассоциаций. Джакомо: Казанова, Леопарди, святой Джакомо или «Джакомо Джойс» Джеймса Джойса? Понти: Понтий Пилат, Понтийское царство, понты, не бери на понт? Или понт – «рог северного оленя, из которого китайцы готовят возбудительные пилюли» (А.Чехов, «Остров Сахалин»)? Выбирай, что тебе по душе, подбирай на свой вкус. Как ни странно, что ни выберешь, все – в жилу: «Но, ваша честь, вы все-таки не Понтий. /Понтов не стройте. Нас не взять на понт». А может быть, нас не взять на Понт, с большой буквы? Выбирай...

Поэма состоит из предисловия, пролога, 37-ми глав и послесловия. Почти все написано в разной стилистической манере, по разным поэтическим канонам. Но каждая стоит точно на своем месте, проистекая из предыдущей и предвеляя следующую.

Три темы являются магистральными, сквозными: тема родины, суд над Поэтом – «капитаном флотилии бумажных кораблей» Джакомо Понти и, наконец, уход из отчего дома и возвращение домой. Все остальные смыслы произведения – явные и подводные, точно заявленные и обозначенные лишь легким пунктиром – сходятся на этих трех.

Дато Маградзе (или Джакомо Понти?) – не космополит и не инопланетянин. Тяготее к расширению своих внутренних границ, он остается сыном своей страны и, как это чаще всего случается с жителями маленьких стран, чувствует сильнейшую, почти животную привязанность к своей благословенной и злосчастной «западно-восточной» земле. Он смотрит на нее трезвым, суровым взглядом, ни на секунду не переставая любить ее всем своим существом, понимая, что родная страна, «прекрасная и убогая», – это судьба, данная Богом. При этом, глядя в лицо жестокой правде, он отдает себе отчет в том, что для многих «патриотизм – стремление к реваншу у тех, кто безнадежно проиграл».

*Страна моя, хочу тебе сказать,
что мне любви к тебе не занимать.
Люблю тебя такой, какой не стала.
Люблю такой, какой могла бы стать.*

Основным сюжетным мотивом Дато Маградзе выбрал судебный процесс. Автор сам отсылает читателя к образу Сократа: «Тбилисцы, вы как граждане Афин. /Я – как Сократ в венце бесчисленных вин». Но мы поневоле (или все-таки по воле автора) выстраиваем свой ассоциативный ряд. И в этом ряду не только защита Сократа (Джакомо Понти так же, как великий грек, защищает себя сам), но и «Процесс» Франца Кафки, «День восьмой» Торнтон Уайлдера, знаменитое

«Сжечь – не значит опровергнуть!» Джордано Бруно, «Я обвиняю» Эмиля Золя... И, как всегда, в роли прокурора выступает народ.

Тема противостояния-противопоставления народа и Гражданина, толпы и Поэта – классическая, вечная. Но Маградзе и тут умудрился обнаружить ту точку обзора, с которой пока еще никто эту область не обзрел. Его Поэт – не просто мыслитель, страдалец и боец-одиночка, предпочитающий «пирушке групповой раздумье одинокого застолья». Он, готовый одарить своей дружбой весь мир, в то же время – гордый чистоплудный, суровый творец, брезгливый и неуступчивый горожанин, коренной житель столицы Поэзии, атакуемой «провинциалами». Маградзе чужд высокомерия, и противопоставляет не себя – им, но их образ жизни и систему ценностей – своим. Он не ставит себя выше прочих, но со спокойствием уверенного в своем деле человека понимает их абсолютную несовместимость. Это так, и иначе быть не может: «Поверьте, все, что ваше – не мое». И еще: «Да защищен талантом буду я /От поэтического захолюстья!»

Притча о блудном сыне, одна из притч Иисуса Христа (Евангелие от Луки) – известна, пожалуй, каждому. Тема возвращения кажется в ней очевидно доминантной. И автор поэмы поначалу делает акцент именно на ней: «Покинув дом Отца, ты двиним вот чем – /Надеждой оказаться в доме отчем». Но Маградзе не был бы Маградзе, если бы не нашел в каноническом тексте скрытого смысла. Поэтому его волнует не только судьба того, кто покинул отчий дом, но и (даже в большей степени) тех, кто в этом доме ждет возвращения сына. Что с ними станет в злосчастные для родины времена? Отстраниться от этого злосчастия – немисливо, уйти в лабиринты своей души и затеряться там навсегда – невозможно. «Джакомо Понти» повествует именно о невозможности человеческой автономии. Хочешь ты этого или нет, но поневоле рано или поздно оказываешься опутан, как паутиной, всем, что тебя окружает, что происходит вокруг тебя. Так кто же откроет дверь блудному сыну, когда он постучится в родной дом? «Однажды в дом вернется блудный сын, /И пустота его за дверью встретит».

За время чтения «Джакомо Понти» читатель становится надежным союзником и единомышленником Дато Маградзе. И вместе с автором с совершенной убежденностью осознает: нет жизни без стихов. А спасти может только чудо – чудо поэзии, «апоге», единство духа и души. Одна беда – не хватает лишь восьмого дня творения, чтобы его создать. «Кто день восьмой отыщет за семь дней?»...

А действительно, кто? Только Поэт – единственный соратник Создателя. И, может быть, все изменится в день восьмой?

Да не надеется читатель обнаружить у Дато Маградзе точные ответы. Но побуждающая к размышлению сила автора столь велика, что мы поневоле сами пойдем по скорбному и светлому пути самопознания, и, кто знает, что нас ждет впереди? Может быть, ответ. Может быть, новый вопрос. Но если мы задумались и прослезались, значит, стихи состоялись, и мантра сработала.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ

ДВОР ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА

Ах, эти далекие, далекие детские годы... Сколько всего после них увидено, пережито... Но воспоминания о них совсем не притязательные, ни чем особенным не отмеченные, все еще живы, не стареют... Мои мальчишеские радости и огорчения, мои шалости и страхи... Да и неизгладимый страх ежовских времен... Все это связано у меня с моим домом в Тбилиси, с моим двором. И адрес этот мне никогда не забыть: Боржомская улица, 6.

Жили мы в двух шагах от знаменитой грузинской киностудии «Госкинопром», которая в ту пору находилась еще на Плехановском проспекте, а теперь в совсем другом районе, на окраине города, в Дигоми. Иногда я посещал «Госкинопром» со школьными экскурсиями. И это соседство, если верить приметам, стало как бы символическим предсказанием моей будущей судьбы – полностью посвященной кинематографу. На том же Плехановском проспекте (теперь уже давно переименованном), находились мои любимые кинотеатры «Октябрь», «Ударник», «Комсомолец». Они заразили меня любовью к кино. А еще дальше по Плехановскому проспекту, в 15-20 минутах ходьбы от нашей Боржомской улицы, ютился в маленькой неудобной пристройке к гостинице наш родной русский ТЮЗ. По существу, это был мой второй дом, где я дневал и ночевал. Здесь я увидел первые спектакли, поставленные начинающим режиссером, а впоследствии великим мастером сцены Георгием Товстоноговым, был потрясен талантом молодого актера Евгения Лебедева, так прославившегося потом в Ленинграде на сцене БДТ.

Под крылом русского ТЮЗа, руководимого Маршаком, в двух комнатках находилась и редакция пионерской газеты «Дети Октября»... А какое иное могло быть у нее тогда название? Вот в этой удивительной газете,

полностью создававшейся школьниками в возрасте двенадцати-шестнадцати лет, я и начинал свою журналистскую «карьеру».

Но вернемся в наш дом на Боржомской. Он был построен еще в царское время кем-то из богатых армянских купцов, как и большинство лучших зданий в дореволюционном Тифлисе. Всего два, но высоченных этажа, венецианские окна, с огромными деревянными ставнями изнутри, длинные террасы, выходящие во внутренний двор, и витые железные балконы на улице. Во дворе фонтан, разрушившийся еще до моего тут появления.

После прихода советской власти все жильцы этого дома – в основном среднее сословие, чиновники и пенсионеры, занимавшие отдельные квартиры, – были насильственно «уплотнены». «Уплотнили» и мою бабушку Шарлотту Карловну, жившую в царское время на весьма приличную пенсию, после рано скончавшегося мужа. Она сумела поставить на ноги двоих сыновей и двух дочерей. Ее все же пожалели, оставили две не очень удобные смежные комнаты, одна из которых была темная и проходная. Не было ни кухни, ни туалета и других удобств. В этой бабушкиной квартире мы и поселились в начале 30-х годов – родители и я с сестрой Лией.

К этому времени наш дом со стороны двора производил сумбурное впечатление из-за активного самостроя жильцов. Получив в результате дележа маленькую площадь в раздробленных квартирах, новые жильцы занялись кустарным строительством. Они изловчились соорудить какие-то примитивные «курятники» – пристройки на первых этажах, а те, что вселились на второй этаж, расширяли свою площадь, выдвигая вперед самодельные террасы, рискованно повисавшие над двором. Все

это хаотическое нагромождение разных пристроек уродовало некогда весьма презентабельный вид дома и значительно увеличило его население. «Строительный бум» завершился сооружением уже общей надстройки – третьего этажа дома, куда въехали работники киностудии «Госкинопром». Это соседство как бы снова предсказывало неизбежность моего будущего прихода в кино.

На третьем этаже проживал с семьей очень вальяжный батону, женившийся во время учебы во ВГИКе на русской, москвичке Зине, скоро совершенно «огрузинившейся», научившейся прекрасно говорить на языке мужа и готовить его любимые национальные блюда. Она всем с гордостью говорила: «Знаете, кто мой муж? Он знаменитый сценари-ист. Не слышали? Карсанидзе!» Так что уже в свои восемь-девять лет я впервые увидел живого «сценари-иста». Зина очень смешно произносила это иностранное слово, обозначающее профессию человека, сочиняющего истории для экрана.

В нашем доме чудом все же уцелело и несколько «буржуйских», то есть изолированных, хотя и небольших квартир. Во флигеле со своей отдельной лестницей, вечно гремящей изношенными железными ступенями, жила напротив нас замечательно интеллигентная семья Долаберидзе, наполовину грузинская, наполовину русская. Глава этой семьи Доментий Лукич, пожилой шустрый невысокий мужчина с лихо загнутыми кончиками усов, был очень уважаемым в Тбилиси специалистом, главным фармакологом города. Он учился и получил высшее образование еще в дореволюционное время в России, откуда и увез свою красавицу-жену Любовь Федоровну, поморку из Архангельска. Это была дама гренадерского роста, довольно забавно выглядывшая рядом со своим щупленьким, но весьма молодецким мужем. Любовь Федоровна была известным врачом. Их сын уже заканчивал институт, готовился стать химиком-технологом. А дочь Дина, очаровательная, умная девушка, завершала учебу в школе и решила пойти по стопам брата в науку, хотя была очень музыкальна, прекрасно играла на фортепиано, но пианисткой стать не смогла, так как у нее от рождения был дефект правой руки, у нее как-то странно, неестественно гнулся один локоть.

Супруги Долаберидзе жили в любви и полном согласии, у них был очень гостеприимный, открытый дом, куда нас с сестрой всегда очень тянуло. У мамы нашей с молодости был неплохой голос, она когда-то брала уроки пения и любила старинные русские романсы. И когда мы приходили к Долаберидзе, спонтанно возникали музыкальные вечера. Мама пела, Дина ей аккомпанировала. Доментий Лукич, слушая их, млел, как завзятый меломан. Жил этот грузин, как педантичный немец, по строгому распорядку дня. Годами я наблюдал со своей веранды, как каждый день в рабочий перерыв он приходил обедать домой. Сопровождался этот его приход одним обязательным ритуалом: Доментий Лукич спускался сначала в подвал под его флигелем, брал там бутылку доброго имеретинского вина и шел домой, к столу. Я знал, что во время дневной трапезы Доментий Лукич непременно опрокидывал два стакана натурального вина из родной деревни, которое он запасал на год вперед. Он никогда не пьянел. «Это лучший эликсир долголетия, - утверждал

он, - лучше всего, что я знаю в медицине. Мой отец, дед и прадед пили это вино, и все были долгожителями».

Доментий Лукич не ошибся. Он прожил сто один год, сохранив ясный ум и прекрасную память, работая почти до конца своих дней. А вот жену потерял рано, еще в середине 30-х. Она не дожила и до пятидесяти. Нелепая смерть. Заразили ее чем-то коллеги во время элементарной операции по удалению аппендикса. Любовь Федоровна промучилась несколько дней, прежде чем отошла в мир иной в полном сознании. Перед кончиной она вызвала мою маму как лучшую, самую надежную свою подругу:

- Юлия Яковлевна! Голубушка! Присмотрите за моей Диней... Она еще совсем девчонка! Вы же знаете – очень чистая, наивная... В Грузии с ее темпераментными мужиками это очень опасно. По себе знаю. А Доментий Лукич все на работе, на работе... Да и на некоторые интимные темы дочь не будет говорить с отцом... Обещайте, дорогая, быть моей Дине как мать...

Доментий Лукич всю жизнь потом оставался безутешен и никогда больше не женился. А мама моя выполнила наказ Любви Федоровны. И боюсь, что перестаралась. Не знаю, какие советы она давала Дине, какие предостережения. Но девушка, пользовавшаяся большим вниманием сверстников, так и не вышла замуж, хотя в ней никогда, сколько я Дину помню (до самой ее кончины от рака, когда ей, как и матери, не исполнилось

и пятидесяти), не было ничего стародавического. Всегда общительная, жизнерадостная, открытая, она несла на себе бремя забот об одиноком, дряхлеющем отце, поскольку брат Лева, химик по образованию, долго работал в России на секретных оборонных предприятиях и лишь где-то в 60-е годы вернулся в Тбилиси.

В каждый свой приезд в Грузию к родителям (это происходило ежегодно) я непременно поднимался по знакомой мне скрипучей, все более ветхой лестнице во флигель к Долаберидзе. Они принимали меня как родного, выросшего в этом дворе на их глазах. И Доментий Лукич, и Дина интересовались всем, что происходило в Москве,

▲ Боржомская улица, 6

особенно в кино, которое они очень любили. Конечно, много судачили и о политике, про «эскапады» Хрущева, а позже – про маразматические речи Брежнева... Ну и, конечно, про любимого сына грузинского народа Иосифа Виссарионовича. Доментий Лукич как человек здравомыслящий, несмотря на свои земляческие чувства, не давал ему спуска, называл тираном, деспотом, говорил, что из-за него погибла лучшая часть грузинской интеллигенции и очень пострадала родня самого Долаберидзе. Но всякий раз эта неиссякаемая тема имела один и тот же финал. Разнеся преступного «отца народов» в пух и прах, Доментий Лукич завершал свой приговор ему непременно одной и той же фразой: «Но все-таки признайте, это был великий человек!» Что удивляться старому грузину – соплеменнику вождя, если и сегодня, по прошествии стольких лет, так же рассуждает большая часть, или, во всяком случае, половина русского народа, который он так беспощадно принес в жертву своему властолюбию.

Рядом с нами на Боржомской улице, буквально за стеной, жила очень любопытная семейная пара Ионовых. Там царил матриархат, что казалось вполне естественным, ибо муж был полной развалюхой после перенесенного им уже давно тяжелого инсульта. Хотя он и выполнял какие-то поручения по хозяйству, спотыкаясь, ходил в магазин с авоськой. Но в доме властвовала супруга – Лидия Вильгельмовна. Это была очень умная, энергичная и деловая женщина с лидерскими задатками, еще интересная даже в своем постбальзаковском возрасте. Она была очень общительна, остроумна, дружила с нами, но любых политических тем всячески избегала.

Мама объясняла мне потом, когда я уже подросток, эту осторожность нашей соседки. Оказывается, она скрыва-

ла, что была по отцу немкой, хотя об этом напоминало ее отчество – Вильгельмовна. Тем не менее, она заведовала отделом кадров в большом военном госпитале в предместье Тбилиси – в Навтлуги. Несложно предположить, что в те ежовско-бериевские времена к такой работе допускались только люди проверенные, так или иначе связанные с НКВД. И конечно, партийные. Родители мои это прекрасно сознавали, но, исходя из каких-то предположений, были убеждены, что Лидия Вильгельмовна «стукачкой» не была, хотя, возможно, некоторые вещи сообщать «органам» ей и приходилось. В те годы в каждом многонаселенном доме существовала фигура некоего домкома, то есть председателя домашнего комитета на общественных началах. У домкома хранилась домовая книга с записью всех квартирантов, включая и общие данные о них. У нас эти функции выполняла Лидия Вильгельмовна, и нередко участковый милиционер захаживал к ней, чтобы получить сведения об одном из жильцов.

У нас сложилось впечатление, что, возможно, приходили к ней не раз и по поводу нашей «неблагонадежной» семьи после ареста одного, а потом и другого брата моей мамы – «немецких шпионов». Мы даже предполагали, что та информация (явно благожелательная), которую она, очевидно, выдавала чекистам о нашем семействе, сыграла какую-то роль в их решении не подвергать в ноябре 1941 года депортации мою престарелую бабушку Шарлотту Карловну, которой тогда шел восемьдесят первый год. Она была оставлена в Тбилиси как бы под гарантию ее русского зятя, военврача I ранга в запасе, участника Гражданской войны. Неужели они опасались, что бабушка могла совершить какую-то диверсию?.. Через год ее не стало.

Но вернусь к Ионовым. Мужа Лидии Вильгельмовны, которого все звали просто Леня, опасалась вся ребятня в нашем дворе. Когда он появлялся, идя своей блуждающей походкой, враскоряку, с безумным выражением глаз, поглаживая свою лысую голову, мальчишки замирали. А он, жаждающая общения с нами, начинал травить свои гадкие сексуальные байки, а может, и не байки, кто его знает?.. Ионов был явно «сдвинут» на половой почве. И ему, то ли из-за психического расстройства, то ли из-за природного цинизма, очень хотелось растравить наши мальчишеские души рассказами о своих сексуальных подвигах, с самыми омерзительными подробностями и выражениями. Особенно он любил вспоминать, как долго, нагло приставал к какой-то неопишуемой красавице-гордячке, как подсел к ней в поезде по дороге в Петербург, подкупив проводника и закрывшись с ней в купе. И когда поезд уже прибыл по назначению, он якобы силой овладел ею. Все это Ионов рассказывал, конечно, в матерных выражениях, но иногда, как бы сказали сегодня, с гламурными подробностями. Как он бросил на пол вагона свою роскошную офицерскую шинель с соболиной подкладкой, как рвал на красавице ее кружевное белье, ну и так далее.

Я так подробно рассказываю про эту низость, потому что помимо домашнего у нас было еще и дворовое воспитание, которое мы все проходили, постигая жестокие и отвратительные стороны жизни. Иногда это могло в будущем стать и определенным противоядием.

Забыл еще сказать, что как-то Лидия Вильгельмовна призналась моей маме:

- Знаю, что многие удивляются, как я могла выйти за такую развалину, как мой муж... Да если бы вы знали, какой он был красавец! Глаз от него нельзя было оторвать... - и шепотом доверительно добавляла: - А как шла ему

офицерская форма! Ведь он служил в Преображенском полку... Да, я знала, что у него было несметное количество любовниц, и категорически отвергла его предложение руки и сердца. Но в Гражданскую войну, когда была медсестрой в лазарете, сыпной тиф свалил меня с ног... Я умирала... Узнав об этом, Леонид, уже перейдя на службу в Красную армию, примчался и не отходил от меня ни днем ни ночью. И спас. Как я могла не выйти за него после этого? Демобилизовавшись, он долго не мог никуда устроиться на работу, всюду получал отказ. И стал сильно пить. А потом случился инсульт и его парализовало. Тогда уже я выхаживала его... С тех пор он, конечно, неполноценный человек... Но разве теперь я могла бросить его?.. Он стал совсем как ребенок... Иногда злой ребенок. Вы же видите – он то грубый и циничный, то добрый и беззащитный... Вот и несу свой крест...

Больше на эту болезную тему Лидия Вильгельмовна уже никогда с мамой не говорила. Она дожила до глубокой старости и скончалась вслед за мужем в конце 60-х годов.

Но пора сменить эту грустную тему. И вспомнить еще одну обитательницу нашего дома на Боржомской улице, которую звали Розой. Это была очень красивая, дерзкая, нахальная армянская девушка лет шестнадцати-семнадцати, которой безропотно подчинялись парни даже намного старше ее, со всех соседних улиц. Из них Роза сколотила воровскую шайку, орудовавшую по всему городу. И была почти неуловима. Слава богу, детвору нашего двора она не втягивала в свои бандитские набеги, которые ей явно доставляли удовольствие, как и власть над молодыми мужиками. У Розы язык был острый, как бритва, и ее боялось все население нашего дома, старалось не попадаться ей на глаза. Хотя свои воровские операции у нас на Боржомской улице она никогда не проводила. Там, где живут, не гадают.

Шайка под предводительством Розы действовала бесшабашно и нагло. И милиция прекрасно знала, кто в ней заводила. То ли не хватало прямых улик, то ли спасали взятки, но Роза еще долго оставалась на воле, даже когда кто-то из ее поделщиков все же влипал. Но потом произошло одно громкое убийство. И вроде доказали, что стреляла именно Роза. Теперь она уже достигла совершеннолетия и была осуждена на десять лет. В тюрьме Роза родила ребенка неизвестно от кого. Любовников у нее хватало. Вернулась она в свой дом к несчастному отцу-старика много лет спустя, уже после войны, по амнистии. Но ненадолго... Вор редко меняет «профессию». И тогда она исчезла уже навсегда.

Не могу не рассказать еще об одной женщине из нашего дома – даме весьма благородных кровей, родом из Петербурга. Она жила отшельницей в том же флигеле, что и наши добрые друзья Долаберидзе. Ее фамилия была Черская. И почему-то все соседи называли ее по старорежимному: мадам Черская. Высокая, худая, неулыбчивая, надменная, она походила на старую гимназическую классную даму. При этом она явно испытывала дефицит общения и старалась иногда, на ходу, с кем-то заговорить. Но ее саркастических шуток опасались. От сына мадам Черской, который иногда стремительно пробежал по террасе, идущей к ее комнатке, с неизменной скрипкой в футляре (мы его звали «вечная скрипка»), было известно, что мама его, несмотря на свои шестьдесят лет, работает уборщицей в стоматологической поликлинике, убирает вырванные зубы и моет плевательницы и полы, не гнушаясь таким противным занятием.

«Вечная скрипка» был женат тоже на музыкантше – преподавательнице по классу фортепиано, жившей на

нашей Боржомской улице, в соседнем доме. Она была инвалидом, со сломанным бедром, ходила с трудом, в корсете. Моя мама ее хорошо знала, так как та была тоже из немцев, осевших при Екатерине II в Закавказье. И эта женщина нам рассказала, что мать ее мужа, мадам Черская, оказывается, аристократка по происхождению, бежала в 1918 году из Петербурга, решив непременно уехать за границу. Но в Крым попасть ей не удалось, и она направилась в Грузию, в Батуми, чтобы на любом иностранном корабле покинуть страну. Но и это ей по каким-то причинам не удалось, может, просто не хватило средств. Возвращаться в Петербург было не на что, да и опасно. И мадам Черская, кое-как добравшись до Тифлиса, осела здесь, занялась разной поденщиной. И вот теперь уже десять лет работает уборщицей в стоматологической клинике на Вокзальной улице, проявив себя там еще и активной общественницей. Она ударник коммунистического труда, постоянный автор местной стенной газеты «За здоровые зубы».

Я хорошо помню, как, проходя по коридору, она, завидев мою маму или кого-то из соседей, или даже меня, мальчишку, на момент останавливалась, говоря: «Хотите послушать, какие стихи я сегодня написала для нашей стенгазеты?», и читала их с выражением. Конечно, запомнить эти ее вирши я был не в состоянии, но, прочитав мальчишкой Ильфа и Петрова, я находил большое сходство поэтических опусов мадам Черской с бессмертными строками: «Служил Гаврила хлебопек, Гаврила булку испекал...» и так далее. Для меня осталось загадкой, было ли поэтическое вдохновение мадам Черской приступами графомании или же мнимым проявлением верноподданнических чувств к советской власти, которую втайне она всегда очень боялась.

Но в жизни смешное и забавное всегда перемешано

с печальным, а порой и трагическим. Мы тогда еще не знали о многом в судьбе мадам Черской. Правда, сочувствовали ей, когда вскоре после начала Отечественной войны арестовали ее сына, «вечную скрипку», а его жену-инвалида депортировали в Казахстан в инвалидной коляске. Старуха Черская старалась держаться, не поддаваясь ударам судьбы, хотя, возможно, и ждала, что вскоре придут и за ней... Но главное я узнал уже после войны, когда еще студентом приезжал на каникулы в Тбилиси. В один из таких приездов мама поразила меня рассказом о том, что было, оказывается, тайной всей жизни нашей соседки. Году, кажется, в 1948-м мадам Черская, не в состоянии скрыть своих чувств, примчалась к моей маме с каким-то листком бумаги и с порога радостно сообщила:

- Они нашлись! Нашлись!..

Оказывается, когда она бежала в 1918 году из Петербурга со всей своей семьей – вместе с двумя сыновьями и дочерью (мужа ее уже не было в живых), они по дороге потеряли друг друга. Младший все же нашел ее потом в Тифлисе и переехал туда, а старший пропал... Пропала и дочь, но, как выяснилось, она сумела вернуться в Петроград, сменить там фамилию, окончить мединститут и много лет работала потом в маленькой районной больнице, недалеко от границы с Финляндией. Когда началась Отечественная война, она оказалась на территории, занятой финскими войсками. Всю жизнь она искала свою мать и братьев и не могла их найти. А тут вспомнила, что у старшего брата было заветное желание попасть в Париж и стать художником. И дочь Черской решила, что должна непременно разыскать его там. Когда после перемирия с СССР в 1944 году Маннергейм стал отводить свои войска с советской территории, дочь Черской сумела перебраться в Хельсинки. Поработав там несколько лет медсестрой (в доктора ее не брали), она через Красный Крест стала разыскивать брата в Париже. Помогли ей старые русские эмигранты в Финляндии, списавшиеся со своими родственниками в Париже. В конце концов она нашла брата, и тот немедленно сделал ей вызов во Францию.

- Теперь они живут вместе! Понимаете? Вместе! Живы и здоровы! - необычайно взволнованно говорила Черская моей маме. - Зовут меня к себе!.. Но вы же понимаете, Юлия Яковлевна, меня ни за что не выпустят... Да я и побоюсь об этом просить... Слава богу, это письмо из Парижа пришло не по почте, мне передали его незнакомые люди, через каких-то еще других людей...

Так старуха Черская осталась до гробовой доски в Тбилиси, получив к своему семидесятилетнему почтенную грамоту от поликлиники и жалкую пенсию. Хорошо хоть, что вернулся из лагеря ее сын, игрой на скрипке зарабатывая на жизнь.

Но вернемся в наш шумный многоголосый интернациональный дом на Боржомской... Семьи грузинские, русские, армянские, осетинские... И еще одна греческая семья – Стоматели, еврейская – Ратман, азербайджанская — дворника Мамедова... Разговаривали на всех языках, но между соседями больше по-русски. Всегда остроты, смех... По вечерам, особенно в летний тбилисский зной, все вылезало на веранды или выходило со стульями и скамеечками во двор. Выносили патефон, ставили его на табуретку. И вот уже заливаются громко-голосая Русланова, или берет за душу голос Утесова, или поет Рашид Бейбутов – любимец всего Закавказья. Но во дворе есть и свой замечательный самодеятельный грузинский хор, который вступает в свои права, когда начинается шумное застолье – у кого-то из соседней свадь-

ба, у кого-то день рождения... И уже звучит заздравная «Мравалжамиер». А когда в доме кто-то помирает, гроб с покойным выносят во двор, ставят тоже на табуретки и все приходят проститься с ним...

Нет, в доме, конечно, бывали и ссоры, и шумные скандалы, и разборки... Но после диких воплей и сочной брани на всех языках все заканчивалось братанием и примирением, чоканьем винных стаканчиков. Жизнь эта происходила у всех на виду. Жизнь была ключом, хотя у большинства была весьма нелегкой.

И вот, оглядываясь на прошедшее, я вижу: поутру на балконы и террасы выходят хозяйки, вытряхивая пыль с ковров. То одна, то другая грузинская жена появляется с тугой повязкой на голове и со страдальческим выражением лица, безмолвно замирает, облокотившись на перила балкона. Надо, чтобы все непременно видели, как она мучается от боли.

- Что, Кето? - с ироническим участием спрашивает ее одна из соседок с другого балкона. - Опять голова?

- Еще как! Вай ме, умираю, так плохо... Так плохо...

- Бедная ты бедная... Да ты попроси своего Ладо, чтобы он не так сильно старался...

Все вокруг хохочут, всем знакома эта лукавая женская игра. Если по двору пошла гулять сплетня, что муж одной из соседок озорничает с кем-то на стороне, надо немедленно пресечь эти разговоры и доказать, что он верен жене и ночью совсем измучил ее своими ласками. Вот и болит голова: «Вай ме, вай ме...»

У мужчин во дворе, независимо от национальности, любимейшая игра – нарды! Это повальное увлечение. По вечерам до глубокой ночи, особенно по выходным, со двора доносится пулеметная дробь. Это соседи азартно играют в свою любимую восточную игру, то гневно, то радостно бьют шашками по доске. То и дело слышатся гортанные восклицания:

- Шашу беш!

- Дубара!

- Се як!..

Болезньчики, среди которых много детворы, кружком стоят возле играющих, бурно соперничают. А с балконов тем временем несутся крики матерей:

- Ваханг! Домой!

- Илико! Ты у меня дождешься...

- Нодар! Мамадзагли! Сейчас спущусь – пожалеешь!..

У нас, мальчишек, во дворе своя сплоченная команда, хотя не без драк, не без соперничества. Любимое занятие – залезать на тутовые и сливовые деревья,

когда на них появляются плоды, даже если они не дозрели. Забираемся на самые высокие ветви. Особенно нам нравятся сладкие, тающие на губах ягоды туты. Она бывает и красная, и белая. Если красная, то мордашки наши от нее, как в крови, – и губы, и подбородки, и щеки. Но еще соблазнительнее плодовые деревья в соседнем саду, где поспевают и персики, и алыча, и черешня. Но нам запрещено туда забираться, потому что это запретная территория туберкулезного диспансера и там прогуливаются в больничных халатах заразные пациенты. Но разве может нас остановить высокая кирпичная стена? Мы уже умудрились продырявить в ней большое отверстие и пролезаем в сад диспансера. Какие вкусные здесь фрукты! Иногда наши набег заканчиваются плохо, нас настигает неумолимый больничный сторож. Ведет к начальству в диспансер, потом вызывают туда родителей. Но я нахально не боюсь этих «приводов», знаю, что главный врач диспансера доктор Воробьев – стародавний знакомый моего отца, тоже врача.

Однажды я сильно простудился, и мучил кашель. Отец привел меня к доктору Воробьеву. Большой, тучный, в безукоризненно чистом, накрахмаленном медицинском халате, переваливающийся с ноги на ногу, он напоминал мне белого медведя. Послушав дыхание через трубку, постучав пальцами по спине, он добродушно спросил:

- Ну, герой... В сад к нам небось за сливами лазить? Я не стал врать, кивнул.

- В следующий раз получишь за это укол в задницу! А кашель у тебя скоро пройдет. В легких чисто... Родители тебе неплохой организм подарили.

Однажды папа пришел домой очень расстроенный.

- Сегодня ночью, - сказал он маме, - умер доктор Воробьев. Разрыв аорты. Вот кто был истинный медик. Служил людям по-чеховски, бескорыстно. И скольких пациентов спас...

Я попросил родителей взять меня с собой на панихиду. Мне было страшно, но я любил доктора Воробьева.

- Пусть идет! - сказала мама. - Рано или поздно он должен понять, что все люди смертны...

Гражданская панихида проходила в диспансере, которым профессор Воробьев руководил два десятка лет. Было много народу. Море цветов. Стояла осень 1936 года. Грузное тело покойного, казалось, едва уместилось в гробу, обитом красной материей. У изголовья его сидели родные. Громко причитала жена Воробьева,

грузинка. А в толпе я увидел молодую красивую женщину, всю в черном. Она не плакала, словно окаменела. Стояла, не отводя глаз от лица покойного. Потом я узнал, что это была русская медсестра, которую безумно любил Воробьев, но так и не рискнул оставить свою жену-грузинку.

А потом настал страшный 1937 год. И что ни ночь, на нашей Боржомской улице кого-то забирали чекисты. Двор наш затих, притаился. Родители были готовы ко всему. Тем более что уже сгинул в авлабарской тюрьме брат моей мамы, любимый дядя Эрнст. Потом исчезнет в Москве на Лубянке другой мой дядя – Альберт.

Я понимал, что в стране происходит что-то страшное... Все мои ровесники вдруг как-то повзрослели, исчез интерес к разным играм и дуракавалянию... Родители стали очень озабоченными и с какой-то грустью смотрели на меня и сестру. Впереди была полная неизвестность.

22 июня 1941 года, в обычный выходной день, папа решил повести меня и сестру Лию в наш любимый парк Муштаид. Но вдруг Дина Долаберидзе через весь двор громко крикнула моей маме:

- Юлия Яковлевна! Включите радио! Война!

Этот тревожный возглас впечатался в мою память навсегда. С этого момента началась совсем иная жизнь. И мы все стали иными...

Прошло много-много лет. В августе 2005 года скончалась в Тбилиси моя дорогая сестра Лия, родившаяся и всю жизнь прожившая в Грузии. Мы с моим сыном Олегом прилетели в Тбилиси. После похорон, на том же кладбище, где покоятся и мои родители, я попросил, чтобы нас отвезли на Боржомскую улицу, в наш дом, из которого мои родные давно переехали на другую квартиру, но который был всегда так дорог мне...

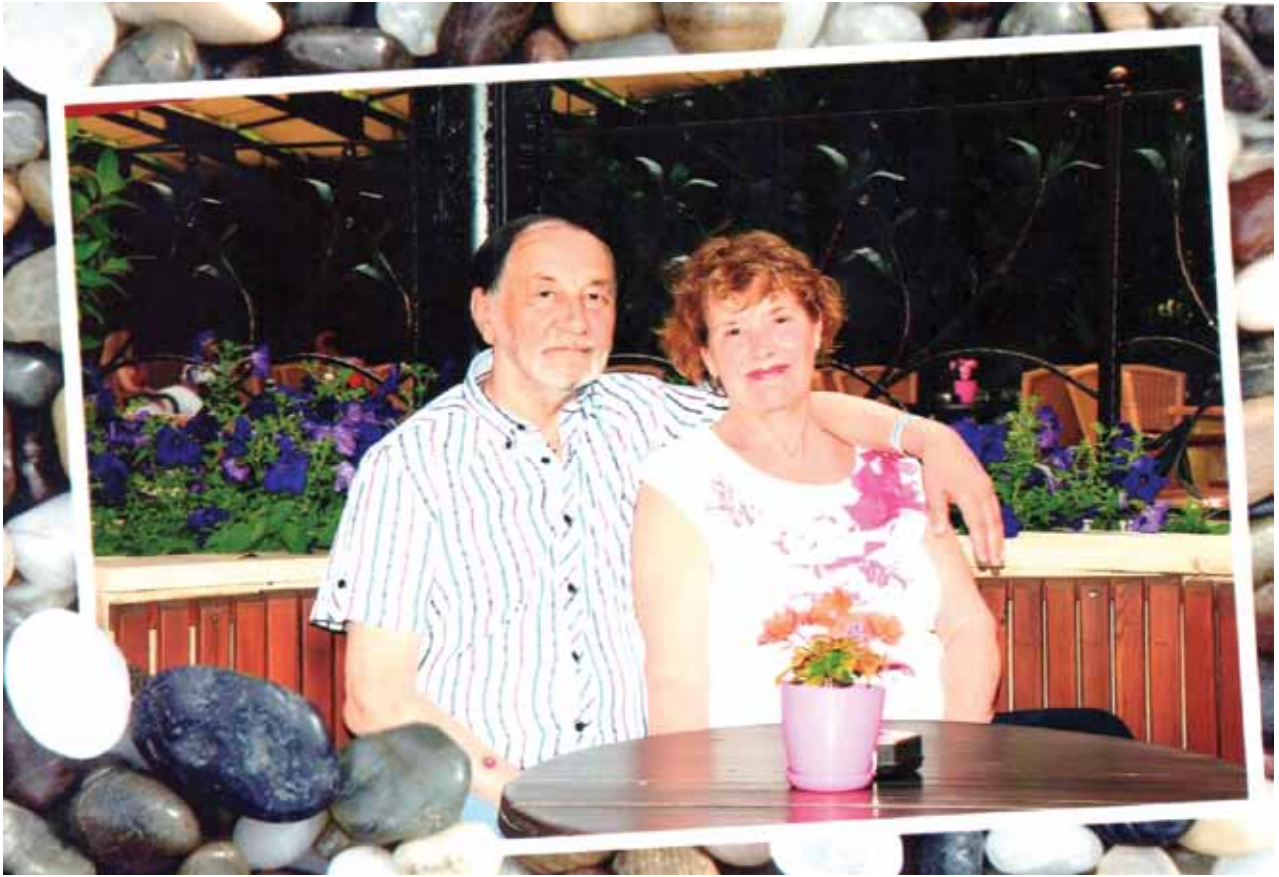
Мы вошли во двор. Я его почти не узнал. Маленький, тесный, с какими-то другими пристройками. Только застекленная терраса перед нашей квартирой была все та же... Но кто там теперь обитает? Доживала свой век железная скрипучая лестница к флигелю Долаберидзе. Стояла мертвая тишина. Ни детских криков, ни галдежа, никаких признаков прежней, довоенной жизни. И конечно, никого из тех, кого я знал... Дом словно вымер, будто все ушли, покинули его. Или спрятались. А скорее всего, все теперь где-то вкалывают. Такое время. От неспешного, расслабленного Тбилиси не осталось и следа. Своих любимых тутовых деревьев я тоже не увидел. Видно, срубили на дрова, чтобы не замерзнуть в холодные и голодные 90-е годы. И никто больше не кричал с балкона:

- Ваханг, Гиви! Марш домой!

Дыра в стене, что вела в соседний сад, к туберкулезникам, была заделана, а в диспансер, как мне рассказывала покойная сестра, въехала иностранная фирма. От прежней Боржомской улицы осталось только старое название да несколько прежних зданий. Последний раз я навещал родителей и сестру в этом доме, когда приезжал сюда с еще маленьким Олегом. И вот теперь он стоит рядом – солидный, уже немолодой мужчина. Нет, никогда не надо возвращаться в свой старый мир, входить через столько лет в свой двор – двор детства...

Мы постояли несколько минут и молча ушли. И мне хочется закончить эту главку словами, которыми я озаглавил первую книгу своих воспоминаний: «Было – не было...»

Борис ДОБРОДЕЕВ
2013 г.

▲ Александра Анисимова с супругом Геннадием Ахаладзе

БАТУМИ – ГОРОД ДРУЖБЫ

Первого сентября Батуми отметил 126-ю годовщину со дня основания большим городским праздником. Торжества «Батумоба-2014» охватили весь город – многочисленные уголки, выставки и перформансы радовали батумцев и гостей аджарской столицы. На праздник приехали делегации из Армении, Греции, Латвии, Литвы, Украины, Испании, Израиля. Одним из главных событий праздника стала церемония присвоения звания Почетного гражданина Батуми. Она прошла в Батумском Летнем театре и в этом году звания удостоились Гурам Эмиридзе, Теймураз Болквадзе, Александра Анисимова, Феридэ Ацамба, Мераб Киладзе, Валерий Мокерия и Джемал Беридзе. Как отметил новоизбранный мэр Батуми Георгий Ермаков – Батуми, как город с большими традициями, всегда являлся примером межнационального согласия и взаимопонимания и каждая диаспора в городе играла и играет важную роль в поддержке и развитии добрых начинаний и традиций. Символично, что слоганом «Батумоба-2014» было краткое и яркое словосочетание «Батуми – город дружбы».

Заслуженное звание Почетного гражданина Батуми стало приятной неожиданностью для большого друга «Русского клуба» Александры Юрьевны Анисимовой.

- Александра Юрьевна, в первую очередь, примите наши самые теплые и искренние поздравления. Что вы почувствовали, когда мэр города объявил ваше имя среди награжденных?

- Радость. Я была счастлива. Приятно, когда твою работу оценивают по достоинству. Признаюсь откровенно, у меня были слезы радости. Ведь Батуми – мой родной город, которому я с удовольствием отдаю свои силы и умения. Поэтому, несмотря на то, что у меня много различных наград, в том числе Орден Чести, звание Почет-

ного батумца для меня – самое большое признание.

- И признание заслуженное. Вы ведь ровно сорок лет работаете врачом.

- Да, я окончила Ставропольский государственный медицинский институт в 1974 году и с тех пор работаю. Сначала врачом – кардио-ревматологом, ординатором кардиологического отделения, анестезиологом-реаниматором в Республиканской больнице, консультировала кардиологическую помощь в санитарной авиации. А с 1989 года работаю в Батумском медицинском центре моряков главным терапевтом больничного объединения. Надо сказать, что доктором я мечтала стать с раннего детства – лечила кукол, давала им лекарство.

- С медициной связана и ваша обширнейшая общественная работа.

- Несколько лет назад на базе медицинского Центра Управления Делами Президента РФ я освоила метод экстракорпорального лечения – плазмаферез и получила сертификат на право работы, а с 2000 года начала с успехом применять этот метод в Аджарии. Многие годы была ректором двухгодичного Народного Университета «Здоровье», который ежегодно выпускал до ста и более слушателей. А общественных дел действительно очень много. Я – член Президиума и председатель нескольких общественных организаций Аджарии. В 2001-2004 гг. была депутатом Совета Республики парламента Аджарии.

- Когда мы говорим о соотечественниках в Аджарии, сразу на ум приходит ваше имя. Расскажите об Ассоциации грузино-русских взаимосвязей Аджарии, которую вы возглавляете.

- Наша Ассоциация создана в 1996 году, а с 2000-го я ею руковожу. Наши приоритеты, как и в большинстве организаций соотечественников – это оказание посильной

помощи, сохранение русского языка, культурные проекты. Вне зависимости от национальности, всех членов Ассоциации объединяет любовь к русской культуре. Многие обращения членов Ассоциации связаны с высоким уровнем безработицы. Мы подготовили несколько проектов, на поддержку которых очень надеемся. Работаем мы на общественных началах, поэтому приходится привлекать к работе родственников и друзей. Моя сестра – Валентина Анисимова, врач эндокринолог, сопредседатель Ассоциации грузино-российских взаимосвязей Аджарии.

- *А какие проекты вы считаете самыми успешными?*

- Могу сказать, что прошлый год для нас был на редкость продуктивным. Одним из основных достижений стала организация для преподавателей русского языка поездки в Санкт-Петербург для прохождения курсов повышения квалификации. Тема курсов, прошедших в Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования – «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...» Педагоги ознакомились с инновациями в области РКИ (преподавание русского языка как иностранного) и РР (преподавание русского как родного). Аджарские педагоги побывали в Санкт-Петербурге при содействии организаций соотечественников в Аджарии (А.Гогитидзе, И.Зей, О.Чекалова). Содействие распространению и сохранению русского языка – это только часть нашей работы. Мы регулярно проводим интеллектуальную игру Брэйн-ринг. Широкомасштабные мероприятия, посвященные общественным деятелям, поэтам и писателям России и Грузии, приуроченные к знаменательным датам. Например, по традиции, 6 июня мы собираемся у памятника Пушкину на Батумском бульваре.

- *Ваша деятельность не ограничивается только Ассоциацией. Кто вам помогает в такой напряженной работе?*

- «Русский клуб» оказал мне доверие быть куратором в автономной республике Аджария. Также являюсь заместителем президента Союза Соотечественников Грузии «Отчизна» и соответственно куратором диаспоры по Аджарии. Я часто езжу на конференции в страны Южного Кавказа, на Съезды соотечественников и другие мероприятия. С открытием в Батуми «Дома Дружбы» помощь в проведении мероприятий оказывает мэрия города, центр культуры и искусства г.Батуми, за что большое спасибо хочу сказать его менеджеру Медее Микеладзе. Истинная толерантность дорогого стоит. Моя общественная деятельность по делам диаспоры имеет поддержку со стороны местных органов власти, что радует. Я отмечена благодарностями Посольства РФ в Грузии, Государственной Думы РФ, обществом ветеранов ВОВ Аджарии и других общественных организаций.

- *История одного человека, пусть даже очень успешного, это всегда продолжение истории его семьи. Вы тому яркое подтверждение.*

- Александрой я названа в честь дедушки, Александра Траубе, многогранного, образованного человека – он учился в дореволюционном Петербурге – очень грамотного специалиста и до конца жизни живо интересующегося новостями со всего света, и привившего нам тягу к знаниям. Он внес большой вклад в строительство Батуми, за что его с благодарностью и уважением вспоминают до сих пор. В доме дедушка с бабушкой, Марией Петрич, говорили на русском, французском и немецком языках. До школы с родителями я жила в Австрии, по месту службы отца, Юрия Анисимова, кадрового военного. Он тоже был родом из Петербурга. Австрийцы все здоровались «Gutten Morgen», «Gutten Tag» и с детства традиция желать друг другу добра осталась. Мама, Галина Александровна Траубе, свободно говорила на немецком. Прекрасно рисовала, вышивала, много читала.

- *Расскажите о вашем спутнике жизни.*

- Мой супруг, Геннадий Ахаладзе, был профессиональным футболистом. Защищал ворота батумского и сухумского «Динамо», других ведущих футбольных клу-

бов Грузии и Советского Союза. Затем работал в морском пароходстве Грузии. Побывал на всех континентах. Горжусь тем, что Генрих посвятил мне несколько стихов и написал два моих портрета. Он любит животных, знает о них очень много. Кошки, собаки, обезьяны, попугаи, ужи и даже орел были нашими домашними питомцами. У него даже был зоомагазин. А я собираюсь издать сборник новелл и рассказов о животных.

- *Вы ведь в юности хотели стать актрисой?*

- Какая девушка не мечтает стать актрисой? Но это продолжалось недолго, потом я все равно поступила на медицинский. Правда, меня однажды сняли в кино. Это было в 93 году, в Батуми снимали телесериал «Праздник ожидания праздника» по Фазилу Искандеру. Одну из эпизодических ролей должна была играть Елена Соловей. Но она по каким-то причинам не приехала, и вместо нее попросили сыграть меня. А десять лет спустя фильм, документальный, сняли уже обо мне. Аджарское телевидение подготовило обо мне передачу к 8 марта. Надо сказать, что весь фильм, который обычно готовят в течение месяца, мы сделали за три дня – день снимали и два монтировали. Телевизионщики были очень удивлены, говорили, что у нас дома хорошая энергетика. А еще большая статья обо мне вошла в сборник Теймураза Комахидзе «Истинные батумцы», изданный в 2004 году.

- *В вашей насыщенной жизни, что дает больше всего поводов для радости?*

- А почти все и вместе. Иногда удивляюсь, как одновременно радуюсь морю, музыке, дождю. Обожаю ароматы вкусной еды. Я иногда думаю, что у меня такой запас жизнерадостности, потому что во мне намешано пять кровей – русская, немецкая, сербская, татарская и абхазская, от каждой понемногу, вот и получилось с лихвой.

- *А чего вы не любите?*

- Не люблю, когда люди болеют. Когда в мире неспокойно, никогда не могу смириться с войной. Это не пафос – это так. Вообще ссориться и долго обижаться я так и не научилась. Но не терплю предательства! Жалею завистливых. Подглядывая за чужой жизнью, они пропускают свою.

- *А чем вы гордитесь?*

- Горжусь своими крестниками. Я крестная мама троих молодых людей. Старший, Тарас Кварацхелия – успешный, красивый сын прекрасных родителей, отзывчивый брат, любящий супруг, отец двух дочерей. Анастасия Карданова – красавица, а главное умница, бизнес-леди, живет в Европе. Младший – Александр Миминошвили, мой племянник. Уверена, что и он скоро обретет свое счастье.

- *Как вы думаете, в чем секрет молодости и счастья?*

- Любите каждый день. Любите себя, солнце, море, близких и не забывайте о страждущих. Благополучия всем!

Нино ДЖАВАХЕЛИ

15 сентября
начался
учебный
год во всех
школах
Грузии.

ДОРОГАЯ ИДА!

Пишу это поздравительное письмо не только потому, что нас с тобой связывают долгие десятилетия искренней дружбы, но и потому, что я испытываю глубокое уважение к человеку, который всю свою жизнь строил дом участия, надежды и поддержки для тех, кому очень не хватало именно этого в одиночестве, полном людей.

Поздравляю тебя с замечательным днем рождения вместе с теми, кто тебя любит, ценит и осознает необходимость в тебе для каждого из нас, тем более, что мы живем в столь жестокой реальности.

Живи долго-долго, Ида, и будь все такой же молодой и красивой! Ты это заслужила своими бессонными ночами, усталыми глазами, натруженными руками, то есть трудом более тяжелым, чем любой труд, любая работа, какую только придумал Господь для человека и которая является необходимой на этом свете, которой занимались и занимаются достойнейшие люди земли.

Еще раз поздравляю тебя со знаменательной датой!
С любовью,

Тамаз ЧИПАДЗЕ

ЮБИЛЕЙНОЕ ПОСЛАНИЕ

Во время работы над переводом нашумевшей пьесы Отиа Иоселиани «Пока арба не перевернулась» мне врезалась в память реплика старика Агабо; уговаривая сыновей задержаться в родном доме, он говорит: «Я прошу у вас всего два дня! Человеческая жизнь – два дня!..» Тогда мне подумалось, что это просто красное словцо, трогательная гипербола. Но вот сегодня, поздравляя свою давнюю знакомую с солидным юбилеем, я убеждаюсь, насколько прав был Отиа. Человеческая жизнь – два дня. Разве не вчера ты шла по улице Камо мимо Нахимовского училища к задушевной подруге Лили Бенашвили? Разве не вчера мы познакомились во Дворце пионеров, где, сбегая по лестнице, ты с досадой обронила: «Какие скандальные каблочки!»? Вчера, студенты филфака Тбилисского университета, мы слушали лекции патетичного Хуцишвили, ироничного Буачидзе и флегматичного Натадзе, а через открытые окна в аудиторию долетал рык льва из зоопарка за речушкой Вере. Вчера ателье на Земмеле поместило в витрине твою фотографию, и она висела долго после твоего отъезда в Москву, в Литинститут...

Впрочем, восприятие времени индивидуально: я встречал нестарых людей, которым жизнь казалась невероятно долгой, а годы юности неразличимыми во мгле. Потому-то для упорядочения такой капризной и неосязаемой материи, как время, изобретен хронометр и создан календарь. Из коего явствует, что Анаиде Николаевне Беставашвили 75 лет.

Фотограф из ателье на Земмеле создал прецедент, сделал почин; и впоследствии ты всюду была на виду, на первых ролях: в Литинституте, законченном с красным дипломом, в издательстве «Мерани», признанная незаменимым работником, в Союзе писателей Грузии, куда тебя приняли чуть ли не в 30 лет (к слову сказать, вместе с будущим президентом Звиадом Гамсахурдиа). Твоя работоспособность удивляла: десятки переведенных книг – беллетристика, эссеистика, драматургия, исторические хроники, авторские статьи и рецензии... У тех, кто знал переводчицу А.Беставашвили по перечню работ и заслуг, заочно складывался образ этакой седовласой железной леди, «синего чулка» преклонных лет; как же они бывали удивлены, когда видели перед собой молодую, элегантно и красивую женщину, склонную не только к интеллектуальной беседе, но и легкому кокетству. По-

УНИВЕРСАЛЬНАЯ МАМА

К ЮБИЛЕЮ АНАИДЫ БЕСТАВАШВИЛИ

▲ Анаида Беставашвили с супругом
Владимиром Лифшицем

сле окончательного переезда в Москву перечисленные достоинства дополнились еще одним – общественной активностью в области прав человека. Особенно велик был вклад в обустройство армянских беженцев из Баку и Сумгаита: в ту пору в либеральной тусовке и прессе у Иды даже возник любовно-уважительный псевдоним: «московская мать Тереза».

И вот, к 75 годам мы чествуем замечательного мастера художественного перевода, Заслуженного деятеля культуры Грузии, многолетнего профессора Литературного института им. Горького, выпестовавшего несколько поколений переводчиков.

Но, как друг с 60-летним стажем, я позволю себе внести в парадный портрет дамы несколько штрихов в ином ключе.

В «Анне Каренине» есть забавный эпизод, повествующий о том, как в приступе ревности Левин выставил из дома безобидного Васеньку Веселовского. Особенно уморительно этот эпизод выглядит в пересказе Долли, имевшей от отца дар смешно рассказывать, заставляя слушателей падать от смеха. (Если ты помнишь, В.Кирпотин высоко ценил мое знание фактуры романа).

▲ Анаида с дочерью Ниной

Уж и не знаю, от кого Ида унаследовала тот же дар, но ее слушатели тоже падали от смеха. Рассказов хватало, их рождала студенческая жизнь (чего стоил ужас на лице Т.Утехиной во время экзамена по грамматике, когда я разбирал глагол «наряжаться»!). Были среди рассказов и коронные номера, увы, утерянные для потомства. Например, история о том, как в стенном шкафу ее московской тетушки трое суток сидела милицейская засада, поджидавшая криминального отпрыска, а тетушка кормила их, поила чаем и время от времени выпускала в туалет. Или рассказ о том, как они с Аидой Абуашвили и нашим преподавателем ждали на бульваре перед Литинститутом студентов грузинской группы, и преподаватель в упор не замечал ни своих прелестных студенток, ни их модного прикида, ни смелого макияжа и причесок; он встрепнулся только, когда со стороны Пушкинской появились два brutальных обормота – я и Саша Котетишвили, оба нечесанные, небритые и похмельные. «Ах, какие парни! – всплеснул руками преподаватель. – Какие ребята! Настоящие грузины!» Советские студенты 50-ых годов, мы не догадывались о нетрадиционной ориентации нашего преподавателя, и только уморительный рассказ Иды открыл шторку.

Кроме рассказов, Иде удавались примитивные по рисунку забавные шаржи. Помню «тройной портрет», набросанный на листке из блокнота: две ладненькие девичьи фигурки в вельветовых штаниках до колен (такие тогда были в моде); одна скуластенькая, с чуточку монголоидными глазами, другая кругломорденькая, лупоглазая, с ресничками, а между ними осунувшийся мальчик с треугольной башкой, в черном свитере, на кривоватых ногах. Подпись под рисунком гласила: «Аида страстная, Ида нежная и мученик Александр».

Другой шарж был посвящен персонально мне. Я в кресле (ракурс сзади), восседаю на книгах, на корешках которых выведено «Лев Толстой»; передо мной стопка бумаги, в руке авторучка, не забыта обозначившаяся на темени плешина размером с пятак. Подпись под рисунком была понятна не каждому: «Туху Эбаноидзе пишет роман». Я действительно писал студенческий роман, от которого уцелело пять десятков слов, но кто сегодня вспомнит, почему Туху? Так звали одного из героев блистательного иоселианевского «Звздопада», написанного в те годы; почему-то это имя ужасно смешило Иду.

А словцо «роман» позаимствовано у Серго Ломинадзе, после 14 лет политзаключения угодившего в круг юных грузинских лоботрясов и с порога влюбившегося в горячую кахетинку, способную целый час без роздыха крутить хула-хуп. Помнишь его изящный шуточный экспромт и длинные серьги Аиды?

*Приходила в длинных серьгах
Поводила бровью вкось,
Надевала что-то сверху,
Как посмотришь, так насквозь.
А в глазах режутся демоны:
Я, мол, знаю, что к чему,
Я еще не то надену, мол,
А, быть может, и сниму...*

Ах, Ида, Ида! А что же сегодня? Сегодня с нами нету ни дорогого Серго, ни милого Сашки Котетишвили, ни прозвищу Князь, ни армянской княжны, доброй, беспечной Ляли Мелик-Нубаровой. Ни твоей Лили, ни моего Отии. Нету не только многих наших однокурсников, но даже твоих студентов. Шаржи, которые я так долго хранил, стерлись и истлели среди бумаг. А «Звздопад», написанный на 7-м этаже литинститутской общаги, давно включен в хрестоматию и школьные программы. Так что, если судить по вехам, времени все-таки утекло много...

Дорогая Ида, мне хотелось бы, чтобы штрихи на полях твоего парадного портрета хоть слегка облегчили груз и регалии юбилея на твоих плечах и напомнили то, что было вчера.

Желаю здоровья и благополучия тебе и твоей семье.
Дружески обнимаю.

Твой земляк и однокурсник. Автор «Брака по имеретински» и других романов.

Александр (Саша) ЭБАНОИДЗЕ

ДОЧЕРНИЕ ЗАМЕТКИ

Анаиде Николаевне Беставашвили, неоценимому педагогу и переводчику грузинской литературы, критику, эссеисту исполняется 75 лет. Стареть никому не хочется, хуже этого может быть только одно – не дожить до старости. Но маму даже пожилой назвать нельзя. Не получается, и все. Что внутренне, что внешне, а может, это одно и то же.

Помню, в юности я таскала платья и костюмы из ее шкафа, она была стройной, как девочка. Эх, вот бы и литературные ее достижения примерить на себя, но до этого надо так дорасти и доработать! Одной жизни не хватит, мама и жила, и работала в две смены. Днем преподавала, вечером принимала гостей и студентов либо посещала всевозможные культурные мероприятия. Как правило, по личному приглашению – доставать билеты ей не приходилось. Писала и переводила она по ночам. Часов до трех ночи из комнаты родителей раздавался стрекот пишмашинки.

Теперь говорят, что первые часы сна не наверстаешь. Думаю, мама и тогда отмахнулась бы от этой мудрости – слишком велики были воля к самовоплощению, неспособность отказать просящим помощи, любовь к ученикам, внимательным, одаренным, ставшим членами семьи на многие годы: Вахтангу, Дине, Саше, Наташе, Иринке. И, конечно, к грузинской культуре: переведено около 50 книг и написано и опубликовано около 200 статей о литературе, кино, театре, живописи, проблемах художественного перевода, исторических и культурных связях.

Первое сознательное мое воспоминание – пожар в Малаховке, где мама какое-то время жила, уехав из Тбилиси и еще не имея квартиры в Москве. Брат был совсем крошкой, мне было года три, кажется, кто-то нас, завернутых в одеяла, держал на руках, отчетливо помню огненное зарево, всплывающее в памяти всякий раз при чтении тютчевского «Пламя рдеет, пламя пышет...» Мама была совсем молодая, но уже состоявшийся переводчик и притом красавица, так что пожару было что уничтожать – погибли рукописи, письма маститых друзей идыхателей. Об этом мама упомянула бегло всего один раз.

Люди с насыщенной жизнью редко оглядываются назад. Такой была и мамина мама, не вспоминала, например, военные годы, лишь мельком коснулась того факта, что управляла фабрикой, пока мужчины-руководители были на фронте. Одним из самых ранних маминых воспоминаний должна быть бомбежка моста, который бабушка, ей еще и тридцати не было, перебежала с маленькой дочкой.

Лето мама проводила у любимого деда в Нагорном Карабахе. Врач-подвижник, одержимый своим делом, он обожал внучку и исполнял малейшие ее капризы. Назвали маму в честь его любимой жены Анаит, погибшей в сорок один год из-за прогневших перил балкона. Это была незаживающая рана, нам не раз рассказывали, какой прекрасной, умной, стильной была прабабушка. Что в имени? Что-то есть, должно быть.

Мамин отец был красив, шумлив, трижды женат, занимал видную должность.

И вот его посадили. Визиты в тюрьму... На фотографиях тех лет – серьезная худенькая, длинноногая девочка, огромными были только глаза и банты.

Глаза у мамы необыкновенные, о них ходили легенды. Ну, а когда в моду вошли мини-юбки, тбилисские парни, говорят, дежурили вдоль улиц, по которым мама шла на лекции. Мама уехала учиться в Москву, где было легче затеряться, но и там, думаю, не осталась незамеченной.

Ездить тогда, ясное дело, удавалось совсем не тем, кого очень ждали за границей. Но в Польшу мама все-таки попала и вернулась очарованная. Без сомнения, такой же эффект она имела на галантных аборигенов. Будучи совершенно европейской женщиной, мама увидела Европу только в конце восьмидесятых. А Пушкин не увидел вообще, и ничего тут уже не поделаешь.

Не помню, в Москве это было или в Тбилиси, но мама должна была встретиться с Сартром и Де Бовуар. Сознавая важность момента, мама решила привести себя в еще более божеский вид и... опоздала, разминулась с ними – парикмахер задержал. Репутация Сартра всем известна, так что можно сказать: пронесло, гораздо огорчительнее для меня невстреча с Де Бовуар.

Большую роль в становлении мамы как литературного переводчика сыграла Фатма Антоновна Твалтвадзе. В Москве одним из ее учителей был Лев Адольфович Озеров.

Вернувшись из Москвы, мама поддалась чарам отца, художника с именем, имеющим еще и историческое значение. О нем рассказывают легенды другого содержания. Будто бы он один раз, раздраженный щебетом двух сидящих по бокам дам, одной из которых полюбили его усы, а другой – нет, сходил в ванную, сбрил один ус, уселся на прежнее место и попросил сменить, наконец, тему.

Родилась я, и Гоглик, мамин свекор, назвал меня в честь любимой сестры. У мамы были другие планы, и когда Гоглик после рождения брата прислал ей в палату записку «Поздравляю с сыном Евстафием (Эстате)»,

мама отписала: «Поздравляю с внуком Михаилом», в честь обожаемого деда, давшего имя основанной им в Нагорном Карабахе больнице. Тон записки убедил Гоглика. Лично мне имя Эстате больше нравится, чем мое, в Грузии Нин и так не оберешься. Но порядок событий не изменишь.

Отец, говорят, умел ухаживать. А вот за семьей ухаживать не мог и не хотел, это гораздо лучше получилось у москвича Володи, ставшего брату и мне папой, а маме – верной опорой. Он был инженером связи и в свободное время работал гидом, к чему имел редкий талант. Так они и познакомились, на теплоходе в поездке по Ладожскому и Онежскому озерам. Позже, в период их жизни в Иерусалиме, папа продемонстрировал это свое умение ненавязчиво делиться знаниями и мне, показывая местные святыни. Собранная им библиотека о русской архитектуре и иконописи по объему почти не уступала маминей литературной.

Чтобы мы знали (в моем случае: не забыли) грузинский, мама пригласила нас учить добродушного Карло, коллегу по Литинституту. Толку от уроков было мало, зато мы съездили в рачинскую деревню, где нас приняли, как родных. Потом у Карло нашли рак, грозили немедленным концом, если не ляжет на операцию. Он и ухом не повел и прожил еще лет семнадцать: московским онкологам невдомек, что у рачинца и опухоль бывает замедленного действия.

Нас с Мишей водили на кружки, частные уроки, в музеи, в парки. Собаку завести не давали, но двух цуциков, принесенных Мишей с промежутком в десять лет, на улицу выкинуть не смогли. Так и пестовали после нашего отъезда сварливого Бонифация, смесь лисенка с петушком, царство ему небесное. Всегда заступались за него, когда он сгоряча хватал кого-нибудь за ногу.

Мама постоянно кого-то устраивала: в институт, в больницу. После трагедии Сумгаита занялась хлопотами об армянских беженцах, которых в Москве отлавливали

▲ С мамой Люси Николаевной и любимой внучкой Нинико

и отсылали обратно. Надо сказать, что в Комитете «Гражданское содействие» ведущую роль играли женщины: Виктория Чаликова, Лидия Графова, Светлана Ганнушкина и мама, а защитой прав человека занимались Галина Старовойтова, Валерия Новодворская, Анна Политковская. Эти годы стоили маме невероятного душевного напряжения. Что ни день, то новые рассказы очевидцев и свидетельства полного безразличия властей.

Часть лета, а иногда и зимние каникулы, мы проводили в Грузии. Верные друзья родителей, главным образом писатели и поэты, и мамина родня встречали нас, возили, угощали. Нужно ли говорить, что из Москвы мама везла любой доступный ей дефицит, никого не забывая, помня возраст и размеры детей и навещая престарелых подруг бабушки. Помню бесчисленные тбилисские квартиры, где я, не особенно скучая, ждала окончания визита у блюда нарезанных персиков; дом любимой тети Ады на Вере, где останавливалась мама, и мой приют – резную веранду и затемненную, прохладную квартиру тети Ляли, работавшей в литературной редакции и перевоплощавшейся дома в кулинару. Вылазки к братьям Чиладзе – живы еще были красивые старики-родители, посещения мастерской златокузнеца Манабы Магомедовой.

Навещали мы классиков, а принимали и угощали нас их жены, матери, сестры, музы. Вдовы Давида Какабадзе и Ладо Гудиашили, Тинико Чиладзе, Дора Гегешидзе, Тамрико, продлившая своей заботой жизнь Чабуа Амиреджиби на много лет.

Мзия Хетагури и ее чудесная мама, известный цхинвальский врач, показали нам места и красоты, о которых теперь трудно вспоминать без боли.

Виктория Зинина и Роберт Кондахсазов, родители маминой студентки Динары, как-то взяли меня погостить в свой особняк на Авлабаре. Дивный Викин чай, благоуханное варенье, тонкий юмор и неповторимый мир картин Робика, написавшего меня, шестнадцатилетнюю девочку, такой, какой я до сих пор пытаюсь стать, – всех подарков, сделанной мне мамой и ее друзьями прямо или косвенно, не перечислить. Среди них – и портреты руки Додика Давыдова, с которым у меня завязалась особая дружба с перепиской. Додик как-то решил нас побаловать и прислал с оказией головку сыра «гуда». Развернув упаковку, все шарахнулись, как от артиллерийского залпа: запах у сыра был, как в известном эпизоде из Джерома К. Джерома. Любителей не нашлось, и сыр пропал без вести, но Додика мы бурно благодарили, зная, каких денег стоила на базаре гуда. С тех пор он посылал нам ее ежегодно, и

отвертеться было уже нельзя.

Мама приезжала в Грузию работать, но делала это как-то незаметно. Успевала побывать в редакциях (как тут не вспомнить компетентного и колоритного Марка Израилевича Златкина), забрать и вернуть рукописи и правки, посмотреть новые постановки Стуруа и Габриадзе.

Ее грузинские друзья и авторы, конечно, наведывались в Москву. На столе появлялись чаша всех цветов радуги, гранаты, мандарины, ткемали и чурчхелы. Отар Чиладзе любил петь «Гори, гори, моя звезда». Акакий Васадзе («Какули») угощал частушками типа «На одноооо ветки сидит попугай, на другоооо ветки сидит ему мать! Таши, туши, таши, мадам попугай» и т.д. Мама не пела и не играла, а смогла бы, наверное – закончила музыкальную десятилетку.

Дружила она и с Дмитрием Алексаньичем Приговым, которого я теперь перевожу на голландский, а в те годы и понятия не имела о нем как родоначальнике российского концептуализма. Для нас с братом это был «дядя Дима», а «тетя Надя» привезла нам из Англии серого ослика и красного медвежонка, им сносу не было, до сих пор красавцы.

В Петербурге у мамы была и есть несравненная Мариэтта Турьян, тоже родом из Тбилиси. И к ней на огонек тянулись ни на кого не похожие, талантливые, мудрые, щедрые люди, кое с кем я дружу и по сей день.

Зато с режиссером Андреем Хржановским мама подружилась благодаря мультфильму «Дети рисуют Пушкина», в котором фигурируют два моих рисунка. Счет, таким образом, приблизительно 30:1.

В Москве благодаря маме я не раз видела и слышала Рихтера, Окуджаву, Ахмадулину, Вознесенского, Городницкого. Литературная карта России четко вырисовывалась в Малеевке, Дубултах, Коктебеле, где подлинными писателями нередко жили дикарями, а апологеты Советской власти занимали главные корпуса.

По малолетству не запомнила Александра Галича, с ним родители очень дружили, навещали его и перед выездом из страны, когда это было весьма рискованно. О Галиче мама говорила с неизменным восхищением. Она обладала уникальной памятью на тексты, но стихи декламировала редко, а вот фрагменты песен Галича повторяла не раз. Рассказывала и забавные эпизоды. Так, Галич любил пофлиртовать, и жена его, не особенно по этому поводу беспокоясь, для порядка напоминала ему в присутствии юных поклонниц о необходимости приема несчетных, хладнокровно перечисляемых ею лекарств.

Как-то, приведя на ночь глядя со спектакля домой режиссера и добрую часть трупы, мама не обнаружила в холодильнике припасенной для гостей жареной курицы. Была ли она вообще? Может, померещилась ей просто? Оказалось потом, что один из домочадцев отъел половину и, подумав, через силу съел вторую, чтобы уничтожить улики. Мама переживала, а гости – ничуть: приходили в скромную квартиру на Рязанском проспекте не есть, а общаться. Новые стихи, такие, как «Давайте жить как на вокзале» Фазиля Искандера, я слышала и запоминала именно там. Пировать ходили к бабушке на Преображенку, где раз пять в году торжествовала кавказская кухня. Конечно, и там застолье как-то само собой переходило в литературную ассамблею.

Мама не раз говорила, что могла бы стать идеальной женой дипломата. Действительно, она, как никто, умеет поддерживать беседу за столом, не требуя внимания к себе и лишь изредка вставляя шуточные замечания. Чувство юмора у нее необыкновенное и мы к нему так привыкли, что увы, не записываем ее острот, а потом за-

бываем. Перечитывая записки Чуковской об Ахматовой, умевшей состричь, а то и съязвить, я как будто слышу мамины меткие фразы. Как-то во время визита в Голландию (банкоматы тогда были еще в новинку) мы потеряли папу. Оказалось, он увидел один и не смог пройти мимо. «У Вовы всякий раз при виде этого устройства начинается пляска святого Витта», - уронила мама без тени улыбки.

Юмора не всегда хватает, чтобы скрасить неблагоприятную действительность, войны последних декад и проводы в последний путь друзей и близких. От плохого настроения, как всегда, спасает искусство: фильмы Хржановского, спектакли Яновской и Гинкаса и неизменная папина готовность помочь во всем.

Читая на Фейсбуке мамины эссе, нередко, увы, посвященные ушедшим друзьям, таким, как Владимир Леонович, я всякий раз отмечаю точность ее пера (в переносном смысле, конечно: печатает привычный к компьютеру Вовик под ее диктовку) и любовь к этим людям и их творчеству, сквозящую в каждой строке и нигде не отдающую сентиментальностью. Дай-то бог, чтобы пореже приходилось писать о близких в прошедшем времени, а переводы с грузинского снова были в порядке вещей.

Оговорюсь, что писала я без малейшей претензии полностью осветить мамины заслуги перед советской и нынешней литературой. Такую ответственную миссию лучше доверить коллегам; мои заметки – дочерние, личные. Прости меня за это, читатель, и ты, мама, прости – масштаб лучше виден издали. Но ты и как читателю мне много дала. Все у нас было самое лучшее: детские стихи Эммы Мошковой, шотландские баллады в переводах Ивановского, песни Галича, письма Плиния-младшего – и твои статьи и переводы, живое доказательство того, что важность языка, или, как сейчас модно говорить, дискурса, все же в передаче того, что важно на самом деле.

Нина ТАРХАН-МОУРАВИ

СОКРОВИЩА ПАМЯТИ

Интересный в этот раз День рождения получается... То есть, сам день рождения (не считая, что дата красивая, юбилейная), как день рождения. Но вот общий (общественный) фон... Тут два поколения, наше и Анаиды Николаевны, - как бы сходятся в точке отчаяния. Таково, по крайней мере, мое ощущение. И хочется воскликнуть вслед за поэтом: «Не может быть, чтоб жили мы напрасно!» Хотя, меньше всего это восклицание относится к Анаиде Николаевне.

Восклицание это, мне кажется, обращение к прошлому за поддержкой, потому что там, в той обратной перспективе – все было точно не напрасно. Именно это прошедшее дает опору в настоящем (но не знаю, распространяется ли оно в будущее). И этим прошедшим, питающим, поддерживающим настоящее, для меня остается вымечтанная однажды Грузия, воплощение которой удалось для меня благодаря Анаиде Николаевне. Вот повод, по которому можно сказать: «Жизнь удалась» (мысленно добавляя: «несмотря ни на что»)...

И боготворимый Пастернак, и обожаемая Белла, и следующее поколение грузинских пилигримов: Владимир Леонович, Илья Дадашидзе, Ян Гольцман, Юрий Ряшенцев – все они материализовались (или доматериализовались) благодаря несомненной и редкой удаче, подарке судьбы – литинститутскому семинару, которым руководили Лев Озеров (в этом году сто лет со дня его рождения) и Анаида Беставашвили. Потому что она делилась с нами всеми своими замечательными дружбами.

Благодаря этому семинару материализовались не

только люди, но воплотилась и сама Грузия, путешествия по которой до сих пор остаются главными сокровищами памяти. Не говорю уже о другом воплощении – творческом. Вот думаю, что было бы (а, точнее, чего не было бы) в моей судьбе, не дай мне однажды Анаида Николаевна подстрочников стихотворений Отара Чиладзе... Не говорю уже о счастливой возможности читать и понимать эти тексты на грузинском (тут еще отдельная благодарность нашему преподавателю грузинского добрейшему Карло Хучуа).

Повторяя цветаевскую строчку «Господи, душа сбывлась, умысел твой самый тайный» (и, надеясь, что сбывлась), я никогда не забываю вспомнить, благодаря кому это случилось в моей жизни.

Сейчас все мы, ученики, намного старше той Анаиды Николаевны, которую (прекрасную!) в конце семидесятых увидели в Литинституте. Вот думаю, удалось ли кому-нибудь из нас стать хотя бы для одного-двух человек тем, чем стала для многих из нас Анаида Николаевна... Как хочется верить, что мысль о том, какое огромное значение она имеет в наших жизнях – поддерживает ее.

В одной из книг, великолепно переведенных Анаидой Николаевной, а именно в «Исторических хрониках Грузии» Вахтанга Челидзе, есть строки о том, как крестьяне обрабатывали клочки земли на крутых склонах, привязывая себя к стволу дерева, чтобы не сорваться. Необыкновенная метафора всей человеческой жизни. И за эту науку Вам тоже спасибо, дорогая Анаида Николаевна!

Наталья СОКОЛОВСКАЯ

САМООТВЕРЖЕННАЯ СЛУЖИТЕЛЬНИЦА ДОБРА И ЛИТЕРАТУРЫ

Невозможно подсчитать, сколько знаменитых грузин покинуло Грузию за последние десятилетия, и никто не посмеет сказать, что их отъезд не отразился на нашей и без того многострадальной родине.

Блестящий переводчик, литературовед, публицист, человек разнообразных достоинств, Анаида Беставашвили, как раз одна из таких. Но и после переезда в Москву ее внимание к грузинской словесности не ослабло – она много переводила (в основном, избранные с художественной точки зрения произведения) и в то же время выражала свою личную точку зрения относительно некоторых грузинских писателей.

Перед глазами у меня встает ее молодость, период пребывания в Тбилиси. Анаиду Беставашвили я часто встречал в издательстве «Мерани», где она проработала несколько лет, будучи плодотворным переводчиком и ведя активную редакционную работу. Она отдала дань уважения гению Николоза Бараташвили, с большим вдохновением перевела личные письма поэта, которые стоят в одном ряду с его стихами. Познакомила русских читателей с мастерами грузинской прозы – Серго Клдиашвили, Демной Шенгелая, Константином Лордкипанидзе... А также с выдающимися шестидесятниками – Чабуа Амиразджиби, Арчилом Сулакаури, Эдишером Кипиани, Тенгизом Буачидзе, Гурамом Асатиани, Тамазом и Отаром Чиладзе, Гурамом Гегешидзе, Ревазом Габриадзе и другими. Тесно сотрудничала с Коллегией по художественному переводу и литературным взаимосвязям, руководимой Отаром Нодия.

Следует отметить, что вместе со своим сверстником, другом юности Александром Эбаноидзе (главный редактор журнала «Дружба народов») Анаида Беставашвили окончила переводческое отделение Литературного института им. М.Горького. Их руководителями были Фатма

▲ На экскурсии со студентами. Ананури. 1980

Твалтвадзе и Лев Озеров, чьи опыт и образцовая школа мастерства оказали на обоих благотворное влияние. Эту заботу они никогда не забывали.

Нельзя сказать, что дорогая нашему сердцу Анаида порвала связи с Грузией. Время от времени ей удавалось приезжать на родину. Вспоминаю лето семидесятых годов, когда она привезла на отдых в Квишхети сына и дочь, Нино и Михаила, который был на два года младше сестры. Я вместе с женой и маленькими детьми тоже отдыхал там, в фамильном доме Кипиани. Рядом жили сыновья Чабуа Амирэджиби, Куцна и Шалва, и дочка Отиа Пачкория, Татия, не намного старше их. Нино и Михаил играли вместе с ними, развлекались, иногда даже спорили. То лето и сегодня с большой теплотой и любовью вспоминает вдова Чабуа, наш замечательный поэт Тамара Джавахишвили. Тамара даже сказала мне: «Анаида сделала это для того, чтобы ее дети помнили доброту грузинской земли, не забывали родную среду». Я слышал, что Нино живет за границей и стала на редкость талантливой художницей (это и не удивительно, ведь она дочь своего отца – Реваза Тархан-Моурави). Уверен, она не оторвалась от родных корней, от грузинской тематики, хотя лично я не видел ее рисунков.

В самые драматичные для Грузии моменты Анаида Беставашивили всегда была рядом со своей родиной, была ее самоотверженной заступницей. Она незамедлительно осудила разгон мирного митинга 9 апреля 1989 года, выразила негодование по поводу жестокой расправы над безвинными молодыми людьми. Также остро пережила она трагедии в Абхазии и Шиде Картли, когда темные силы обрушили на Грузию столько бед и посягнули на территориальную целостность страны.

Анаида Беставашивили – настоящий творец и гражданин – никогда не была сторонним наблюдателем за этноконфликтами и всегда сочувствовала несчастным, оставшимся без крова беженцам, неоднократно посещала «горячие точки» и поднимала голос против несправедливости и жестокости.

Недавно в журнале «Русский клуб» (№9) я прочел ее на редкость возвышенное прощальное письмо «Памяти друга», посвященное уходу выдающегося русского поэта и переводчика Владимира Леоновича. После Николая Заболоцкого никому не удавалось сделать так много, как Леоновичу, чтобы грузинская поэзия зазвучала на русском языке столь благородно. Анаида Беставашивили

особо подчеркивает его безграничную любовь к Грузии и ту бесконечную печаль, которые он испытал в связи с событиями в Абхазии и Шиде Картли. Лежа в Боткинской больнице, Леонович сказал ей: «Иногда мне стыдно, что я русский». И тут же она высказывает сожаление о том, что число таких порядочных людей, являющих собой лицо настоящей России, слишком невелико.

Анаида Беставашивили всегда с почтением относилась к Отару Чиладзе и Чабуа Амирэджиби. При их жизни отдавала свои тепло, любовь и горько оплакала уход обоих. Знаю, что она мечтала перевести последний роман Чабуа Амирэджиби («Георгий Блистательный»), но сломала руку и по причине тяжелой травмы эта идея пока осталась неосуществленной.

▲ Анаида с супругом Владимиром, внучкой Ниной и Бонифацием

Несомненно, Анаида Беставашивили непрестанно думает об ушедших и живых друзьях, о детях и внуках, о литературе и поэзии, о благословенной Грузии. Пожелаем ей долгой жизни под этим небом, ей, светло улыбающейся, исполненной достоинства женщине, которая всегда дарит окружающим только радость и счастье.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Перевод Нино ЦИТЛАНДЗЕ

ДЛЯ НАС С ИЛЬЕЙ ОНА – ИДА

Дружба на волне переводческой деятельности поэта Ильи Дадашидзе с писателем, переводчиком, блистательным подстрочником грузинской поэзии Анаидой Николаевной Беставашивили с годами переросла в дружбу между нашими семьями. А где-то даже во влюбленность Ильи в Иду, тонкую, но не вызывающую ревность. В эту женщину трудно было не влюбляться.

Дружба была трогательной, как и все, что касалось этой замечательной, теплой, гостеприимной, заботливой статной красавицы АНАИДЫ. Я уже не говорю о таланте, уме и значимости ее как литератора.

Наши ежегодные приезды из Баку (где мы с Ильей ранее жили) в любимую нами Москву никогда не проходили без обязательного посещения теплого, по-кавказски гостеприимного дома на Рязанском проспекте. Здесь за грузинским столом, сдобренным бакинскими вкусностями, шло наше духовное обогащение от бесед с Идой.

И все это действо проходило с обязательным хлопотливо-внимательным присутствием любящего и преданного мужа Иды Володи (нашего Вовика) Лифшица и

обаятельных детей Ниночки и Миши.

Прошли года. Многое изменялось и изменилось. Безвременно ушел от нас Илья. Но никто так не предан Илье, как Ида, она не забывает Илью, его исключительную дружбу, его поэзию, его семью. Она умеет не предавать, не бросать в беде и всегда ненавязчиво интеллигентно помочь.

Когда мы с ней готовили к изданию посмертную книгу Ильи, Ида, будучи редактором, выпестовала ее как любимого ребенка, делая это для Ильи, как для живого.

Дружить с Идочкой – это большая радость, честь и богатство. А общность взглядов на многое, происходящее вокруг нас – это и гордость. И пусть как можно дольше продлится этот прекрасный миг в нашей жизни. Я верю в то, что Илья на небесах спокоен за свою семью, потому что у нее есть Ида с Володей, а у Иды с Володией есть мы. Долгие Вам лета, дорогая Идочка.

Ваша Ирина ДАДАШИДЗЕ

НЕСКАЗАННОЕ НЕСКАЗАННОЕ, ИЛИ СЛОВА ЗАПОЗДАЛЫЕ

Помню путь – от станции метро «Рязанский проспект» к дому Анаиды Николаевны. Эти несколько сот метров, такие знакомые, не раз хоженные... Почему-то в этот день всегда ярко светило солнце. Или мне так казалось, что оно светило – в ожидании встречи: каждый раз новой, каждый раз – заставляющей думать, почему-то – стыдиться за себя (потому что ты не такая, как хозяйка этого дома), прямее держать спину (потому что у той, к кому ты спешишь, горделивая осанка), смотреть на мир шире (потому что у нее огромные, бездонные глаза), улыбаться идущим навстречу людям (потому что она обязательно улыбнется тебе), подбирать и выстраивать слова (потому что у нее удивительно красивая речь) и с каждым шагом все больше и больше проникаться хорошим отношением к себе самой – потому что та, встречи с которой ты ждешь, тоже ждет тебя. И делает это искренне и с любовью.

И с каждым шагом куда-то улетучивались неуверенность и свойственное юности самобичевание – я уже и сама верила в себя. Потому что знала – та, к которой я спешу по залитому солнцем тротуару – верит в меня. Потому что знает: если не удастся мне, то обязательно удастся ей – а она всегда рядом.

Всегда! Есть люди (их единицы!) для которых творить добро – одна из основополагающих потребностей бытия. Добро было в каждом ее жесте, в каждой фразе, даже в том негодовании, с которым она откликнулась на несправедливость.

Ее можно называть по-разному – можно по имени-отчеству, можно «мамой Идой», можно – Учителем.

Происходила это – в конце 70-х годов уже прошлого века. Время, описанное ретроградами и нонконформистами, «деревенщиками» и диссидентами, обывателями и бунтарями... Для меня это было время юности и добра. Потому что она была рядом. Всегда: в Литинституте – она открыла мне его двери; в профессии – она щедро делилась азами мастерства; в жизни – не было никого, кто мог бы понять так, как она. А потом мы (студенты семинара по переводу грузинской литературы) – увидели свои первые публикации, а вскоре – и вторые и последующие. Но – только номинально наши, на самом деле – это были тоже одни из ее многочисленных публикаций: потому что робкие пробы пера проходили обсуждения на семинарах, бережно и тактично редактировались, преобразаясь в литературные тексты.

Это были годы, подверженные эпидемии добра...

Потом наступили 90-е... Искорежившие судьбы, лишившие веры... И наступила пустота. Просто – ко всему прочему – ее не было рядом. Она продолжала делать добро, откликаться на литературные новинки и общественные процессы в своих публикациях в газетах и журналах. Но она была далеко... И я не помню эти годы. Или не хочу помнить.

А потом – наступили времена, в которые появились люди (много, десятки тысяч людей), которым была нужна помощь – не абстрактная и умозрительная, не сочувствующая и «лирическая», а вполне конкретная и осязаемая, потому что они остались без крова, потеряли родных и близких, потому что им пришлось бежать из родных мест – просто потому, что они жили на своей земле, оказавшейся в одночасье чужой. И прекрасный переводчик, литературовед, публицист, педагог, «красавица и умница» – занялась общественной и правозащитной деятельностью. Потому что человеку свойственно, как это нынче принято говорить – «удовлетворять потребности». У каждого они свои. У нее – (см. выше) – делать добро. Удивительное качество... Потрясающая жертвенность... Она писала письма в центральные газеты, обращалась в «компетентные» органы, была членом экспертного совета при Комитете по правам человека при Президенте РФ. И просто предоставляла кров тем, кто вынужденно оказался вдали от «отчих берегов». Потому что – это была ее боль. Можно быть трибуном – гневным и праведным. Можно выслушать и протянуть руку помощи – реальной

▲ С Александром Галичем

и конкретной. Это трудно совместимые роли. Но не для нее. Она это делала столь же естественно, достойно, талантливо и красиво, как и переводила романы и повести своих любимых авторов.

И всегда вокруг нее были люди. Много людей. Не стану называть имен. Слишком они значимы – и для жизни страны, и для меня лично – для того, чтобы ограничиться скудным перечислением. Уверена: перо самой Анаиды Николаевны опишет их более достойно и зримо – ее талант, зоркий глаз, душевная щедрость, мудрость и великодушные тому порукой.

А этот текст – лишь робкая, неуклюжая и «тщедушная» попытка выразить свое отношение к человеку, определившему мою судьбу. Простите, моя любимая, что в нем слишком много моих собственных ощущений. Но это ведь так в Вашем духе – отдавать себя ближнему.

Дина КОНДАХСАЗОВА

ДОРОГАЯ МАМА ИДА!

Мир постигается (если постигается) через себя, через собственный опыт. О чем и о ком бы мы ни говорили, мы так или иначе все равно говорим о себе.

Говорить о Вас означает для меня говорить о себе, о своей жизни, которая без Вас была бы совершенно другой, и – одна из немногих вещей, в которых я не сомневаюсь, – моя жизнь без Вас была бы хуже. Беднее. Тусклее. Прозаичнее.

В ней не было бы... и тут могло бы последовать перечисление событий и людей, которые сделали мою жизнь по-настоящему счастливой. Но я не хочу перечислять.

Кажется, это у Леоновича в стихах было:

«Есть ложный стиль – мемуарит,
Когда сидишь – воспоминаешь...»

«Воспомянуть» тоже не хочется. Но есть вещи, о которых не забываешь никогда. Вы как-то рассказывали, что однажды в Тбилиси встретили на улице моего деда, который выгуливал своего маленького внука – меня – и явно гордился тем, что я помнил наизусть несусветное количество стихотворений и песен, которые заучивали

▲ С Андреем Хржановским и Марией Рабинович

в детском саду. Но, как сразу выяснилось, не только в детском саду. Были и другие источники. Дедушка очень хотел продемонстрировать мои таланты и попросил меня что-нибудь спеть для Вас. И я запел – что-то блатное, или из одесского фольклора, причем запел с увлечением, и остановить меня дедушке оказалось очень нелегко. Было мне, наверное, года четыре. Или пять. И был у меня еще и другой дедушка, который был не столь строг в выборе репертуара, как этот.

Я этой истории не помню. Но если бы в тот день я знал, кто Вы и какую роль сыграете в моей жизни, я бы спел наверняка что-нибудь другое. Впрочем, тогда я еще не знал достойных Вас песен. И не уверен, что знаю их сейчас. Зато сейчас могу прочитать множество прекрасных стихотворений, которые узнал, полюбил и запомнил благодаря Вам.

Я помню другое. Когда я окончил школу в Тбилиси и поехал в Москву учиться дальше, моя мама поехала вместе со мной, чтобы поручить шестнадцатилетнего тбилисского ребенка заботам своих московских друзей. Это был второй самый прекрасный подарок, который мне сделала мама: первым была жизнь. Мама привела меня к Вам.

Она подарила мне новых родителей. Вы стали моей московской мамой. Я говорил – «московской», чтобы

не обижать маму тбилисскую. (Потом, в Тбилиси, когда мы все собрались за столом у нас дома, мой тбилисский папа, со своим несколько специфическим юмором, спрашивал у Вашего Володи: «Послушай, Володя, если твоя Ида – московская мама моего сына, то кем она доводится мне?»).

На самом деле Вы стали моей универсальной мамой, без которой я просто не мог обойтись, – может, потому, что был инфантилен. Но думаю, что не поэтому: Вы создали вокруг себя совершенно замечательный мир, в котором были прекрасные, умные, талантливые люди. Общаться с другими Вам было неинтересно, и потому кое-кто за глаза укорял Вас в снобизме. Вы подарили мне этот мир. Не потому, что я этого заслуживал, – я был внуком своего деда и сыном своих родителей, Вы любили нашу семью и потому взяли меня под свое крыло. Но без Вас у меня бы этого не было. И еще много лет Вы оставались человеком, к которому я хотел бежать во всех тех случаях, когда необходимо бежать к маме.

И не только к маме. Вы сделали меня профессионалом. Ваши великолепные переводы Тамаза Чиладзе и других грузинских писателей были образцом и школой для Ваших учеников. И Вы всегда умели красиво и деликатно объяснить, как надо. И как – НЕ надо. Это, кстати, относилось не только к профессии...

И еще одно событие я помню всегда.

Это было почти четверть века назад. Мне исполнилось 30, я жил в Москве, и из Тбилиси приехала мама, чтобы отпраздновать мой день рождения. И в тот декабрьский вечер 1989 года в маленькой однокомнатной квартире в Лосинноостровской собрались мои ангелы-хранители – мама, Вы с Володей, моя тогдашняя любимая жена Нина, Володя Леонович с Раечкой и Юра Ряшенцев.

Я не помню всего, о чем мы тогда говорили. Через два месяца мы с Ниной уезжали в эмиграцию, все было решено, документы собраны, и в ту пору никто еще не знал, что нам суждено когда-нибудь встретиться снова, – ситуация в стране уже начала меняться, но именно неверие в серьезность этих перемен и побудила нас эмигрировать, и потому особых надежд на дальнейшее общение с оставшимися у меня не было. В этом я, к счастью, тогда ошибся, но в тот вечер мы прощались навсегда. И у меня единственный раз зашевелилось сомнение: а надо ли уезжать, надо ли расставаться с Вами, и с Леоновичами, и с Ряшенцевым... Было больно. Было страшно. Было безнадежно. И я говорил с Вами об этом, – не в тот вечер, позже. И Вы укрепили меня в решении уехать. И подарили на прощанье нефритовое кольцо – на счастье.

Это кольцо по-прежнему у меня на пальце. Я верю в то, что оно оберегало меня все эти годы и помогло не утонуть в двух эмиграциях и даже чего-то достигнуть. Но я не верю в нефрит (хотя кольцо очень красивое, и меня часто о нем спрашивают, – откуда оно, что означает выгравированный на нефрите знак). Я верю в силу Вашей любви и заботы.

Мама Ида, я мечтаю, чтобы Вы с Володей приехали ко мне на день рождения в этом году. И в следующем. И вообще, каждый год. Вы просто не имеет права болеть! Потому что, когда больно Вам, – больно мне. Ну да, все время «я», «мне», «меня»...

Но ведь я же не один такой. Когда больно Вам – больно многим хорошим людям. И многие хорошие люди радуются, когда Вам хорошо. Потому что мир, который Вы сумели создать, может, населен не очень густо, но это все-таки целый мир.

И для всех обитателей этого мира день Вашего рождения – очень важный праздник.

Мама Ида, будьте здоровы.
С днем рождения!
Всегда-всегда Ваш,

Саша БРАЙЛОВСКИЙ

ГОЛОС, НАРУШАЮЩИЙ ГРАНИЦЫ

Анаида? Николаевна? Беставашвили? – имя, отчество, фамилия – всего из трех слов! В документы вписаны слова и номер паспорта, гражданство определенной страны..., но она особая личность – гражданка двух стран – достоинство грузинской культуры в России и русской культуры в Грузии. Она как сторож пространства, с обеих сторон без визы и полномочия «нарушает» границу, но ее невозможно задержать, как невозможно задержать и арестовать голос, пересекающий строго обозначенные на карте границы.

Вот кто она – ее светлость и наша гордость – Анаида Николаевна Беставашвили!

Мзия ХЕТАГУРИ

Анаиду Николаевну Беставашвили я увидел впервые в здании, где располагался Союз писателей Грузии, будучи студентом четвертого курса филфака Тбилисского университета. Незадолго перед тем отшумел республиканский семинар молодых писателей, в котором принимала участие и секция авторов, пишущих на русском языке. На семинаре ко мне отнеслись одобрительно, похвалив некоторые стихи и особенно отметив, что я стал активно переводить своих ровесников – молодых поэтов Грузии. И вот, спустя некоторое время, мне передали просьбу зайти в писательский особняк на Мачабели 13, захватив с собой десятка два стихотворений. Понятно, что я шел в недоумении, но весь пронизанный любопытством. Там меня провели в кабинет одного из секретарей СП, ответственного за работу с творческой молодежью. Не знаю, улавливаете ли вы, читая эти строки, иронию, с которой я произношу эти штампованные фразы советских времен, но в моей судьбе эта «работа с творческой молодежью» многое изменила. Я был представлен молодой и очень красивой женщине, как мне объяснили, руководительнице абхазско-грузинского семинара отделения художественного перевода Литературного института имени М. Горького. В основе происходящего лежал трагический случай: из жизни ушел молодой и невероятно талантливый студент Владимир Полетаев. Рано проявивший свое дарование, он был одинаково интересен как оригинальный поэт и как переводчик украинской и грузинской поэзии с не по возрасту крепкой рукой. Если бы Володя не ушел так рано из жизни, мы бы получили яркого поэта и выдающегося мастера художественного перевода. Учтивая, что в семинаре была большая группа студентов из Абхазии и остались лишь двое, представляющих Грузию, Надя Захарова и Вахтанг Федоров-Циклаури, Анаиде Беставашвили руководство института разрешило подыскать подходящего студента из Грузии, с чем она и приехала в Союз писателей республики. Там вспомнили обо мне в связи с прошедшим семинаром и регулярными публикациями в газете «Молодежь Грузии» молодых поэтов в моих переводах и пригласили на беседу с ней. Я робел, а эта особа, едва ли не моя ровесница – больше лет я ей не дал бы! – была уверена и точна, задавая вопросы и комментируя мои ответы. Если мои стихи пройдут условный творческий конкурс, готов ли я перейти на третий курс Литинститута с четвертого в университете? Еще бы, удивлялся я, какие могут быть сомнения?! Но она дотошно продолжала расспрашивать – где родился,

где рос, кто родители и так далее. Ее манера говорить негромко, с ровной интонацией, с постоянно присутствующей легкой иронией повергла меня в еще большее смущение. Она уехала, сообщив, что решение будет приниматься коллегиально – семинаром руководит не одна она, а также Лев Адольфович Озеров и Фазиль Абдуллаевич Искандер. Дней через десять я получил приглашение приехать в Москву – спасибо им, всем трим. Володя Полетаев! Я всегда помню, как это случилось! И если с небесных высот и с высоты своего таланта ты видишь это существо, которое являет меня, не суди строго моих строк, но хочу надеяться, что хоть в малой степени человеческим обликом я не очень подвел тебя. Наш Лев – красивая грива волос, мягкий баритон, водопад эрудиции, остроумец, сильный опытом литературного педагога. Искрометный, покоряющий блеском живого ума, мастер парадокса, обожаемый нами Фазиль. Тоненькая, с яркими светлыми глазами, негромко говорящая, лишенная всякой манерности аристократка, была всегда иронична, обаятельна, ничуть не пропадая на фоне этих двоих мужчин и с каким-то скрытым хулиганством не проигрывая им в остроумии! Это было счастье – слушать развеселую троицу, не сразу замечая и понимая того, с каким тактом преподносятся нам уроки не только литературного мастерства, но и достойного человеческого поведения! Но ее хватало еще и на внимание к каждому из нас – она вникала во все: быт, проблемы, обстоятельства жизни семей наших родителей, наши любовные переживания... То ли мамка, то ли нянька, а скорее – заботливая старшая сестра, на которой лежит ответственность за нас. И когда мы ушли, завершив пору студенческой безмятежности, она по-прежнему держала руку на пульсе наших судеб! Случилась и у меня полоса несправедливого поворота в жизни – остался без работы, без хоть какого заработка... Она была первой, кто подбодрил, поддержал, вытаскивая из скорлупы обиды, в которую хотелось спрятать себя! Звала в гости, наивно полагая, что я не замечал, что единственной целью этих приглашений было желание накормить. Но какими были эти вечера в семейном кругу, где Володя, ее супруг, разделял с нею заботливость и неравнодушие старшинства надо мной, где со своими детскими радостями доверчиво принимали ко мне Ниночка и Мишка, ее замечательные дети! Позже, когда у меня возникла некоторая стабильность, она искренне признавалась мне: гора, мол, с плеч свалилась, когда пришло благополучие в жизнь Нади Захаровой, а то

▼ С Резо Габриадзе и Корой Церетели

на душе было так беспокойно! Эмиграция в Израиль, возвращение в Москву – она тоже прошла сквозь годы испытаний, не меняя своего отношения к жизни, к людям, к коллегам. А мы оставались ее подопечными, как и семинар следующего поколения. Она тихо, издали, ревниво и с пристрастием следит за тем, как складывается наша жизнь, - дорогая наша Анаида, нянька, мамка, а скорее – неравнодушная наша старшая сестра!

Даниил ЧКОНЯ
(Германия)

Дорогая Ида!

С радостью и любовью поздравляю тебя с этой прекрасной датой. Я никогда не забуду тот то ли весенний, то ли раннелетний день (но не зимний и не осенний), когда я увидела тебя идущей по одной из комнат «Литературной Грузии» (мы тогда находились в Сололаки). Ты шла в изящном костюмчике из зеленой ткани, очаровательная зеленоглазая, элегантная, совсем молоденькая, в зеленых отсветах нашего сада.

Но мы не тогда познакомились с тобой.

Сколько весен и зим прошло с тех пор, сколько успеха ты сделать, сколько талантливых переводов, сколько воспитала прекрасных учеников-студентов, аспирантов, которые любят тебя и несут твоё тепло! Другой человек на твоём месте мог бы почтить на лаврах, но – не ты, Ида. И я от всей души желаю тебе много новых достижений, пусть трудных, ведь ты умеешь делать трудные дела так, будто это ничего особенного. Желаю тебе крепкого здоровья, душевного равновесия и всего, всего хорошего.

Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ

ВСЕ ТЕ ЖЕ СНЫ О ГРУЗИИ...

Об Иде, как мы ее с нежностью называли в своей студенческой молодости, нельзя просто написать. Потому что пришлось бы рассказать всю свою жизнь, бравшую свои истоки из уст, прекрасных глаз и речи этой красивой женщины. Ведь она умела обаять, увлечь, влюбить – на всю жизнь. Не в себя, нет, - мы же тогда воспринимали ее как данное, как что-то нам полагающееся, не ведая, что нам выпала большая удача в жизни, что просто не бывает таких, как она. Влюбила она нас, имеющих весь-

ма смутное представление о Грузии, в Грузию сразу и навсегда. Пеклась о нас, молодых и глупых, как о своих детях. Приглашала регулярно в гости, подкармливала нас, вечно голодных своих студентов. Не пропуская возможности поделиться новыми, только-только вышедшими на грузинском и в русских переводах книгами грузинских авторов. Подарила нам всю страну сразу, с ее древней культурой и литературой, подарила нам дружбы на всю оставшуюся жизнь. Рукой мастера подбирала, кого включить в грузинскую переводческую группу (до сих пор те мальчики и девочки мне самые близкие по жизни, как своя семья), кого чему научить, кому что показать. Подарила нам потрясающие поездки по Грузии – такое не забывается, помнится до конца жизни. Да и сейчас, уже на расстоянии, не забывает потчевать нас, литературных гурманов, всеми новинками в грузинской литературе.

Однажды, уже дома, в Болгарии, слушая, как мой муж, тоже ее студент, читает вслух стихи Маяковского, я, уставшая, только-только пришедшая с работы и крутящаяся вокруг нашей грудной дочки, расслышала от усталости только музыку стихов. Вот вам и ключ к Маяковскому. Ведь родился, вырос и учился он там, в Грузии любимой! И впитал навсегда звучания той речи, тех стихов! Вот и разгадка его «тонического» стиха, его новизны – это же грузинский, длинный стих, с его меняющимися ударениями, разбитыми в «лесенку», чтоб попроще читалось, чтоб не догадаться, откуда все это взялось...

Не в курсе я, не открыл ли кто-то еще тайну ритмики стихов Маяковского. Ведь для этого тому, другому, требуется всего лишь быть поэтом и любить оба языка и обе литературы. И чтоб у того, другого, тоже была Ида. А если же нет, пусть будет это мое маленькое открытие нематериальным подарком Анаиде Николаевне на юбилей. Потому что без нее у меня ни слуха, ни уха, ни сердца, ни любви, ни знания не было бы этих мне, по сути говоря, «не своих» литератур. А стали своими. По-настоящему. И все – благодаря ей одной.

Глубокий ей поклон!

Милена ЛИЛОВА

«Русский клуб» поздравляет со славным юбилеем Анаиду Беставашили и желает всех благ!

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ФОТО АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

1512-2972